Мари Бенедикт

ОДНА В МУЖСКОЙ КОМПАНИИ

«— Здесь, в Америке, мы снимаем благопристойные фильмы. Фильмы, которые можно смотреть всей семьей. Мы не демонстрируем те части женского тела, которые предназначены только для глаз мужа. Это понятно?
Я кивнула. Я была готова к этому вопросу. Похоже, что "Экстаз" теперь повсюду будет меня преследовать».

Будущей легенде Голливуда Хеди Ламарр мировую известность принёс фильм «Экстаз». Десятиминутный эпизод обнаженного купания и сцена, изображающая оргазм, в 1933 году вызвали настоящую сенсацию. Юная актриса вскоре вышла замуж за австрийского миллионера, сколотившего состояние на торговле оружием, однако довольно быстро поняла, что попала в золотую клетку.

Сбежав от мужа в Америку, Хеди познакомилась с Луисом Майером — одним из основателей знаменитой киностудии Metro Goldwyn Mayer, и быстро снова стала кинозвездой, а во время Второй мировой войны она придумала технологию, позволявшую создать эффективную систему радиоуправления торпедами.

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

ISBN 978-5-907143-51-7
9 785907 143517

16+
Знак информационной продукции

Жизнь как роман

Мари Бенедикт

ОДНА В МУЖСКОЙ КОМПАНИИ

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)
Б46

Marie Benedict
THE ONLY WOMAN IN THE ROOM

Перевела с английского
Ольга Полей

Художник
Алексей Вайнер

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Настоящее издание опубликовано при содействии
Laura Dail Literary Agency, Inc. и литературного агентства *Синопсис*

Бенедикт М.

Б46 Одна в мужской компании : [роман] / Мари Бенедикт; [пер. с англ. О. Полей]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 352 с. — (Серия «Жизнь как роман»).

ISBN 978-5-907143-51-7

Кто помнит сейчас имя Хеди Ламарр? А ведь эта актриса считалась эталоном красоты 1940–1950-х годов и стала легендой золотого века Голливуда, впервые полностью раздевшись на большом экране и изобразив оргазм в кино.

Еще труднее представить себе, что эта кинозвезда успела внести вклад и в науку. В «свободное от покорения Голливуда время» Ламарр придумала технологию, позволявшую создать эффективную систему радиоуправления торпедами, которая легла в основу таких стандартов современной беспроводной связи, как GSM, Bluetooth и Wi-Fi.

Но это случится потом, а в начале 1930-х годов на юную актрису положил глаз один из богатейших людей Австрии, «торговец смертью», не гнушавшийся сотрудничать с фашистами. Выбор, сделанный в тот момент, определил ее дальнейшую судьбу...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7)

© Marie Benedict, 2019
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательство Аркадия», 2020

ISBN 978-5-907143-51-7

ЧАСТЬ I

Глава первая

17 мая 1933 года
Вена, Австрия

Мои веки дрогнули, я открыла глаза, но тут же снова сощурилась, ослепленная лучами софитов. Чтобы не упасть, я незаметно оперлась на руку стоящего рядом актера и, изобразив на лице уверенную улыбку, стала ждать, пока зрение прояснится. От яркого света и оглушительного грохота аплодисментов меня слегка пошатывало. Маска, прочно приросшая к лицу на время спектакля, соскользнула: на какой-то миг я вновь стала не Елизаветой, баварской императрицей девятнадцатого века, а просто юной Хеди Кислер.

Но не могла же я на глазах у зрителей знаменитого Венского театра выпасть из образа их любимой императрицы. Пусть даже и по завершении спектакля. Она ведь была для венцев символом некогда славной Габсбургской Австрии — империи, господствовавшей почти четыреста лет, и в эти унизительные дни после Мировой войны ее образ был особенно дорог

людям. Правда, последние годы жизни императрицы, когда золотая цепь императорской немилости стала ярмом на ее шее, ограничивающим каждое движение, в пьесу, конечно, не вошли. Об этом венцам думать не хотелось, а игнорировать неприятные факты они умели как никто.

На долю секунды я снова прикрыла глаза, ушла в себя, отбросила прочь Хеди Кислер со всеми ее пустяковыми заботами и мелкими чаяниями. Усилием воли я вновь заставила себя ощутить на плечах мантию императрицы, а в душе — стальную несгибаемую твердость и тяжкий груз долга. Решительно открыла глаза и устремила взор на своих подданных.

Передо мной возникла публика. Я увидела, что зрители хлопают мне не с мягких сидений роскошных театральных кресел, обтянутых красным бархатом, а стоя. Такую честь мои земляки-венцы оказывали далеко не каждому. Я-императрица принимала эти почести как должное, а вот я-Хеди засомневалась: может быть, эти аплодисменты предназначены вовсе не мне, а еще кому-нибудь из актеров, занятых в «Сисси»? Да вот хотя бы Гансу Ираю, который играл Франца-Иосифа, — ведь он живая легенда Венского театра. Я ждала, когда коллеги выйдут на поклон. Все они были вознаграждены громкими рукоплесканиями, но, когда в центр сцены вышла я, зрители пришли в настоящее неистовство. Да, это был мой триумф.

Как же жаль, что папа не видел мою игру в этот вечер. Если бы мама не вздумала разыгрывать из себя больную, — конечно, только для того, чтобы оттянуть на себя внимание в такой важный для меня

день, — он мог бы полюбоваться на мой дебют в Венском театре. Я знаю, его порадовал бы такой восторг публики, и, если бы он своими глазами увидел, что творится со зрителями, может быть, хоть это смыло бы с меня пятно позора от опрометчивого появления на экране в фильме «Экстаз». Роли, о которой я всей душой мечтала забыть.

Овации стали стихать, и по рядам пробежал беспокойный ропот: в центральном проходе показалась процессия капельдинеров с охапками цветов в руках. Такой вызывающий жест, да еще и у всех на виду, взбудоражил обычно сдержанных венцев. Я почти слышала, как они перешептываются: кто же это осмелился устроить такое пышное шествие в день премьеры? Это можно было бы оправдать разве что неумеренным проявлением родительской гордости, но я-то знала: мои осмотрительные родители на такой поступок никогда бы не решились. Может быть, перестарались родные кого-то из коллег?

Капельдинеры приблизились к подмосткам, и я увидела, что в руках у них не обычные цветы, а отборнейшие оранжерейные розы. С десяток букетов, если не больше. Сколько же может стоить такой ворох? Я могла только гадать, кто может позволить себе такую невероятную роскошь в наше время.

Капельдинеры поднялись на сцену, и стало ясно: им велено вручить букеты адресату на глазах у всей публики. Не зная, как правильно реагировать на такое нарушение приличий, я бросила взгляд на других актеров — вид у них был такой же обескураженный. Режиссер сделал знак капельдинерам прекратить эту демонстрацию, но тем, должно быть, хорошо

заплатили: они не обратили на него внимания и выстроились в ряд передо мной.

Они начали вручать букет за букетом — вскоре цветы уже не помещались у меня в руках, и тогда капельдинеры стали складывать их к моим ногам. Спиной, каждым позвонком, я чувствовала неодобрительные взгляды коллег. Малейшая прихоть этих прославленных артистов могла как вознести, так и обрушить мою карьеру. Несколько нужных слов в нужный момент — и я кубарем покачусь вниз с вершины успеха, и меня заменят любой из множества молодых актрис, претендующих на эту роль.

Я уже думала, что придется отказаться от букетов, но одна мысль внезапно остановила меня. Их ведь мог прислать кто угодно. Возможно, какой-нибудь видный деятель любой из враждующих политических групп — консерватор из Христианской социальной партии или социалист из социал-демократической. Или еще хуже: мой щедрый даритель — сторонник национал-социалистической партии, выступает за объединение Австрии с Германией и поддерживает ее недавно провозглашенного канцлера, Адольфа Гитлера. Маятник власти каждый день раскачивался из стороны в сторону, и рисковать сейчас нельзя было никому. Тем более мне.

Публика перестала хлопать. В неловкой тишине все вновь уселись на свои места. Все, кроме одного человека. У одного из самых лучших мест в театре, в середине третьего ряда, стоял какой-то мужчина с широкой грудью и квадратной челюстью. Один из всех зрителей он остался стоять.

Не сводя с меня глаз.

Глава вторая

17 мая 1933 года
Вена, Австрия

Занавес упал. Коллеги-актеры бросали на меня насмешливые взгляды. Я пожала плечами и покачала головой — это должно было выразить, как я надеялась, и недоумение, и неодобрение подобных поступков. Приняв поздравления и выждав сколько нужно, чтобы соблюсти приличия, я ушла и закрылась у себя в гримерке. Я была охвачена гневом и тревогой: эти цветы отвлекли внимание от моего триумфа, от роли, которая должна была помочь мне раз и навсегда развеять память об «Экстазе». Нужно выяснить, кто это сделал и что это было: комплимент, пусть неуклюжий, или что-то еще.

Вытащив конверт, спрятанный в самом большом букете, я взяла маленькие ножницы и вскрыла его. Достав плотную кремовую карточку в золотой рамке, я поднесла ее поближе к лампе, стоявшей на туалетном столике, и прочла:

«Незабываемой Сисси. С уважением, Фридрих Мандль».

Что еще за Фридрих Мандль? Имя было мне знакомо, но я никак не могла вспомнить откуда.

Дверь моей гримерки заходила ходуном от настойчивого стука.

— Фройляйн Кислер?

Это была Эльза Люббиг, старая и опытная костюмерша, вот уже двадцать лет одевавшая всех звезд Венского театра. Даже во время Мировой войны и в тягостные годы после поражения Австрии эта седовласая матрона помогала актерам готовиться к спектаклям, что поддерживали боевой дух венцев, напоминали им об историческом величии Австрии и рождали мечты о счастливом будущем.

— Входите, пожалуйста! — крикнула я.

Даже не взглянув на море роз, фрау Люббиг начала снимать с меня желтое, солнечного цвета платье. Пока я втирала крем в лицо, чтобы снять плотный слой сценического грима, а вместе с ним последние остатки образа, она выплела из моих волос замысловатый шиньон, подобающий, по мнению режиссера, императрице Елизавете. Фрау Люббиг молчала, но я чувствовала — она только выжидает удобного момента, чтобы задать вопрос, несомненно занимающий сейчас весь театр.

— Красивые цветы, фройляйн Кислер, — заметила наконец фрау Люббиг после того, как похвалила мое выступление.

— Да, — ответила я, ожидая пока не высказанного вопроса.

— Можно поинтересоваться, от кого они? — спросила она, покончив с прической и переходя к корсету.

Я помолчала, раздумывая над ответом. Можно было соврать, приписать оплошность моим

родителям, но тогда эта сплетня станет той ценностью, которую она сможет пустить в оборот при удобном случае, а если я доверю ей настоящий секрет, она будет у меня в долгу. Иметь в своих должниках фрау Люббиг может оказаться небесполезным.

Я улыбнулась и протянула ей карточку.

— Некто Фридрих Мандль.

Она ничего не сказала, но я слышала, как она сдавленно охнула, и это было более чем красноречиво.

— Вы о нем слышали? — спросила я.

— Да.

— Он был в театре сегодня вечером?

Я знала, что фрау Люббиг смотрит все спектакли из-за кулис, зорко наблюдая за порученной ее заботам актрисой, чтобы вовремя привести в порядок надорванный подол или сбившийся набок парик.

— Да, фройляйн Кислер.

— Это тот, что остался стоять после последних аплодисментов?

Она вздохнула.

— Да, фройляйн Кислер.

— Что вы о нем знаете?

— Не хотелось бы рассказывать, фройляйн Кислер. Не по чину мне.

Я подавила улыбку: ох уж эта притворная скромность фрау Люббиг. В ее сокровищнице хранилось столько тайн, что это делало ее во многих отношениях самой влиятельной персоной в театре.

— Вы сделаете мне большое одолжение.

Она помолчала, делая вид, что обдумывает мою просьбу.

— До меня доходили только сплетни и слухи. Не всегда лестные.

— Прошу вас, фрау Люббиг.

— В общем... — Я видела ее в зеркале: она словно перелистывала аккуратно сохраненное в памяти досье, прикидывая, какой кусочек информации выдать. — У герра Мандля еще та репутация в делах с женщинами.

— Как и у любого мужчины в Вене, — со смехом отвечала я. Если дело только в этом, можно не волноваться. С мужчинами я умела себя поставить. Во всяком случае, с большинством мужчин.

— Дело не сводится к обычным интрижкам, фройляйн Кислер. Один его роман закончился самоубийством молодой немецкой актрисы Евы Мэй.

— Какой ужас, — выдохнула я, хотя, имея за плечами свою собственную историю разбитых сердец и попытку самоубийства одного из отвергнутых воздыхателей, я не могла судить его слишком строго. История, конечно, ужасная, но эта пикантная подробность — явно не все, что известно фрау Люббиг. По ее тону я чувствовала, что она что-то скрывает и ей есть что еще рассказать. Ей просто хотелось, чтобы я поупрашивала ее подольше.

— Если вы знаете еще что-то, я буду вам очень обязана.

Она помялась.

— Такими сведениями в наши дни делятся с осторожностью, фройляйн Кислер.

В эти смутные времена информация была валютой.

Я взяла ее за руку и заглянула ей в глаза.

— Эти сведения останутся между нами, они нужны мне только для моей же безопасности. Обещаю вам, что никому не стану их передавать.

После долгого молчания она сказала:

— Мандль — владелец *Hirtenberger Patronenfabrik*. Его компания производит боеприпасы и другое вооружение.

— Малоприятный бизнес, я бы сказала. Но кто-то должен делать и эту работу, — ответила я. Я не считала, что о человеке нужно судить только по роду занятий.

— Дело не столько в том, что он производит оружие, сколько в том, кому он его продает.

— Неужели?..

— Да, фройляйн Кислер. Его прозвали торговцем смертью.

Глава третья

26 мая 1933 года
Вена, Австрия

Через девять дней после моего театрального дебюта в «Сисси» над Веной висела почти полная луна, отбрасывая темно-фиолетовые тени. Она достаточно ярко освещала городские улицы, так что, хотя час был поздний, я решила пройти остаток пути из театра домой пешком и выскочила из такси. Ужасно хотелось тихого антракта, передышки между тем сумасшествием, что творилось в театре после спектакля, и бурей родительских чувств, ожидавшей меня дома после каждого выступления. И сегодня тоже.

Прохожих было совсем мало: седовласая пара, неторопливо возвращающаяся домой после позднего ужина, молодой человек, что-то насвистывающий на ходу, — я чувствовала себя в безопасности. Театр располагался в фешенебельном девятнадцатом районе, и чем ближе к дому моих родителей в Дёблинге, тем богаче и многолюднее становились улицы, — в общем, бояться было нечего. Но родители все равно ужасно встревожились бы, если бы узнали, что я разгуливаю по улицам одна.

Они всегда очень волновались за свое единственное дитя.

Я отбросила мысли о маме и папе и улыбнулась, вспомнив статью, опубликованную в *Die Presse* на этой неделе. Мое исполнение роли императрицы Елизаветы расхваливали с таким жаром, что зрители расхватали все билеты на спектакль, и вот уже три вечера подряд в театре оставались только стоячие места. Мой авторитет в театральных кругах возрос, и наш обычно критично настроенный режиссер во всеуслышание осыпал меня комплиментами. Приятно было получать одобрительные отзывы после скандала из-за обнаженной сцены в «Экстазе». Эта режиссерская идея казалась вполне приемлемой и художественно оправданной ровно до тех пор, пока публика, в числе которой были и мои родители, не пришла в ужас и возмущение, и я теперь понимала, что приняла правильное решение — вернуться в театр после короткого опыта в кино. Как будто вернулась домой.

В детстве театр был для меня защитой от одиночества, возможностью впустить в свое тихое существование каких-то других людей, помимо вечно стоящих над душой няни и гувернантки и вечно отсутствующих мамы с папой. Сначала я просто сочиняла роли и сюжеты для кукол, которых у меня было множество, и разыгрывала их на импровизированной сцене под огромным столом в папином кабинете, а потом, как-то незаметно для меня самой, игра стала чем-то гораздо большим. Когда я пошла в школу — и внезапно в мою жизнь хлынули новые люди, головокружительно разнообразные, — актерство

стало моим способом встраиваться в мир, своего рода валютой, которую можно было снимать со счета по мере надобности. Я могла стать той, кого втайне мечтали видеть окружающие, и, в свою очередь, получала от них все, что хотела. Но только выйдя впервые на сцену я осознала масштаб своего дара. Я могла скрыть свое «я» под маской совершенно другого человека, созданного режиссером или писателем. Мне достаточно было бросить взгляд на зрителей, и я могла сколько угодно наслаждаться своей властью над ними.

Единственным темным пятном в потоке света, который щедро дарила мне игра в «Сисси», были эти ежевечерние розы. Цвет их каждый раз менялся, но количество оставалось постоянным. Мне приносили розы цвета фуксии, бледно-розовые, цвета слоновой кости, кроваво-красные, даже редкие нежно-лиловые, но всегда ровно двенадцать дюжин. Это было просто неприлично. Хорошо хоть, передавать их стали иначе. Капельдинеры больше не вручали мне цветы на сцене, торжественно и при всех; теперь они потихоньку расставляли их у меня в гардеробной во время последнего акта.

Этот таинственный герр Мандль... Кажется, я видела его несколько раз среди зрителей, в вожделенном для многих кресле третьего ряда, но полной уверенности у меня не было. Он не пытался общаться со мной после письма, переданного вместе с первыми розами, и до сегодняшнего вечера. В этот раз на карточке в золотой рамке, торчавшей среди ярко-желтых — точно в цвет моего платья — цветов, было написано от руки:

Дорогая фройляйн Кислер, мне бы очень хотелось пригласить вас после спектакля на ужин в ресторан отеля «Империал». Если вы согласны, пожалуйста, дайте знать моему шоферу, который будет ждать до полуночи у служебного входа.

С уважением, Фридрих Мандль.

Мои родители пришли бы в ужас, если бы я допустила хоть мысль о встрече с незнакомым мужчиной наедине, без сопровождения. Тем более в гостиничном ресторане, хоть бы это и было знаменитое творение архитектора Йозефа Хоффмана. Того, что я уже узнала о герре Мандле, было достаточно, чтобы мне и самой не захотелось нарушить этот запрет. С помощью осторожных расспросов мне удалось собрать еще кое-какие сведения о моем таинственном поклоннике. Немногочисленные друзья, которых я успела приобрести в замкнутом театральном мирке, слышали, что в своих делах он руководствуется исключительно прибылью, а отнюдь не моральными принципами тех, кому он продает оружие. Но самый крупный самородок достался мне без всяких просьб — от нашей поставщицы секретов, фрау Люббиг, которая шепнула мне, что герр Мандль пользуется покровительством правых автократов, поднимающих голову по всей Европе. Эта новость меня особенно встревожила: Австрия сейчас как раз всеми силами боролась за сохранение своей независимости, поскольку географически ее со всех сторон окружали жадные до чужих земель диктаторские режимы.

Но, хоть я и не решилась пойти ужинать в отель «Империал», полностью игнорировать герра Мандля больше было невозможно. Судя по всему, он имел связи в политических кругах, а обстановка в Вене сложилась такая, что осторожность была необходима всем. Но я просто не знала, как реагировать на такое проявление внимания: до сих пор я встречалась исключительно с мягкими и уступчивыми молодыми людьми, близкими мне по возрасту. Поскольку плана действий у меня пока не было, я прибегла к помощи фрау Люббиг, попросив ее отвлечь шофера герра Мандля, пока я пройду мимо служебного входа и выйду через главный.

Мои каблуки выстукивали стаккато по тротуару — я подходила уже к Петер-Йорден-штрассе. Я мысленно отмечала знакомые дома соседей, шагая мимо них к нашему, как говорили родители, «коттеджу». Все жители Дёблинга называли так свои дома, что, однако, совсем не подходило им из-за весьма солидных размеров. Это было данью уважения английскому архитектурному стилю, в котором строились все здания этого района — большие, просторные, с закрытыми со всех сторон семейными садиками.

В нескольких кварталах от дома моих родителей свет стал как будто меркнуть. Я подняла взгляд вверх, на луну — не закрыли ли ее тучи, но нет, она светила все так же ярко. Никогда раньше я такого не замечала, но ведь я почти никогда и не ходила по нашему району ночью одна. Не оттого ли здесь кажется темнее, что совсем рядом с Петер-Йорден-штрассе раскинулся густой Венский лес,

Винервальд, где мы с папой так любили гулять по воскресеньям?

Кроме нашего дома во всем квартале не было видно ни единого проблеска электрического света. На меня смотрели черные окна соседских «коттеджей», едва заметно озаренные тусклым светом свечей. И я вдруг вспомнила, почему здесь так темно. Многие из жителей Дёблинга, нашего своеобразного анклава, хотя в целом и не придерживались ортодоксальных религиозных обычаев, все же чтили традицию не пользоваться электричеством от захода солнца в пятницу до захода солнца в субботу. Я совсем забыла об этом: ведь мои родители этот обычай никогда не соблюдали.

В Дёблинге, еврейском квартале в католической стране, отмечали шаббат.

Глава четвертая

26 мая 1933 года
Вена, Австрия

Стоило мне перешагнуть порог, как я почувствовала знакомый запах. Еще не видя роз, я уже знала, что их тут полон дом. Боже мой, да зачем же этот герр Мандль еще и сюда их прислал?

Из гостиной доносились нестройные аккорды Баха на бехштейновском рояле. Дверь за мной захлопнулась, щелкнул замок, музыка смолкла, и мама окликнула меня:

— Хеди? Это ты?

Я передала пальто Инге, нашей горничной, и отозвалась:

— Кому же еще быть в такой час, мама?

Папа вышел из гостиной встречать меня. Держа в уголке рта деревянную трубку с замысловатым резным узором, он спросил:

— Как поживает наша императрица Елизавета? Ты опять «царила на сцене», как выразилась *Die Presse*?

Я улыбнулась папе — своему высокому, красивому, несмотря на седые виски и морщинки вокруг голубых глаз, папе. Даже в это позднее время,

в двенадцатом часу, он был безукоризненно одет: в тщательно отутюженный темно-серый костюм с бордовым галстуком в полоску. Неизменно надежный, успешный управляющий одного из самых известных венских банков — *Creditanstalt Bankverien.*

Он взял меня за руку, и на мгновение мне вспомнилось детство — наши с ним субботние и воскресные послеобеденные часы, когда он терпеливо отвечал на все мои вопросы об окружающем мире и о том, как тот устроен. Мне разрешалось спрашивать о чем угодно — хоть об истории, хоть о литературе, хоть о политике, и я готова была сколько угодно сидеть с ним вдвоем, жадно наслаждаясь его безраздельным вниманием. Однажды в солнечный день, один из самых моих любимых, он целый час объяснял мне природу фотосинтеза, когда я поделилась с ним своими детскими размышлениями о том, что же едят растения; терпение, с каким он отвечал на мои неустанные вопросы о живой природе и физических явлениях, никогда не иссякало. Но этих часов было так мало: мама, работа и общественные дела требовали много времени, и на мою долю папы почти не оставалось. А без него в моей жизни были лишь нескончаемые уроки и домашние задания, однообразные повседневные дела с няней или, реже, с мамой, которая обращала на меня внимание только тогда, когда я сидела за пианино, а она бранила мою игру. Я обожала музыку, но садилась за инструмент только тогда, когда мамы не было дома.

Папа провел меня в гостиную, усадил в одно из четырех обитых парчой кресел, стоявших вокруг

камина, в котором в этот прохладный весенний вечер горел огонь. В ожидании, когда мама придет и сядет с нами, он спросил:

— Проголодалась, моя маленькая принцесса? Можно попросить Ингу принести тебе чего-нибудь. Ты все еще такая худенькая после пневмонии.

— Нет, папа, спасибо. Я поела перед спектаклем.

Я окинула быстрым взглядом комнату, бесконечные семейные портреты на стенах, и без того слишком густо испещренных полосами обоев, и заметила, что кто-то — скорее всего, мама — красиво расставил по всей комнате дюжину букетов бледно-розовых роз. Папа только приподнял бровь, но ни слова не сказал о цветах. Мы оба знали: все расспросы мама возьмет на себя.

Мама вошла в комнату и налила шнапс в рюмку. Даже не произнеся ни слова, не встретившись со мной взглядом, она сумела яснее ясного выразить свое недовольство.

В комнате было тихо: мы ждали, когда мама заговорит.

— Судя по всему, у тебя появился поклонник, Хеди, — сказала она, сделав большой глоток шнапса.

— Да, мама.

— Чем же ты могла дать повод к таким демаршам? — Тон у нее был, как обычно, обвинительный. Я закончила по ее настоянию школу, но не вышла из нее готовой к замужеству, подающей надежды будущей хаусфрау, как она надеялась. Когда я выбрала профессию, которую она считала пошлой,

хотя театральное искусство всегда высоко ценилось в Вене, она сделала вывод, что и поведения от меня остается ждать соответствующего. И, признаю, иногда я оправдывала ее ожидания, принимая ухаживания какого-нибудь молодого человека. Время от времени я позволяла отдельным поклонникам — будь то аристократ Риттер Франц фон Хохштеттен или стремительно восходящая звезда, мой коллега по фильму «Экстаз» Ариберт Мог — все то, что мама рисовала в своем воображении: это был мой тайный бунт против нее. А что мне терять, говорила я себе. Так или иначе она будет думать, что я занимаюсь всякими непристойностями. Кроме того, мне нравилось видеть, что я могу иметь над мужчинами такую же власть, как и над публикой, — нравилось покорять их.

— Ничего, мама. Я даже никогда не видела этого человека.

— С чего бы мужчина стал посылать тебе столько роз, если он ничего не получает взамен? Если ты его даже не знаешь? Может быть, этот человек видел тебя в этом непристойном «Экстазе» и решил, что ты доступная женщина?

Папа довольно резко перебил ее:

— Хватит. Может быть, это в знак восхищения ее игрой, Труда.

По-настоящему маму звали Гертрудой, а уменьшительным именем папа называл ее только тогда, когда хотел задобрить.

Пригладив выбившиеся из идеальной прически черные пряди, мама встала. Хотя роста в ней было немногим больше полутора метров, она казалась

гораздо выше. Решительным шагом она подошла к письменному столу, где стоял букет с карточкой. Взяла серебряный нож для бумаги и вскрыла уже знакомый мне кремовый конверт.

Поднеся карточку в золотой рамке к свету, она прочитала вслух:

Герр и фрау Кислер, за эту неделю мне посчастливилось четыре раза увидеть вашу дочь в роли императрицы Елизаветы, и я хочу поздравить вас как родителей столь талантливой актрисы. Я желал бы представиться вам лично, чтобы испросить разрешения встречаться с вашей дочерью. Если вы не возражаете, я заеду к вам в воскресенье вечером, в шесть часов: это единственный вечер, когда в театре нет представлений.

Искренне ваш, Фридрих Мандль.

Герр Мандль перешел к решительным действиям.

К моему безмерному удивлению, родители молчали. Я-то думала, мама только фыркнет в ответ на такое предложение, сочтя его дерзким и неуместным, или начнет упрекать меня в каких-то мифических прегрешениях, которые и привлекли ко мне внимание герра Мандля. А папа, всегда такой мягкий, когда дело не касается меня, разразится бранью в ответ на подобную просьбу постороннего человека, не связанного с нами ни через друзей, ни через родственников. Но вот их любимые каминные часы, свадебный подарок маминых родителей, отстучали в тишине уже почти минуту, а они оба все молчали.

— В чем дело? — спросила я.

Папа вздохнул — он вообще что-то часто стал вздыхать в последние месяцы.

— Мы должны действовать с осторожностью, Хеди.

— Почему?

Мама осушила рюмку и спросила:

— Ты что-нибудь знаешь об этом человеке?

— Немного. Когда он начал посылать розы мне в гримерную, я расспросила о нем в театре. Кажется, он ведет бизнес, связанный с боеприпасами.

— Так он и раньше присылал тебе цветы? — Голос у папы был встревоженный.

— Да, — тихо ответила я. — Каждый вечер, начиная с премьеры «Сисси».

Они как-то загадочно переглянулись. Потом папа ответил за обоих:

— Я сам напишу ответ герру Мандлю. Мы пригласим его на коктейль в воскресенье к шести, а потом ты, Хеди, пойдешь с ним ужинать.

Я была ошарашена. Мама всегда мечтала, чтобы я вышла замуж как полагается, за какого-нибудь милого молодого человека из Дёблинга, да и папа, кажется, был с ней солидарен, хоть никогда и не говорил об этом. Однако до сих пор они не вмешивались так открыто в мою личную жизнь. Даже когда я отказалась оставить карьеру и принять предложение руки и сердца отпрыска одной из знатнейших немецких семей — фон Хохштеттена. И уж во всяком случае, они никогда не принуждали меня ходить на свидания с кем бы то ни было. Что же случилось теперь?

— А у меня есть выбор?

— Прости, Хеди, но так надо. Этого человека мы не можем позволить себе оскорбить, — печально ответил папа.

Хоть я и догадывалась, что рано или поздно встречи с герром Мандлем не избежать, мне хотелось воспротивиться. Но при виде папиного огорченного лица я сдержалась. Очевидно, что-то заставило, а точнее, кто-то заставил его принять такое решение.

— Почему, папа?

— Хеди, ты родилась уже после Мировой войны. Ты не понимаешь, что такое политика, какой разрушительной силой она может стать. — Он покачал головой и снова вздохнул. Но объяснять не стал. С каких это пор папа что-то скрывает от меня, словно я все равно не способна разобраться в сложных материях? Он же сам всегда говорил, что для меня нет ничего невозможного. Его непоколебимая вера придала мне уверенности, когда я решилась пойти в актрисы.

Я старалась говорить спокойно, не выдавая злости и возмущения.

— Папа, если я выбрала актерскую профессию, это еще не значит, что я не могу разбираться ни в чем, кроме театра. Уж ты-то можешь это понять.

Меня раздражал отцовский покровительственный тон, непривычный после стольких лет, когда он обращался со мной как с равной. Разве мало воскресных вечеров мы провели у камина после семейных ужинов, обсуждая газетные статьи?

Я была еще почти ребенком, а он уже подробно пересказывал мне сводки новостей, пока не убеждался, что я досконально вникла во все нюансы внутренней и внешней политики, не говоря уже о ходе развития экономики. Мама в это время потягивала шнапс, неодобрительно качала головой и бормотала себе под нос: «Только время зря убивают...» Почему папа решил, что я изменилась — только потому, что теперь я провожу вечера в театре, а не с ним у камина?

Он слабо улыбнулся и сказал:

— Наверное, ты права, моя маленькая принцесса. Тогда ты должна знать, что всего лишь два месяца назад, в марте, канцлер Дольфус воспользовался несовершенством наших процедур парламентского голосования, прибрал к рукам правительство и распустил парламент.

— Ну конечно, папа. Это во всех газетах было. Я ведь не только театральный раздел читаю. И колючую проволоку вокруг здания парламента я видела.

— Тогда ты должна понимать, что таким образом Австрия, вслед за Германией, Италией и Испанией, превратилась в диктатуру. Формально мы все еще остаемся страной с демократической конституцией и двумя партиями: консервативной Христианской социальной партией Дольфуса, опирающейся, с одной стороны, на сельских жителей, а с другой — на представителей высшего класса, и оппозиционной Социал-демократической партией. Но в реальности дело обстоит иначе. Власть сосредоточена в руках канцлера Дольфуса, и он делает

все для того, чтобы эта власть стала абсолютной. Ходят слухи, что он собирается запретить Шуцбунд — военизированную организацию Социал-демократической партии.

Мне стало не по себе, когда папа отнес Австрию в одну категорию с соседними фашистскими странами, а ее лидера — в один разряд с Бенито Муссолини, Адольфом Гитлером и Франсиско Франко.

— Кажется, я еще не видела, чтобы об этом писали вот так прямо, папа.

Я знала, что Австрия со всех сторон окружена фашистскими диктаторами, но считала, что в нашей стране такие люди не стоят у власти. По крайней мере, пока.

— Может быть, в газетах ты и не видела слово «диктатор», но это именно то, что теперь представляет собой канцлер Дольфус со своим Хаймвером. Эта полувоенная организация успешно заменяет ему личную армию. Ведь, как ты знаешь, после договора об окончании Мировой войны возможность Австрии формировать войска была ограничена. Официальный глава Хаймвера — Эрнст Рюдигер Штаремберг, но за ним стоит его близкий друг и коллега по бизнесу, Фридрих Мандль. Он обеспечивает все военные нужды Хаймвера и, по всей видимости, участвует также и в разработке стратегии.

Когда папа вдруг стал читать лекцию о политике, я решила было, что его занесло куда-то в сторону, но теперь я поняла, к чему он ведет — к герру Мандлю. Теперь становилось ясно, какого рода власть сосредоточена в руках этого человека.

— Я понимаю, папа.

— Не уверен. Это ведь еще не все, Хеди. Ты, конечно же, читала в газетах, что Адольф Гитлер в январе стал канцлером Германии.

— Да, — ответила я, и мама встала, чтобы налить себе еще шнапса. Обычно она ограничивалась одной рюмкой — потягивала из нее потихоньку весь вечер.

— А тебе известно об антисемитской политике, которую Гитлер проводит в Германии?

Я лишь мельком пробегала статьи на эту тему: мне как-то не приходило в голову, что это имеет какое-то отношение к нам. Но признаваться папе в своем невежестве не хотелось, и я сказала:

— Да.

— Значит, ты знаешь, что как только нацисты пришли к власти, они объявили официальный бойкот еврейских предприятий и запретили неарийцам занимать должности в юридической сфере и на государственной службе. Немецкие граждане — евреи — не только подверглись жестоким нападениям, но также лишились всех гражданских прав. Прав, которыми австрийские евреи пользуются с 1840-х годов.

— Я читала об этом, — сказала я, хотя, правду сказать, просматривала статьи на эту тему очень бегло.

— Ну, тогда ты, может быть, читала и об австрийских нацистах, которые стремятся объединить нашу страну с Германией, и, как бы люди ни относились к Дольфусу с политической точки зрения, главный общий страх — что канцлер Гитлер устроит государственный переворот и захватит Австрию.

Публично об этом ничего не говорилось, но до меня доходили слухи, что месяц назад канцлер Дольфус встречался с итальянским правителем Муссолини и что Муссолини согласился помочь Австрии с защитой в случае германского вторжения.

— Это, наверное, хорошо, хотя я не уверена, что Австрии следует принимать одолжения от Италии, — заметила я. — Муссолини ведь тоже диктатор, и, может быть, все кончится тем, что мы отобьемся от Гитлера, а получим Муссолини.

Папа перебил меня:

— Это все верно, Хеди, но Муссолини не проводит такую жесткую антисемитскую политику, как Гитлер.

— Понимаю, — сказала я, хотя все равно мне не было до конца ясно, что так тревожит папу. Нас-то эта политика в любом случае вряд ли коснется. — Но какое это имеет отношение к герру Мандлю?

— У герра Мандля давние связи с Муссолини. Он уже не один год поставляет ему оружие. Ходят слухи, что это он организовал встречу Дольфуса и Муссолини.

У меня закружилась голова: теперь я начинала различать ниточки, вплетавшие Мандля в эту гнусную ткань. И этот человек имеет на меня виды?

— Герр Мандль и есть тот человек, на котором держится трон канцлера Дольфуса. Но, возможно, на нем же держится и независимость Австрии.

Глава пятая

28 мая 1933 года
Вена, Австрия

Лед позвякивал о хрусталь бокалов. Снизу, долетая до верхней площадки крутой лестницы, до меня доносился принужденный смех и неразборчивый гул светской беседы. Вот в разговоре образовалась пауза, которую тут же заполнила музыка: под опытными мамиными руками приглушенно зазвучали аккорды Бетховена. Мои родители пытались наладить отношения с Фридрихом Мандлем.

Мы договорились, что я буду ждать наверху, пока папа не позовет. Таким образом, у родителей было время поломать голову над загадкой, что же представляет собой герр Мандль и достоин ли он встречаться с их единственным чадом. Хотя все мы знали, что это чистая формальность, что отцовское разрешение было дано в тот момент, когда герр Мандль поставил свое имя под письмом к моим родителям.

У меня вспотели ладони: непривычное ощущение. До сих пор мне не приходилось так нервничать, во всяком случае, из-за мужчин. Я могла чувствовать трепет за секунду до того, как поднимется занавес на сцене, или в долгие минуты перед тем,

как режиссер крикнет: «Мотор!», но из-за свиданий — никогда. Молодые люди меня не пугали. Во всех прошлых романах я всегда брала над ними верх, с легкостью завязывая и разрывая любовные связи. Я относилась к ним как к объектам, на которых можно попрактиковаться в тактике хамелеона, как к кирпичам, из которых строила свою актерскую карьеру.

Я поднялась с кушетки, на краешке которой сидела, и в сотый раз встала перед большим зеркалом. Мы с мамой обсуждали, как лучше одеться для этой встречи. Ничего слишком провокационного — не то у него может сложиться неверное впечатление обо мне, и ничего чересчур детского — не то он может обидеться, решив, что его не воспринимают всерьез. Мы остановились на изумрудно-зеленом креповом платье с широкими плечами и неглубоким вырезом, с юбкой значительно ниже колена.

Я ходила взад-вперед по комнате и напрягала слух, стараясь разобрать, о чем идет разговор внизу. Какие-то обрывки долетали, но невозможно было понять, к чему они относятся. Раздался громкий смех, а затем папа позвал:

— Хеди, спускайся, пожалуйста, если ты готова.

Бросив напоследок еще один взгляд в зеркало, я сошла вниз по лестнице. Каблуки стучали безбожно. Папа ждал меня в дверях гостиной, и на лице у него застыла тщательно отработанная маска любезности. Я знала, что за ней скрывается тревога.

Взяв папу под руку, я шагнула через порог в гостиную. Мама сидела на диване и поглядывала на герра Мандля с опаской. Что же касается моего

визитера, мне был виден только его аккуратно причесанный затылок.

— Герр Мандль, позвольте представить вам мою дочь, фройляйн Хедвиг Кислер. Думаю, вы с ней знакомы, хотя официально ни разу не встречались.

Папа тихонько подтолкнул меня вперед.

Мама и герр Мандль одновременно поднялись, и он повернулся ко мне лицом. После всех этих грязных слухов — и о политике, и о женщинах — я ожидала увидеть нечто омерзительное. Я даже собрала в кулак свое мужество, думая, что оно мне понадобится. Мужчина отвесил мне церемонный поклон, затем наши взгляды встретились, и его вид показался мне неожиданно привлекательным. Не столько даже в смысле внешности, хотя он был и красив какой-то утонченной красотой, в своем безупречном темно-синем костюме английского покроя со сверкающими запонками на манжетах, но главное — привлекало исходящее от него ощущение силы и уверенности. Это был уже не мальчик, а мужчина, не чета моим прежним воздыхателям.

Он первым начал разговор:

— Это большая честь, фройляйн Кислер. Я поклонник вашей игры, как вам, думаю, уже известно.

Щеки у меня вспыхнули, что тоже случалось со мной крайне редко.

— Спасибо за цветы. Очень красивые и... — я не сразу подыскала нужное слово, — изысканные.

— Они лишь бледное отражение моего восхищения вашей игрой.

Гладкие слова так и лились у него изо рта.

В комнате повисло неловкое молчание. Обычно у мамы, неизменно ловкой в светском общении, всегда была наготове подходящая реплика, но этот гость, кажется, всех выбил из колеи. Папа пришел на выручку.

— Герр Мандль рассказывал нам о своей любви к искусству.

— Да, — обернулся тот ко мне, — я узнал, что ваша матушка до замужества была концертирующей пианисткой. Признаюсь, я уговорил ее сыграть, хоть она и уверяла, что выступает теперь только в кругу семьи. Ее исполнение Бетховена было мастерским.

То, что мама согласилась сыграть для него, куда яснее говорило мне о том, насколько напуганы мои родители, чем папин вчерашний монолог о политических и военных махинациях Мандля. Двадцать лет назад, оставив карьеру, чтобы выйти замуж за папу, мама поклялась никогда не играть больше ни для кого, кроме родных. И со своим обычным упрямством оставалась верной этому обету до сегодняшнего вечера.

— Полагаю, вы и свою дочь научили прекрасно играть, — сказал он.

— Собственно говоря... — нерешительно проговорила мама.

Я понимала — мама не в силах заставить себя похвалить мою игру. Она требовала полного совершенства и всегда оставалась недовольна моими стараниями, так же как и моей внешностью. Она как будто считала, что я родилась красивой нарочно, исключительно ей назло.

— Вы видели еще какие-нибудь новые спектакли в этом месяце, герр Мандль? — Я постаралась отвлечь внимание от мамы, которая была явно не в своей тарелке, и перевести разговор на более общую тему. Не хотелось, чтобы мама стала заполнять паузу нервической болтовней, да еще нелестной для меня.

Мандль перевел свои карие глаза на меня, встретившись со мной взглядом.

— Правду сказать, фройляйн Кислер, после вашего исполнения роли Сисси мне не хочется даже смотреть на других актеров и актрис. Я хожу только в Венский театр.

От такого напора мне стало неловко и очень хотелось отвести глаза. Но я чувствовала — он хочет видеть во мне не застенчивость, а силу. Поэтому я выдержала его взгляд и произнесла те слова, которых требовал этикет:

— Вы слишком льстите мне, герр Мандль.

— Я искренен в каждом слове, и каждая роза досталась вам заслуженно.

Мама пришла в себя и проронила фразу, отрепетированную несчетное количество раз, начиная с самого моего детства. Я слышала ее постоянно, стоило кому-то назвать меня хорошенькой, похвалить мою фортепьянную игру или актерское искусство, и особенно, когда папа объяснял мне устройство автомобильного двигателя или технологию производства фарфора.

— Избалуете вы мне девочку, герр Мандль.

Эта фраза не была шутливым и ласковым упреком, как могло показаться со стороны. Это было

отражение ее искреннего чувства — я не заслуживаю, чтобы меня баловали, мне и так уже дано слишком много, хотя я — по самой внутренней сути своей — ничего хорошего не достойна.

Сумеет ли этот незнакомец расслышать осуждение, прячущееся за мамиными словами?

Если герр Мандль и уловил истинный смысл этой фразы, он ничем этого не выдал. Все так же глядя мне прямо в глаза, он сказал:

— Я бы с удовольствием побаловал ее, фрау Кислер. — Обернувшись к папе, он спросил: — Будет ли мне позволено пригласить вашу дочь на ужин?

Украдкой бросив на меня извиняющийся взгляд, папа ответил:

— Да, герр Мандль.

Глава шестая

28 мая 1933 года
Вена, Австрия

Мы вышли из лимузина герра Мандля и едва успели войти в вестибюль отеля «Империал», как в тот же миг весь персонал обступил его. Даже известный своей разборчивостью метрдотель легендарного ресторана резво подбежал к моему спутнику, чтобы предложить свои услуги. В тех редких и торжественных случаях, когда я обедала здесь с родителями — в дни рождения и после выпуска из школы, — нам приходилось чуть ли не мольбами добиваться внимания и почти час ждать, чтобы сделать заказ. Заведение, славящееся своей изысканной кухней и надменными работниками, теперь, когда рядом был герр Мандль, было совсем другим. Но я старалась не выдавать своего изумления и разыгрывать роль искушенной женщины.

Под несмолкающие перешептывания за спиной нас проводили к столику, расположенному в самом лучшем месте, в центре зала, отделанного деревянными панелями. Я всегда считала папу успешным человеком, да так оно и было, но только теперь я поняла, что такое настоящий вес в обществе. Забавно,

как отчетливо это читалось по поведению ресторанной обслуги и во взглядах других посетителей.

Розы всех мыслимых оттенков украшали стол, придавая яркости и самому залу, роскошному, но однотонному. Ни на одном из других столиков цветов не было, только бронзовые подсвечники, увенчанные горящими белыми свечами, — должно быть, герр Мандль специально заказал их для этого случая. Очевидно, он с самого начала не сомневался, что мои родители не смогут отказать ему в свидании со мной.

Герр Мандль пресек все попытки метрдотеля усадить меня и сам выдвинул мягкий стул с полосатой обивкой. Хоть я и удобно устроилась, но все же чувствовала себя неловко в том платье, что выбрали мы с мамой. В зеркале оно казалось простым и достаточно скромным. Но здесь все дамы были разодеты по последней моде — в платья, сшитые из тонких полосок дорогой ткани, украшенных сверкающими нитями. Рядом с ними я выглядела просто монашкой.

Мандль деловито осведомился, что мне нравится из еды и какое вино я предпочитаю, а затем спросил:

— Вы не будете возражать, если я сам сделаю для вас заказ? Я здесь часто бываю и имею кое-какое представление об их лучших блюдах. Мне бы очень не хотелось, чтобы вам пришлось разочароваться.

Многие мужчины брали заказ на себя, даже не спрашивая разрешения, и я оценила его любезность. Однако я понимала, что слишком уж покорно соглашаться не следует: он был сильный человек,

и мне тоже следовало продемонстрировать силу в ответ.

— Обычно я предпочитаю заказывать сама, но на этот раз пусть будет по-вашему.

Как я и рассчитывала, мое замечание его приятно удивило. Он рассмеялся — глубоким, мелодичным смехом — и знаком подозвал официанта к столику. Заказав нам устриц и шампанское, а затем шатобриан, он завел разговор о театре. Мандль поинтересовался моим мнением о постановке и распределении ролей в последних спектаклях. Он был хорошо знаком с известными венскими режиссерами, писателями и актерами. Обычно мужчины мало знали мир театра или не интересовались им. Для меня были редкостью и такой содержательный разговор, и его настойчивое желание услышать мое мнение. Это было неожиданно и приятно.

Затем мы молча ели устриц, пока он не спросил:

— Полагаю, вы уже наслышаны обо мне?

Такой прямой вопрос застал меня врасплох. Я чувствовала себя хорошо рядом с ним и на какой-то момент забыла о его зловещей репутации. Не зная, как безопаснее ответить, я решила сказать честно: его беззастенчивая прямота заслуживала такой же прямоты в ответ.

— Да, наслышана.

— И, думаю, не с лучшей стороны.

У меня засосало под ложечкой. Мы-то с родителями надеялись, что вечер пройдет без обсуждения его персоны.

— Но и не только с худшей, — с улыбкой ответила я, надеясь внести легкомысленную нотку

в этот щекотливый разговор и, может быть, перевести его на прежнюю тему.

Мандль положил вилку на тарелку, аккуратно вытер уголки губ льняной салфеткой и произнес:

— Фройляйн Кислер, я ценю ваш выдающийся интеллект и не стану утверждать, что слухи, которые распространяют обо мне, ложны. Это правда, что я встречался с несколькими женщинами и что уже был когда-то женат. Верно и то, что в своей работе я иногда имею дело с политическими деятелями и движениями, которые кто-то может счесть сомнительными. Все, чего я прошу, чтобы вы предоставили мне возможность доказать, что я отличаюсь от тех, с кем веду дела, и что я более почтителен с женщинами, чем можно предположить по числу моих связей. Моя репутация — это еще не я сам.

Хоть я понимала, что мои чувства неуместны и с этим человеком следует быть очень осторожной, но все же его слова тронули меня. Я могла его понять. Я ведь тоже пыталась восстановить свое доброе имя после выхода фильма «Экстаз». Сцены с обнаженной натурой и сексом — когда режиссер ткнул в меня булавкой, чтобы вызвать на лице выражение оргазма, — стали поводом к запрету фильма в некоторых странах и цензурным изъятиям в других, и это бросило тень на мое имя. Хотя, конечно, скандал только усилил желание людей посмотреть запретный фильм. Так почему этот человек не заслуживает такого же шанса на искупление своих грехов, какого я искала для себя?

Прежде чем я успела ответить, он вновь заговорил.

— Вы, кажется, колеблетесь, фройляйн Кислер, и я был бы удивлен — может быть, даже немного разочарован, — если бы было иначе. Я не люблю играть в игры, поэтому прошу вас — пожалуйста, позвольте мне выразить мои чувства и намерения напрямую.

Я кивнула в знак согласия, хотя меня немного испугало такое предложение.

— Я не слишком религиозный человек, фройляйн Кислер. И не особенно романтичный.

Я невольно приподняла бровь и взглянула на розы.

— То есть обычно нет, — сказал он с улыбкой. Тут же его лицо снова стало серьезным. — Но когда я видел вас на сцене, в какой-то момент у меня возникло чувство, что мы знакомы. Не просто где-то встречались — на какой-нибудь светской вечеринке, — а будто я знал вас всегда. Это случилось перед самым вашим выходом на поклон: на несколько секунд вы перестали быть императрицей Елизаветой и стали собой. Вот тогда я и почувствовал, что знаю вас.

Он еще что-то говорил, но я уже не слышала. Меня так потрясло это признание, что я с головой ушла в собственные мысли.

— Это было крайне необычное ощущение для меня, и я чувствую между нами странную связь... — Он резко оборвал себя и покачал головой. — Если бы мои коллеги по бизнесу услышали меня сейчас, то решили бы, что это речь какого-нибудь слабоумного обожателя. И вы, наверное, так же думаете.

Я могла бы и дальше слушать, как он путается в словах, сидеть молча и наблюдать, как человек, который, по слухам, держит в руках судьбу всей Австрии, запинается на каждом шагу. Его поведение могло бы служить мне оправданием для отказа в дальнейших встречах. Но я чувствовала между нами какое-то необычное притяжение.

— Нет, я бы никогда о вас так не подумала.

— Если так, не согласитесь ли вы увидеться со мной еще раз?

Мне уже приходилось принимать ухаживания молодых людей, и, хотя мне было всего девятнадцать, я уже не была невинной девочкой. У меня было много поклонников: Вольф Альбах-Ретти, граф Блюхер фон Вальштатт и среди прочих даже один молодой русский академик, чья длинная, непроизносимая фамилия стерлась из памяти. К одним я быстро теряла интерес, с другими развлекалась подольше. Некоторых допускала к телу, но большинство держала на расстоянии. Но ни один из них не удостоил меня подобной уважительной откровенности. Они кружили в замысловатом брачном танце, столь привычном для большинства мужчин, но абсолютно предсказуемом и оскорбительном для моего интеллекта. При всех их титулах, деньгах и дипломах, ни в одном из них я не видела ровню и потому очень скоро расставалась с ними. А Фридрих Мандль был другим.

Я помолчала, делая вид, будто обдумываю его вопрос. Он не пытался скрывать свое нетерпение, а я тянула с ответом сколько могла, наслаждаясь его

неуверенностью и своей властью над этим весьма могущественным человеком.

Я сделала большой глоток шампанского, аккуратно облизнула губы, прежде чем заговорить. Затем наконец ответила:

— Да, герр Мандль. Я хотела бы встретиться с вами снова.

Глава седьмая

16 июля 1933 года
Вена, Австрия

Я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Мне пришлось прикрыть рот рукой и подавить заливистый девичий смех, готовый сорваться с губ, ведь подобное легкомыслие было бы не к лицу той утонченной даме, которую я изображала. Хотя вряд ли это так уж покоробило бы Фрица. Он, кажется, был от меня в полном восторге, даже от черт, которые у меня самой восторга не вызывали.

Наконец овладев собой, я провела пальцем по краю тарелки. Поверхность сверкала золотом, хотя, конечно же, это был просто позолоченный фарфор. Словно прочитав мои мысли — а это случалось в последнее время все чаще, — Фриц ответил:

— Да, милая, тарелки из чистого золота.

Смех, который я с таким трудом сдерживала, все-таки вырвался наружу.

— Золотые тарелки? Нет, правда?

Он засмеялся вместе со мной, а затем объяснил:

— Почти. Разумеется, чистое золото — слишком мягкий металл, и его в любом случае нужно смешивать с другим. В данном случае в сплав для прочности добавлено серебро, отчего тарелки стали тверже, не потеряв при этом свою красоту... совсем как ты.

Я улыбнулась комплименту: было очень приятно, что он ценит во мне силу характера. Большинство мужчин моя уверенность в себе отпугивала, а вот Фриц всегда интересовался моим мнением и уважал мои взгляды, даже когда они расходились с его собственными.

— Ты их где-то заказал? Не могу себе представить, чтобы золотые тарелки можно было найти в обычном магазине, где продают фарфор.

— Скажем так — после недавних волнений в университетах появилась возможность их купить. Притом по разумной цене.

Эти слова меня озадачили. Что он имел в виду — беспорядки прошлой зимой и весной, когда социалисты из Венского университета не пустили туда еврейских студентов? Но каким же образом эта стычка могла привести к тому, что упали цены на золотые тарелки? Я не видела связи между этими двумя событиями, однако по краешку сознания что-то царапнуло.

Фриц прервал мои мысли, высоко подняв свой хрустальный бокал с тончайшей гравировкой.

— За последние семь недель! Счастливейших недель в моей жизни.

Мы чокнулись бокалами с певучим звоном, выпили по глотку прохладного шампанского «Вдова Клико», и я стала вспоминать эти удивительные недели. Семь роскошных ужинов — каждый вечер, когда в театре не было спектаклей. Двадцать роскошных обедов — в те дни, когда у меня не было утренних репетиций, а у него деловых встреч. Сорок девять раз мне доставляли свежие розы, и их цвет ни разу не повторялся два дня подряд. Семь недель я заставляла себя не смотреть на то место в третьем ряду, которое он забронировал для себя на весь сезон и в котором проводил те вечера, когда я выступала на сцене. Все это время весь Венский театр гудел от пересудов — не считая фрау Люббиг, на чьи уста легла печать, как только она узнала о моем новом романе, и с тех пор они не открывались. Каждый вечер родители с тревогой ждали моего возвращения — рука об руку с самым богатым человеком в Австрии, который утверждает, что я вернула ему молодость. И даже надежду.

Весь мой мир сосредоточился в нем одном. Каждую свободную минуту, за исключением того времени, что проводила на сцене, я была с ним. Как он и просил, я дала ему шанс проявить себя.

За это время мы успели пообедать во всех лучших ресторанах Вены и ее окрестностей, но ни разу не были ни в одном из его трех домов: ни в огромной венской квартире, ни в замке под названием Шлосс Шварценау — неподалеку от одноименного города, примерно в ста двадцати километрах

к северо-западу от столицы, — ни в роскошном охотничьем домике из двадцати пяти комнат, получившем название «Вилла Фегенберг», в восьмидесяти километрах к югу от Вены, — ни разу до сегодняшнего вечера. Ужинать в доме взрослого мужчины без надлежащего сопровождения — это шло вразрез со всеми правилами, которые свято соблюдали мои родители. Поэтому я ничего им не сказала.

В этот вечер Фриц провел меня через закрытые ворота к белокаменному зданию с колоннами на Шварценбергплатц, 15, в самом богатом районе Вены, неподалеку от Рингштрассе. Затем мы прошли мимо консьержа в форме и трех швейцаров, направились к закрытому лифту, на котором мы и поднялись на самый верхний этаж. Там он показал мне свою квартиру в двенадцать комнат — скорее, целый дом, потому что она занимала три этажа, и я сдержанно похвалила ее, хотя в душе готова была рассыпаться в самых неумеренных восторгах. Дом был обставлен в стиле, поначалу показавшемся мне слишком суровым по контрасту с той уютной пестротой, к которой я с детства привыкла в Дёблинге. Но чем дольше я приглядывалась к этой изысканной и простой однотонной мебели, коврам и картинам, тем более приторным и слащавым казался мне избыток украшений, обычный для большинства венских домов. В доме не возникало ощущения пустоты и стерильности — напротив, он вызывал чувство удивительной современности и свежести.

Мы неторопливо наслаждались пятью блюдами французской высокой кухни с какими-то диковинными соусами, которые Фриц заказал своему шефповару, и пили прекрасное французское шампанское. Временами я ненароком проводила рукой по ткани скатерти, кресла и салфеток. Шелк-букле под кончиками пальцев вызывал восхитительное ощущение чего-то до неприличия роскошного. И хотя лицо Фрица и было обращено к слуге, наливающему ему еще шампанского, но я заметила его отражение в массивном зеркале на стене напротив. Фриц сиял, видя, что я в восторге.

Он поднес бокал к губам и задал очередной вопрос о моем детстве. Его необычайно занимало все, что касалось моей биографии, но он никогда не рассказывал о своих юных годах. Казалось невероятным, что вот этот безупречный, властный мужчина, сидящий передо мной, когда-то был нежным, хрупким мальчиком. Может, он уже родился таким — жестким и сильным? Словно он вышел из материнского лона и сразу же пошел по жизни своей уверенной походкой.

— Довольно обо мне, Фриц. Ты ведь наверняка уже понял, что биография Хедвиг Кислер из Дёблинга не слишком богата захватывающими событиями. А вот ты — совсем другое дело. Как начинался жизненный путь Фридриха Мандля?

Он усмехнулся и начал рассказывать о своей *Hirtenberger Patronenfabrik*. Это была тривиальная история про семейный бизнес, связанный с военным производством, про то, как Фриц сумел возродить

его и заставить расти в геометрической прогрессии, даже несмотря на банкротство, вызванное поражением Австрии во время Великой войны. Повествование было гладким, почти безупречным, словно отрепетированным. Похоже, что он повторял его при всяком подходящем случае, но я-то ожидала услышать не сухой отчет о работе компании, а нечто большее. Мне хотелось знать настоящую биографию Фрица. Личную историю мальчика, ставшего самым богатым человеком в стране, а не тщательно подготовленный для публики доклад о развитии его предприятий.

— Очень впечатляет, Фриц. Особенно то, что ты договорился с банком о кредите, чтобы вернуть фабрику в собственность семьи после банкротства. Это был гениальный ход.

Он улыбнулся. Как же он падок на похвалу.

Я продолжала:

— Ну а о семейной жизни? Расскажи мне про свою мать.

Широкая улыбка моментально пропала с его лица. Челюсти сжались и выглядели теперь еще более угловатыми. Куда пропал тот беззаветно влюбленный, страстный Фриц, которого я знала? По спине у меня пробежал холодок. Я откинулась на спинку кресла, а он, заметив мою реакцию, снова улыбнулся.

— Да тут и рассказывать нечего. Типичная австрийская хаусфрау.

Я понимала, что настаивать не следует. Сменив тему, чтобы поднять настроение, я спросила:

— Ты не мог бы показать мне гостиную?

— Отличная идея. Может быть, перенесем туда аперитивы и десерты?

Он взял меня за руку и усадил на диван, стоявший перед широким окном, из которого открывался превосходный вид на архитектурные красоты, окружающие Рингштрассе. В окнах богато украшенных зданий сияли огни. Они отражались в многочисленных зеркальных поверхностях гостиной. Я отпила глоток шампанского из изящного бокала, который Фриц наполнил, и почувствовала себя невероятно счастливой. Успех в роли Сисси, бурно развивающийся роман — все это было настолько идеальным, что казалось каким-то ненастоящим. Незаслуженным, сказала бы мама.

Взглянув на Фрица, я заметила, что он неотрывно смотрит на меня и улыбается в ответ на мою улыбку. Он наклонился ближе и поцеловал меня — сначала нежно, потом нежность сменилась страстностью, и его руки скользнули от талии к спине. Я почувствовала, как его губы прижались к шее, а пальцы начали расстегивать платье.

Я уже бывала близка с молодыми людьми. Долгие поцелуи и объятия где-нибудь на балконе или за кулисами, неумелые ласки и тисканье на заднем сиденье машины. Три дня, проведенных тайком в пустой квартире родителей профессора, где я нарушила все запреты. Но я понимала: с Фрицем нужно быть сдержанной, не торопить события — пусть он добивается меня. И я высвободилась, хотя и страстно желала его.

— Мне нужно идти, — проговорила я, почти задыхаясь. — Родители будут в ярости, если я приду домой после полуночи.

Он убрал руки и загадочно улыбнулся.

— Как хочешь, ханси[1].

Я обняла его, чтобы поцеловать на прощание.

— Не хочу, но придется. Мои родители — люди твердых правил.

Щекоча меня дыханием, он сказал:

— Что касается правил — полагаю, дома тебя ждет сюрприз. Возможно, уже грядут перемены.

---

[1] Зайка (*нем.*).

Глава восьмая

16 июля 1933 года
Вена, Австрия

Шофер открыл передо мной дверцу, но Фриц все еще крепко держал меня за руку.

— Так жаль, что уже пора говорить тебе «спокойной ночи», — прошептал он.

— И мне жаль, — прошептала я в ответ. Это была правда. Когда между нами завязался роман, я говорила себе — он мне вовсе не нравится, я слушаю, киваю, говорю с ним, смеюсь и даже целуюсь только по необходимости, потому, что эта роль навязана мне родителями. Очередной спектакль. Я думала, что если понадобится, то я найду какие-то пути для отступления. Но теперь та, подлинная Хеди, что скрывалась под этой актерской маской, начала испытывать настоящие чувства. И я поняла, что мое сердце теперь так же уязвимо, как все те сердца, которые я разбивала в своих прежних любовных играх.

Однако на самом деле мои истинные чувства здесь ничего не решали, в точности как и на сцене. Я высвободила руку и, не говоря больше ни слова, вышла из машины. В родительском доме было темно.

Если бы не свет убывающей луны, я могла бы споткнуться на вымощенной камнем дорожке, ведущей к двери. Нащупав в темноте дверную ручку, я тихонько открыла дверь и закрыла ее за собой — осторожно, чтобы не разбудить никого, даже Ингу, нашу домработницу. Было далеко за полночь — может быть, мне и тут повезет, может быть, мама с папой уже крепко спят, и никакой шум их сейчас не потревожит. Я с облегчением расправила плечи: кажется, на этот раз мне удастся лечь в постель без обычных долгих и подробных расспросов.

Расстегнув пряжки серебристых туфелек на высоких каблуках, я тихонько выскользнула из них. Осторожно, стараясь не стучать, поставила их на пол. Легкими шагами, не ступая на те половицы, которые, как я знала, могли скрипнуть, прокралась к лестнице и начала беззвучно подниматься.

Но когда я открыла дверь своей спальни, то увидела, что папа сидит на краешке кровати, с трубкой в зубах.

— Все в порядке, папа? — До сих пор он никогда не дожидался меня в моей спальне. Они с мамой либо ждали моего возвращения в гостиной, куря и потягивая шнапс после вечера в театре с друзьями, либо ложились в постель. По крайней мере, так было до тех пор, пока я не начала встречаться с Фрицем.

— Никто не заболел, если ты об этом, Хеди.

Подобрав складки длинного платья, я уселась рядом с ним на краешек кровати и подогнула под себя босые ноги.

— В чем дело, папа?

— Сегодня герр Мандль нанес мне визит в банке, — сказал он, затянувшись трубкой.

— В самом деле? — Зачем бы Фрицу приходить к моему отцу? А главное — почему за весь вечер, пока мы были вместе, он об этом не упомянул?

— Да, он пригласил меня на ланч в свой частный клуб, и, поскольку мы знаем, кто такой герр Мандль, я согласился.

Лихорадочно перебирая в уме возможные причины, я спросила дрожащим голосом:

— И о чем вы говорили за ланчем?

Он выпустил к потолку колечко дыма и проводил его взглядом, пока оно не коснулось штукатурки и не исчезло. Только после этого он ответил:

— Мы обменялись обычными любезностями, но, разумеется, в основном речь шла о тебе. Он очень увлечен тобой, Хеди.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки, и порадовалась, что в комнате темно. Сколько бы меня ни предостерегали, сколько бы грязных историй я ни услышала о Фрице, меня тянуло к нему с необычайной силой. И мне нравилось, что, когда он рядом, его сила словно бы передается мне. Было ошибкой судить об этом человеке по его репутации, он уже доказал мне это.

— Это было очень мило с его стороны — пригласить тебя на ланч.

Я не знала, что еще сказать. Расспрашивать папу о подробностях разговора было бы неловко.

— Я, кажется, не вполне ясно выразился, Хеди. Он завел со мной этот разговор не только ради восхваления твоих многочисленных достоинств.

— Да? — Голос у меня дрогнул от волнения — радостного или тревожного, я сама не знала.

— Да. Герр Мандль просил у меня твоей руки. Он хочет на тебе жениться.

— Жениться?

Я была потрясена. Мы ведь знакомы каких-то семь недель.

— Да, дорогая. Он твердо намерен взять тебя в жены.

— О-о-о... — выдохнула я. Во мне разразилась целая буря чувств: тут были и гордость, и страх, и ощущение собственной силы. Ведь Фриц — не какой-нибудь желторотый поклонник, очарованный звездой, как герои всех моих прежних приключений. Он взрослый мужчина, у него могло быть сколько угодно женщин, а он выбрал меня.

Папа отложил трубку. Теперь руки у него были свободны, и он обнял меня.

— Прости меня, Хеди. Ведь именно я настаивал, чтобы ты не отталкивала этого влиятельного человека, и вот к каким чудовищным последствиям это привело.

— Тебе это кажется ужасным, папа?

— Милая, я в полной растерянности. Вы начали встречаться совсем недавно. Мы с твоей матерью до сих пор ничего толком не знаем о нем, кроме его убийственной репутации. Даже теперь, когда ты уже не раз ходила с ним на свидания, я все еще понятия не имею о твоих настоящих чувствах. И даже если он тебе нравится, мне все равно страшно, по-настоящему страшно думать о том, какая жизнь ожидает ту девушку, что станет женой Фридриха

Мандля. — Он помолчал, раздумывая, стоит ли говорить дальше. — Но, может быть, еще больше меня пугают последствия для тебя — для нас, — если ты ему откажешь.

Я прошептала:

— Но меня вовсе не страшит его предложение.

— Хочешь сказать, он тебе чем-то симпатичен? — В его голосе слышалось изумление. И надежда — хотя кто знает, на что именно.

— В общем... — я помолчала, не зная, как подобрать слова для такого разговора. Было так непривычно и неловко рассказывать отцу о моих чувствах к мужчинам. Когда дело касалось моих прошлых романов, мы говорили об этом иносказательно и осторожно. — Мне, безусловно, льстит его предложение, папа. И да, он мне нравится.

Папа отстранился и заглянул мне в глаза. В слабом свете лампы, стоявшей на ночном столике, я увидела, что в глазах моего стоического и несгибаемого отца блестят слезы.

— Ты ведь говоришь это не для того, чтобы мне стало легче?

— Нет, я серьезно.

— Но между увлечением каким-то мужчиной и желанием выйти за него замуж большая пропасть, Хеди, — настоящая бездна.

Я подумала — может быть, говоря об этом, он думал о своих сложных отношениях с мамой. Но не стала ни отвечать на папин скрытый вопрос, ни спрашивать, права ли я в своих предположениях. Я вернулась к прежней теме.

— Что ты об этом думаешь, папа?

— В любом другом случае, невзирая на все твои романтические чувства, я был бы против по многим причинам. Он слишком стар для тебя, вы почти не знаете друг друга. Мы не знаем его семью. Его репутация запятнана — и в деловом отношении, и в том, что касается женщин. Я мог бы продолжать и продолжать. И, уверен, твоя мать была бы со мной заодно, хотя я пока не стал обсуждать это с ней. Я хотел сначала узнать о твоем отношении к этому человеку.

Выходит, папа хочет, чтобы я ответила отказом? Его мнение много значило для меня. Вот то, что думает о Фрице мама, мне было почти безразлично. Все ее суждения были предвзятыми и бесполезными, на них неизбежно влияло презрительное отношение ко мне. В ее глазах я неизбежно стану падшей женщиной, если хоть на полшага отклонюсь от того пути, который она считала правильным.

Но папа еще не закончил.

— Но сейчас я, правду сказать, не знаю, что и думать. Если он тебе нравится, этот союз может послужить тебе защитой в будущем. Он человек влиятельный. Как ни относись к его политическим взглядам и приверженности Дольфусу, но он, по крайней мере, делает все, чтобы сохранить независимость Австрии от Германии и этого гнусного антисемита — канцлера Гитлера. А если слухи верны, то положение для нас, евреев, становится все более угрожающим.

О чем это он? Мы ведь, в сущности, даже не евреи, во всяком случае, не такие, как все эти беженцы, наводнившие Австрию во время Мировой

войны и в суровые, голодные дни после поражения. Эти восточные евреи — «ост-юден» — жили обособленно от всего остального австрийского общества и крепко держались за свои ортодоксальные верования и обычаи. Но среди всех моих знакомых не было никого, кто носил бы традиционную одежду. Те немногочисленные религиозные евреи, что жили по соседству, выглядели обыкновенно, как все. Они соблюдали шаббат, вывешивали на дверях мезузы и выставляли в окнах меноры. Но делали это спокойно, без той вызывающей нарочитости, которая отличала ост-юден. Что же до моей семьи — да, мы и вправду не считали себя евреями, разве что еще сохраняли память о своих корнях. Мы были полностью ассимилированы и жили современной жизнью столицы. Прежде всего мы были венцами, а потом уже кем-то еще.

— Но одно дело евреи из Восточной Европы, которые здесь живут каких-нибудь пару лет, а другое мы.

Папин голос прозвучал резко.

— От того, что я не ношу ермолку и мы не празднуем Дни Трепета, мы не перестаем быть евреями, особенно в глазах окружающих. Да что говорить — мы живем не где-нибудь, а в Дёблинге, где есть своя синагога и почти все четыре тысячи жителей — евреи. И я, и твоя мать — мы оба выросли в еврейских семьях. Если все эти головорезы, что разгуливают с этими чертовыми свастиками, разойдутся по-настоящему, Дёблинг наверняка станет для них мишенью. И его жители.

— Ну нет, папа. Только не Дёблинг.

Это было почти смешно. Неужели кому-то может прийти в голову разрушить наш тихий живописный район?

Папин резкий тон смягчился, сделался грустным.

— На евреев нападают все чаще, Хеди, хоть об этом и не говорят открыто. В газеты попадают только самые жестокие и демонстративные атаки, вроде разгрома молельной в кафе «Шперльхоф» в прошлом году, которые правительство не в силах замять. В еврейских районах, заселенных ортодоксальными общинами, вроде Леопольдштадта, то и дело появляются антисемитские лозунги и происходят столкновения. Напряжение растет, и если Гитлер дотянет свои руки до Австрии, то помогай нам Бог.

Я была не в силах вымолвить ни слова. До сих пор мы с папой говорили о нашем еврействе только один-единственный раз. Воспоминание об этом разговоре всплыло в памяти так живо и отчетливо, словно я опять перенеслась в тот день. Мне было, наверное, лет восемь, и я уже несколько часов сидела под папиным письменным столом, репетируя с куклами танцевальный номер. Я обожала устраивать театр в этом темном уединенном местечке — под украшенным затейливой резьбой секретером. Вдруг я вспомнила, что мамы, которая всегда была рядом, готовая появиться из-за угла в любой момент, особенно когда мне этого не хотелось, сегодня весь день не было видно. Вместо того чтобы обрадоваться неожиданной свободе от ежедневного распорядка — свободе, благодаря которой мне и было позволено так долго играть, — я до смерти

перепугалась. А вдруг с ней случилось что-то страшное?

Я выскочила из кабинета и увидела папу — он сидел у камина в гостиной и с весьма довольным видом попыхивал трубкой. Его спокойствие неприятно резануло меня. Почему он не беспокоится?

— Где она? — завопила я с порога.

Он поднял от газеты встревоженные глаза.

— В чем дело, Хеди? Кто — она?

— Как кто? Мама! Она куда-то пропала.

— А-а-а. Не волнуйся. Она пошла на шиву в дом родителей фрау Штайн.

Я знала, что у фрау Штайн, жившей через три дома от нас, недавно умер отец, но что значит «пошла на шиву»? Это было похоже на слово из какого-то экзотического наречия.

— Как это? — спросила я и сморщила нос в «неприличной», как сказала бы мама, гримасе. Но ее рядом не было, а папа никогда не ругал меня из-за такой ерунды.

— Когда умирает еврей, семья устраивает по нему траур — принимает в его доме гостей с соболезнованиями. Это и есть шива.

— Значит, Штайны — евреи?

Это слово я изредка слышала от родителей, но не знала толком, что оно значит. Я понимала только, что все люди делятся на две части — евреев и не евреев. Когда я произносила это слово вслух, то чувствовала себя совсем взрослой.

В ответ на мой вопрос папа приподнял брови, и глаза у него как-то незнакомо округлились. Это было похоже на удивление, но я никогда не видела,

чтобы мой вечно невозмутимый папа чему-то удивлялся.

— Да, Хеди. Они евреи. И мы тоже.

Я хотела спросить еще что-то о том, что это значит — быть евреем, — но тут хлопнула входная дверь. Из прихожей донесся знакомый стук маминых каблуков, и мы с папой переглянулись. Время вопросов вышло. С этого момента я знала, к какой категории относится наша семья, но совсем не понимала, что подразумевает для нас принадлежность к ней.

Нынешний, второй по счету разговор с папой о нашем еврействе стал первым подробным обсуждением этой темы, и хотя за эти годы я и приобрела кое-какие приблизительные познания об иудаизме, его слова привели меня в ужас. До сих пор, когда я читала в газетах обо всех этих актах насилия, мне казалось, что они направлены против каких-то совсем других евреев, что наследие моих предков, от которого я так далека, никак меня с ними не связывает. Теперь я уже не была в этом уверена.

— Нам есть чего бояться, папа?

Должно быть, страх отразился у меня на лице: он тут же взял меня за руки и стал успокаивать.

— Я слишком уж разоткровенничался о своих тревогах, Хеди. Во что выльется эта смута, никто не знает. Но если кто-то и сможет тебя защитить, так это Фридрих Мандль. Может быть, рядом с ним тебе будет спокойно в эти неспокойные времена.

Глава девятая

18 июля 1933 года
Вена, Австрия

Вечер казался ярким, словно отполированным до блеска. Наш столик был расположен идеально: в самом центре зала, и мы неизбежно привлекали всеобщее внимание. Мягкий свет от массивных, обвитых серебряным узором канделябров в форме древесных ветвей заливал зал. Наши лица сияли в мерцающем свете свечей. В их теплых отблесках хрустальные бокалы сверкали ярче, а столовое серебро искрилось всеми своими зеркальными гранями. В центре стола стояла фарфоровая ваза, а в ней букет роз всех тех оттенков, какие только приносили за это время посыльные в мою гримерную. Стебли были подрезаны опытной рукой — так, чтобы все цветы были идеальной высоты и не заслоняли нас друг от друга. Слышался гул негромких разговоров других поздних посетителей и тихая фортепьянная музыка. У меня было ощущение, будто все наши прежние роскошные обеды и ужины были лишь генеральной репетицией этого момента и вот, наконец, поднялся занавес для премьеры. Или мне просто мерещились театральные эффекты

в каждой незначительной детали, потому что я ждала, что в этот вечер Фриц сделает мне предложение?

Я знала, что у папы с Фрицем вчера состоялся еще один разговор. Они вновь встретились за обедом в клубе, и тем утром, перед папиным уходом, мы репетировали, что он будет говорить. А вечером, когда я пришла домой из театра, тут же бросилась в гостиную, где он ждал, чтобы во всех подробностях пересказать мне их разговор. По словам папы, все прошло в точности так, как мы планировали, за одним исключением. Фриц дал понять: он хочет, чтобы я оставила театр, если мы поженимся, — то же условие, после которого я когда-то уже отвергла одного юного жениха. Но это предложение — от этого человека — было совсем другое дело, хотя условие меня по-прежнему не радовало. Страх перед политическими угрозами все нарастал, и ставки теперь были гораздо выше, да и мои чувства к Фрицу гораздо сильнее. После долгого, сквозь слезы, разговора с папой — в присутствии мамы, которая помогала подбирать подходящие выражения, когда мы репетировали мой ответ, — я сумела увидеть требование Фрица в другом свете и готова была принять его, хоть и без восторга.

Но Фриц ничего не сказал об этой второй встрече, как до этого ничего не сказал о первой. Поддерживать веселое настроение, говорить легким, игривым тоном, — я чувствовала, что именно этого хочет Фриц, — стоило мне огромного напряжения. Мне пришлось пустить в ход всю свою актерскую выучку, чтобы скрыть беспокойство, от которого живот сводило судорогой и даже ладони

становились липкими. Усилием воли я задвинула подальше в тень юную и неуверенную Хеди Кислер из Дёблинга — теперь я была звездой сцены Хедвиг Кислер, привычно и заслуженно наслаждающейся вниманием богатейшего человека Австрии.

Я развлекала Фрица рассказами о закулисной жизни своих коллег и о самых нелепых требованиях режиссера, когда к нашему столику подошел какой-то человек. Во время наших свиданий в ресторанах другие мужчины не раз выказывали Фрицу свое почтение коротким поклоном и негромким приветствием, но сам он никогда не вставал им навстречу и никогда не представлял их мне. А тут вскочил на ноги и сердечно пожал руку высокому господину.

— А, Эрнст. Позвольте представить вам фройляйн Хедвиг Кислер. Хеди, это граф Эрнст Рюдигер фон Штаремберг.

Граф фон Штаремберг! Даже если бы папа недавно не рассказывал мне о нем как о лидере правого, а в каких-то отношениях откровенно фашистского, политического крыла и главе Хаймвера, я бы все равно обратила внимание на известную фамилию. Семья фон Штаремберг имела длинную дворянскую родословную и владела тысячами гектаров земли и несколькими замками по всей стране.

Господин обратил в мою сторону суровое лицо с близко посаженными глазами и длинным аристократическим носом.

— Наслышан о вашем триумфе в «Сисси», фройляйн Кислер. Для меня большая честь познакомиться с вами, — произнес он с низким поклоном.

Сам граф фон Штаремберг слышал обо мне? У меня закружилась голова от того, что такой знатный и влиятельный человек знает, кто я, и на мгновение я забылась. Острый взгляд Фрица вернул меня на землю. Я кивнула.

— Очень приятно, граф фон Штаремберг. Благодарю вас за лестный отзыв о моей игре.

Глаза графа до неловкости долго разглядывали меня, и мне стало любопытно, как отреагирует Фриц, когда заметит такое внимание ко мне фон Штаремберга. К моему удивлению, я увидела, как на его лице промелькнуло довольное — а вовсе не ревнивое — выражение.

Мужчины снова повернулись друг к другу.

— Как продвигаются дела с нашим итальянским другом? — спросил фон Штаремберг.

— О, превосходно. Дата следующей встречи уже назначена, — ответил Фриц.

Они понизили голоса до полушепота, и я старалась не вслушиваться и не строить догадок о том, что за интриги они плетут с «итальянским другом», под которым наверняка подразумевался Муссолини. Чтобы чем-то заняться, я принялась разглядывать знаменитый декор ресторана. Приветственный кивок будущему и почтительный поклон прошлому: полированная французская мебель и роскошные бельгийские скатерти соседствовали с элементами тирольского стиля, и в результате рестораторам удалось создать типично австрийскую обстановку.

Мужчины прервали свой разговор, и фон Штаремберг взял меня за руку.

— Придется мне зайти взглянуть на вашу игру в роли нашей легендарной императрицы Елизаветы. В наши дни людям отчаянно необходимы героини, — сказал он и поцеловал мне руку. Отвесив прощальный поклон, он направился к широким дверям ресторана, и официант поспешно распахнул их, не дожидаясь, когда он подойдет.

Мы с Фрицем вновь уселись на свои места и оба сделали по солидному глотку шампанского.

— Прошу прощения, что нам пришлось прерваться, Хеди, — сказал Фриц.

— Не нужно извинений, Фриц. Мне было приятно познакомиться с графом фон Штарембергом.

— Рад это слышать. Эрнст не просто хороший друг. Благодаря сходству наших политических и экономических взглядов, у нас с ним сложился прочный союз, и я полагаю, тебе предстоит часто встречаться с ним в будущем.

На слове «будущее» я сглотнула комок в горле. Неужели сейчас? Вот и настал момент, который изменит мою жизнь?

Я постаралась унять растущую тревогу и волнение.

— Было очень любезно с его стороны похвалить мою игру. У такого человека, как граф фон Штарембергер, должно быть, есть заботы поважнее, чем моя игра в «Сисси».

Фриц молчал, и я забеспокоилась — не допустила ли я какую-нибудь оплошность? Может быть, его задели мои слова о том, что важной персоне некогда интересоваться театром и актрисами, а значит, сам он, в отличие от графа, персона не такая уж важная?

— Ханси, тебе действительно так милы огни рампы? — внезапно спросил он.

В эту минуту я поняла, что мы подошли к самой сути дела. Отвечать следовало с максимальной осторожностью, иначе можно упустить свой шанс. Прошлой ночью мы с родителями до рассвета обсуждали этот трудный вопрос и мой еще более трудный ответ. Как ни жаль было жертвовать театром, я решила, что обмен карьеры на покой и безопасность, которые может обеспечить Фриц, — разумная и необходимая сделка. Но теперь, когда момент настал, смогу ли я выговорить эти слова?

Я набрала в грудь воздуха.

— Огни рампы и аплодисменты никогда не были главным для меня, Фриц. Но я люблю вживаться в новую роль, жить каждый раз новой жизнью.

Это был текст, который подготовили мы с папой.

— А если тебе предложат другую жизнь? И роль, которую ты сможешь играть каждый день, каждую минуту, а не только когда выходишь на сцену? Тогда ты могла бы обойтись без театра?

Я понимала, что он хочет от меня услышать, знала, что нужно сказать, чтобы не упустить эту возможность. С напускной скромностью я опустила глаза и ответила:

— Это зависит от того, какую роль мне предложат. И кто предложит.

Он прокашлялся и объявил:

— Роль жены. Я прошу тебя стать моей женой.

Взглянув на Фрица сквозь опущенные ресницы, я переспросила:

— Правда?

Он придвинул ко мне через столик черную бархатную коробочку и открыл ее передо мной. Там лежало широкое золотое кольцо с бриллиантами. Никогда в жизни я не видела такого экстравагантно-дорогого украшения. Я даже представить не могла, сколько карат в камнях, которые ушли на его отделку. Я едва не рассмеялась при мысли о том, как я, девятнадцатилетняя девчонка, еще два года назад ходившая в швейцарскую школу, надену это кольцо, созданное скорее для изящной руки урожденной принцессы крови.

— Что скажешь, ханси?

— Да, Фриц. Я буду твоей женой.

Он надел мне кольцо на палец и подал знак официанту, чтобы тот налил еще шампанского. Когда мы пили за будущую фрау Мандль, меня, как я и ожидала, охватило чувство потери: вот и нет больше актрисы Хеди Кислер. Кем она могла бы стать, если бы Фриц Мандль не пришел на премьеру «Сисси»? Ведь я знала, что эта новая роль жены, предложенная мне Фрицем, теперь со мной навсегда. Из нее нельзя будет выйти, когда закончится репетиция или опустится занавес.

И этот тост, и этот брак были прощанием с моей прошлой жизнью.

Глава десятая

10 августа 1933 года
Вена, Австрия

Церковь — та же сцена, сказала я себе. Волноваться тут не о чем.

Я еще раз поправила платье и заправила легкую прядь волос, выбившуюся из низко уложенного шиньона, в который были вплетены нежные белые орхидеи. Меряя шагами тесный закуток, отведенный для нас в часовне, я едва не столкнулась с папой. Он заметил мое волнение и притянул меня к себе — осторожно, чтобы не повредить ни моим изысканным орхидеям, ни сложным складкам платья, которое, несмотря на этикетку *Mainbocher*, казалось слишком простым на фоне пышного барочного интерьера Карлскирхе.

— Ты чудесно выглядишь, милая. Тебе нечего бояться.

Папа всегда говорил, что красота дана мне природой не просто так. Раньше я полагала, что цель моей красоты — Венский театр, бесценный мир культуры, для которого внешняя привлекательность была необходимым условием. А теперь я не знала, что и думать. Может быть, он имел в виду, что ее

главное предназначение — помочь мне заключить удачный брак? Такой, который поможет и мне, и моей семье?

— Кроме глаз сотен незнакомых людей, — ответила я.

Папа едва не фыркнул от смеха.

— Тебя это не должно волновать, моя маленькая актриса. Сотни незнакомых людей смотрят на тебя каждый вечер.

— Бывшая актриса, — поправила я и тут же пожалела о своих словах, увидев, как погрустнело его лицо.

— В этой толпе ты увидишь и много знакомых лиц, из Дёблинга, — он попытался переключить мое внимание.

— Которых наверняка покоробит это венчание. Хупы[2] тут не будет, — ответила я. Теперь, после того как папа сам поднял тему нашего еврейства, я не могла удержаться и не подпустить шпильку.

— Да будет тебе, милая. Большинство жителей Дёблинга — венцы уже не в первом поколении, вряд ли христианское венчание им в новинку.

— Может быть, они и бывали на христианской свадьбе в качестве гостей. Но сомневаюсь, что многим приходилось смотреть, как в этой церемонии участвует кто-то из них.

— Думаю, ты бы удивилась, если бы узнала, как часто это случается.

---

[2] Хупа — балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии бракосочетания, а также сама эта церемония.

Несколько недель после того, как Фриц сделал мне предложение, прошли как в тумане. Как мы и условились, я отыграла в «Сисси» в последний раз и выступила с заявлением: «Я так рада своей помолвке и предстоящему браку, что не стану грустить, расставаясь со сценой. То счастье, которое я чувствую сейчас, позволяет мне с легкостью отказаться от прежней мечты — добиться успеха в театре». Однако когда я готовилась к этому выступлению, то вовсе не чувствовала себя счастливой при мысли о прощании с театром, и, хоть я и не делилась своими переживаниями с Фрицем, он, должно быть, почувствовал это и попытался смягчить удар неожиданной поездкой в Париж за свадебным платьем.

Вместе с мамой, которая решила нас сопровождать, мы провели в Париже три дня. Я мечтала о театре и музеях, памятных мне по прежним поездкам с родителями. Тогда мы с папой и мамой пускались во все тяжкие: останавливались в роскошном отеле *Le Meurice*, выбранном из-за близости его к Лувру, где мы и проводили все утро, любуясь его бесподобными коллекциями живописи и скульптуры. Мама предпочитала розовую гамму-Фрагонара, папа же подолгу стоял перед приглушенными портретами Рембрандта, а затем мы шли обедать в великолепный ресторан отеля. Потом мама отдыхала, а мы с папой до вечера гуляли по близлежащим садам Тюильри, смотрели на древние тутовые деревья, посаженные еще Генрихом IV, на изящные скульптуры, а иной раз соблазнялись и более простонародными развлечениями, которые мама

решительно не одобрила бы: бродячими акробатами, кукольными театрами и миниатюрными лодочками, плававшими по небольшому озерцу. Затем, уже все вместе, мы отправлялись в оперу в Палас Гарнье или на симфонический концерт в какой-нибудь театр, в зависимости от того, какой оркестр хотелось послушать маме с папой. Множество самых теплых семейных воспоминаний было для меня связано с этими парижскими поездками.

Но в этот раз посещение Парижа не предполагало ни прогулок по городу, ни посещений выставок и театров. Фриц назначил несколько встреч с лучшими парижскими модельерами в салонах, расположенных на «бульварах высокой моды» — Камбон, авеню Монтень, Вандомской площади и авеню Георга V. Все эти часы, что мы проводили в модных домах *Vionnet*, *Schiaparelli*, *Chanel* и, наконец, *Mainbocher*, мама сидела рядом, непривычно молчаливая, а Фриц наблюдал, как я дефилирую перед ним в одном наряде за другим.

В гардеробной *Mainbocher Couture House* помощница портнихи помогла мне примерить чудесное светло-голубое платье. Ткань облегала фигуру складками, придавая сходство с нарядом греческой богини. Затем девушка отступила назад, чтобы я могла получше рассмотреть фасон в трехстороннем зеркале, прежде чем показаться Фрицу и маме, и я, не сдержавшись, вскрикнула от восторга. Платье шло мне, как не шло еще ни одно другое — оно подчеркивало все достоинства фигуры и в то же время выглядело достаточно консервативно для свадьбы. Оно привлекало внимание к лицу,

словно мягкий луч света. Совершенно особенное платье для особенного случая. Оно было идеально!

Мне не терпелось увидеть реакцию Фрица. Выйдя в уединенный салон у гардеробной, где мама и Фриц удобно устроились в креслах, украшенных ручной вышивкой по шелковой обивке, с бокалами шампанского в руках, я замедлила шаги и торжественно предстала перед ними.

Фриц оглядел меня, и на его лице появилась довольная улыбка. Его глаза задержались на моей груди — так долго, что в присутствии мамы мне это показалось даже неприличным.

— Так что скажешь? — спросила я и покружилась на месте, чтобы отвлечь его внимание от моего бюста.

— Весьма эффектно, ханси.

— Это то, что нужно, — объявила я и взглянула на маму. Даже она, похоже, одобряла мой выбор.

Фриц встал и подошел так близко, что я почувствовала его горячее дыхание.

— Довольно мило, Хеди, но это не то, что нужно.

— Как ты можешь так говорить, Фриц? — возразила я, бросая на него кокетливый взгляд. Отошла подальше и покружилась еще раз: — Разве не идеально?

Он протянул ко мне руку, и на мгновение я подумала, что он хочет притянуть меня к себе и поцеловать. Но его пальцы крепко сжали мою руку у плеча, и он проговорил со злостью, тихо, так, что слышала его только я:

— Это платье не подходит. Ты примеришь другие.

Я попятилась от него, едва не споткнувшись по пути, и скрылась в гардеробной. Фриц угрожает мне?

Вся дрожа, я молча ждала, когда помощница портнихи отколет булавки, которые удерживали на мне греческое платье. Она сняла с вешалки новое — очень необычное, черно-белое, с набивным рисунком, — и накинула его на меня. Я взглянула в зеркало. Платье оттеняло мои волосы цвета воронова крыла и бледную кожу, но резкие формы и геометрический рисунок показались мне более подходящими для светского приема, чем для свадебного наряда невесты. Но позволено ли мне будет хотя бы высказать эти соображения? Осмелюсь ли я? Во мне боролись противоречивые чувства. Я не хотела вновь услышать этот тон в голосе Фрица или почувствовать, как его пальцы впиваются мне в руку, но и не готова была идти на любые жертвы, включая выбор свадебного платья, ради сохранения мира.

Уже не кружась и не замедляя шаги, я вышла в салон, чтобы предстать перед судом Фрица. Увидев меня, он вскочил на ноги и потянул маму за руку, чтобы она тоже встала.

— Мы берем это, — объявил он, не интересуясь ни моим мнением, ни маминым. Мама увидела, как вспыхнули у меня щеки, и покачала головой. Очевидно, ни о каких спорах не могло быть и речи. Особенно после той сцены, которую она только что наблюдала.

— Оно прекрасно, — сказала я, стараясь подавить злость на него за недавнюю резкость и думать

лишь о том, с каким восхищением он смотрит на меня. Так ли важно, какое платье на мне будет? Ведь главное, чтобы не сорвался мой брак с Фрицем, который обеспечит мне безопасность и защиту.

Повернувшись к зеркалу, я попыталась увидеть себя глазами моего жениха — такой, какой он хотел меня видеть. В этом наряде я действительно выглядела неотразимо. Я поймала в зеркале взгляд Фрица и кивнула, соглашаясь с решением.

После примерки платья *Mainbocher* мы оставили маму в отеле и немного прогулялись по знакомым садам Тюильри, к северу от Вандомской площади. Здания, окружавшие восьмиугольную площадь, с арочными окнами на первом этаже, обрамленные пилястрами и декоративными колоннами, поразили меня своим величием, и Фриц с удовольствием рассказал историю Вандомской колонны, возвышающейся в центре площади. Эта колонна — больше сорока метров в высоту, построенная по образцу знаменитой колонны Траяна в Риме, — была воздвигнута в начале девятнадцатого века по приказу Наполеона, дабы ознаменовать его победы. Бронзовая колонна с барельефами на спиральной ленте вызывала нескончаемые споры. И, в зависимости от менявшегося отношения к фигуре Наполеона, ее то разрушали, то возводили вновь, пока в конце девятнадцатого века не восстановили окончательно.

— Вот так — правители и политические движения приходят и уходят, а власть денег всегда остается неизменной, — сказал Фриц, будто бы подводя итог. Однако это заявление, по всей видимости,

отражало и его политические убеждения, а власть, как мне казалось, была для него самоцелью.

Мы прошлись мимо роскошных магазинов, занимавших большую часть пространства вокруг площади, и задержались перед арочными бронзовыми окнами *Cartier*. Под золотым предвечерним солнцем драгоценности на витрине так и сверкали, и я залюбовалась одним гарнитуром: серьги, ожерелье и браслет, инкрустированные геометрическим узором из бриллиантов, рубинов, сапфиров и изумрудов. Они были прекрасны, идеальны, и, любуясь ими, я почти забыла о недавней обиде.

— Эти украшения не могут сравниться в красоте с тобой, ханси. С тобой ничто не может сравниться, — сказал Фриц, обнимая меня за плечи.

Разговор вновь зашел о нашей свадьбе: по дороге Фриц принялся излагать свои планы о том, как он намерен организовать праздничный обед после церемонии. Все, что касалось торжества, он решал единолично, безапелляционно указывая на каждую деталь: цветы, платье, музыку, ресторан, еду, список гостей — во всех подробностях, будто сценограф или режиссер. Единственное, о чем Фриц пока ни слова не сказал, — это сама церемония, и я предполагала, что до этого дело еще дойдет. Дома, наедине, мама поначалу недовольно бормотала вполголоса что-то о «неуместном» рвении жениха, взявшегося организовывать свадьбу вместо невесты. Но, проведя больше времени с Фрицем и увидев, с какой почти маниакальной серьезностью он относится к этому событию, она перестала жаловаться. Теперь она не только

сама не осмеливалась возражать, но и меня от этого предостерегала.

Единственной частью плана, по поводу которой я все же вставила свое слово, был список гостей. Фриц настаивал на том, чтобы пригласить не только представителей высшего общества, вроде датского принца Густава, баварского принца Альбрехта и греческого принца Николая, но и ведущих политических деятелей, включая канцлеров Энгельберта Дольфуса и Курта фон Шушнига. Мои запросы были скромными. Я хотела пригласить каких-нибудь пять-шесть подруг и друзей из театра и нескольких родственников с папиной и маминой стороны, однако Фриц и в этом мне отказал. Он беспокоился, что места для гостей не хватит. Фриц выбрал для свадебного обеда «Гранд-отель Вены» на Кернтнер Ринг, а там в самом большом зале можно было разместить не больше двухсот человек. Одних только гостей Фрица у нас набиралось уже как раз почти две сотни.

По дороге я спросила, нельзя ли пригласить хотя бы моего театрального наставника, известного режиссера и продюсера Макса Рейнхардта, но Фриц невпопад перебил меня:

— Что ты думаешь о Карлскирхе? Ты ее хорошо знаешь?

Что это ему вдруг пришло в голову спрашивать меня об одном из самых известных венских зданий, фантастическом барочном храме с огромным, крытым медью куполом и двумя колоннами по бокам? Какое отношение это имеет к моей просьбе внести Макса в список приглашенных? Может, она

вместительнее других, и туда можно пригласить больше гостей? Но нет, не может быть. Это же христианская церковь.

— Ну конечно, Фриц. — Я изо всех сил пыталась скрыть раздражение, надеясь, что он все же согласится расширить список. — Нельзя же жить в Вене и не знать Карлскирхе. Она сразу бросается в глаза, когда смотришь на силуэт города на горизонте. — Я едва заметно покачала головой и, помолчав немного, снова заговорила о списке. — Неужели у нас не найдется места для Макса? А как же мои тетя и дядя? Папа расстроится, если его брата с семьей не будет на свадьбе.

— Хеди, я спросил о Карлскирхе не просто так и не для того, чтобы обсуждать список гостей. Я хочу знать, хочется ли тебе провести церемонию там, — резко оборвал меня Фриц.

В Карлскирхе? Мне? Может быть, он не знает, что мы евреи? Мы с ним никогда не говорили о религии, ни о его, ни о моей. Ни разу. Я просто думала, он и сам догадается — я же из Дёблинга, как недавно напомнил мне папа.

— Я не христианка, Фриц, — осторожно сказала я. — Я не религиозна, но я из еврейской семьи.

В его лице ничего не дрогнуло.

— Я так и предполагал, Хеди. Но это не помешает нам пожениться в Карлскирхе. Мой отец в свое время перешел из иудаизма в католицизм только для того, чтобы жениться на моей матери. Я могу устроить для тебя быстрый переход в христианскую веру, и все будет улажено. — Он произнес это с такой легкостью, будто поменять иудаизм на

христианство было так же просто, как выбрать рыбу вместо говядины. И это был первый раз, когда он заговорил при мне о религиозной истории своей семьи.

Стать христианкой? Моя семья не была религиозной, однако крещение — серьезный шаг. Что скажет на это папа? Я знала, как он боится за меня и за всю нашу семью в современном политическом климате и как хочет, чтобы этот брак стал для меня защитой. Но одобрит ли он такую крайнюю меру?

Может быть, мы сумеем как-нибудь договориться так, чтобы обойтись без смены религии? Я постаралась тщательно подобрать слова.

— А нет ли у тебя на примете какого-нибудь другого места для нашей свадьбы? Может, какой-нибудь из твоих домов? Например, замок Шварценау? Или твоя венская квартира — это ведь недалеко от «Гранд-отеля», где будет обед?

Глаза у него сузились, а челюсти сжались так, как сжимались при мне только в разговорах с теми безымянными деловыми знакомыми, что подходили засвидетельствовать ему свое почтение в ресторане, да еще в тот раз, когда я заговорила о его детстве.

— Карлскирхе — это место, где женятся люди из высшего общества, и я намерен отпраздновать нашу свадьбу на должном уровне. Кроме того, мне не пристало иметь жену-еврейку. Учитывая дела, которые я буду вести в ближайшие месяцы. — Он кивнул с видом человека, принявшего решение. — Да, чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что мы должны обвенчаться в Карлскирхе.

Я замедлила шаги. Папа хотел для меня безопасности, и этот брак должен мне ее обеспечить,

но теперь оказывается, что для этого нужно поменять религию. Что мне еще остается, если я не хочу подвергать риску свою семью и себя саму? К тому же, уговаривала я себя, я все равно почти никак не связана с религиозным наследием моих предков. Мое еврейство всегда было лишь легкой тенью, и крещение тут ничего не изменит. Теперь уже поздно сворачивать с пути — слишком далеко я зашла.

Я сжала руку Фрица и ускорила шаги, чтобы подстроиться под его походку. Стараясь говорить легким и веселым тоном, ответила:

— Конечно. Карлскирхе так Карлскирхе.

В тот вечер, после ужина в ресторане *Laperouse*, отмеченном звездой Мишлен, я вернулась в свой гостиничный номер и обнаружила у себя на кровати большую коробку, завернутую в ярко-красную бумагу и перевязанную белой шелковой лентой. Под лентой торчал белый конверт. Я вынула его, открыла и прочла лежавшую внутри записку без подписи: «Моей невесте к свадебному наряду».

Сняв плотную оберточную бумагу, я увидела внутри бархатную коробку с надписью *Cartier*. Я медленно приподняла крышку. Передо мной был тот самый гарнитур, которым я любовалась в витрине магазина. Серьги, ожерелье и браслет мерцали в свете низко висящей люстры гостиничного номера, и мне не верилось, что все это царское великолепие алмазов, рубинов, сапфиров и изумрудов принадлежит мне. Но чем дольше я смотрела на них, тем явственнее становилась мысль — а не слишком ли дешево Фриц отделался?

Разве не ничтожна цена этих украшений по сравнению с теми жертвами, которые они должны были вознаградить? Сначала моя актерская карьера, а теперь наследие предков? Как ни слабо я была связана с религией моей семьи, все же это была очень серьезная уступка.

Зазвучала музыка. Фриц устроил так, чтобы перед моим выходом лучшие музыканты Венского симфонического оркестра играли оркестровые версии моих любимых произведений. Я улыбнулась, услышав мелодию *Night and Day* Коула Портера, и вдруг меня охватила паника, и на ладонях выступил пот.

Глубоко вздохнув, я взяла папу под руку и приготовилась идти по проходу между рядами. Но прежде чем мы вышли из часовни и ступили на красную ковровую дорожку Карлскирхе, папа прошептал:

— Хеди, с этим человеком нельзя обращаться, как ты привыкла себя вести со всеми этими молодыми людьми. Когда он тебе надоест, когда он тебя разозлит, с ним нельзя будет обойтись так, как с твоими прежними кавалерами. Ставки слишком высоки. Ты понимаешь, дочка?

Никогда еще папа не говорил со мной так. Может быть, я совершаю ужасную ошибку?

— Я понимаю, — сказала я. Что мне еще оставалось? Не могла же я бросить Фридриха Мандля, богатейшего человека в Австрии, «торговца смертью», прямо у алтаря.

— Хорошо. Ведь это на всю жизнь, Хеди. Для всех нас.

Глава одиннадцатая

14 августа 1933 года
Венеция, Италия

Свет струился сквозь планки жалюзи. Широкие светлые полосы падали на Фрица, спящего в нашей постели в номере для молодоженов в отеле *Excelsior*. На моего мужа.

Вот его глаза открылись, и он улыбнулся расслабленной, кривоватой улыбкой. Она придавала ему какой-то беззащитный вид — с таким лицом мой солидный и важный муж никогда не показался бы посторонним. Только мне.

— Ханси, — шепнул он.

Я обвила его ноги своими и замерла, не делая больше никаких движений навстречу. Ему всегда хотелось быть охотником, преследовать добычу, даже если она лежит с ним в одной постели. Его пальцы скользнули под шелковые бретельки моей ночной рубашки. Он потянул их вниз, но я слегка отстранилась.

— Мы уже пропустили завтрак. Если ты сейчас не дашь мне выбраться из постели, пропустим и обед, — возразила я, но мой кокетливый взгляд противоречил словам. Да, призывное выражение

я изображала для него, но это не значит, что мне самой не хотелось продолжить любовную игру. Фриц, мужчина, знавший не один десяток женщин, был опытным любовником и хорошо понимал, как доставить мне удовольствие, не то что мальчишки, с которыми я имела дело до него.

— По-моему, ты уже знаешь, что я могу быть сыт одной тобой, ханси, — тихо проговорил он мне на ухо и притянул меня к себе.

— Ну тогда я тебя сейчас накормлю, — сказала я, усаживаясь на него сверху.

Позже, когда мы и впрямь пропустили обед в *Pajama Cafe* и заказали еду в номер, он потягивал эспрессо и жевал солидных размеров бутерброд с джемом, глядя, как я одеваюсь.

— Надень другой купальный костюм, зеленый. Тот, от Жана Пату, — велел он. — У тебя в нем такие красивые ножки.

Я стянула полосатый купальный костюм, в котором собиралась идти на пляж Лидо, протянувшийся вдоль отеля *Excelsior*. Зеленый был куда более откровенным, с треугольным вырезом на уровне талии. Странно, но в этом костюме на пляже я чувствовала себя обнаженной даже сильнее, чем во время съемок тех скандальных сцен в «Экстазе». Должно быть, дело было в похотливых взглядах отдыхающих, совсем не похожих на деловитую манеру тех, кто рассматривал меня на съемочной площадке.

Я натянула тот костюм, который он потребовал, и получила новое указание:

— А губы накрась темной помадой.

Сразу же после свадьбы он стал давать весьма детальные — и безапелляционные — указания по поводу моего внешнего вида.

Я редко возражала против его желаний, как физических, так и любых других: собственно говоря, куда проще угодить тому, кто говорит о том, чего он хочет, прямо и открыто. Я даже чувствовала что-то вроде облегчения — по крайней мере, не нужно без конца читать его мысли и подстраиваться под них, как было с большинством мужчин до него. Но это требование казалось просто нелепым. Там, где я выросла, было не принято наносить на лицо несколько слоев косметики перед каждым выходом из дома.

— На пляж? Неужели и там обязательно быть ярко накрашенной?

В ответ на это мягкое возражение он нахмурился и сердито произнес:

— Да, Хеди. Помада подчеркивает форму твоих губ.

Такая настойчивость меня удивила. Так он себя не вел с того самого дня, когда потребовал, чтобы я непременно надела на свадьбу платье от *Mainbocher*. Куда подевался тот мужчина, что ценил во мне независимость суждений и силу характера?

Все же я сделала так, как он просил. Мы спустились по лестнице и прошли через фойе, обставленное в венецианском стиле, с легкими вкраплениями византийских и мавританских мотивов. Отель *Excelsior* был огромный — больше семисот

номеров, три ресторана, несколько террас, два ночных клуба, десять теннисных кортов, частный причал для яхт и, разумеется, собственный пляж. Только до пляжа от нашего номера приходилось идти чуть ли не полчаса.

Мы вышли под слепящее итальянское солнце. Надвинув шляпку пониже, чтобы широкие поля прикрывали глаза, и поправив темные очки, я поплотнее завернулась в шелковое кимоно и взяла Фрица под руку. Когда набережная стала уже и идти под руку стало совсем невозможно, он зашагал позади, бдительно поглядывая по сторонам. Так мы и шли до самого моря.

Перед нами простирался пляж Лидо, барьерный остров, отделяющий Венецию от Адриатического моря. Тут и там среди песка торчали пляжные кабинки и шезлонги, оккупированные элегантными отдыхающими в костюмах из европейских журналов мод, но небывалый восторг вызывало у меня не это, а шум волн и крики чаек. Я вдохнула соленый воздух и на короткий миг вышла из роли фрау Фриц Мандль и снова стала самой собой.

Это ощущение, впрочем, сразу пропало, как только Фриц небрежно поднял руку, чтобы подозвать пляжного официанта. Молодой паренек в полосатой рубашке резво подбежал к нам с перекинутыми через руку полотенцами.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он по-немецки, с сильным итальянским акцентом. Как он догадался, что мы говорим по-немецки? Должно быть, работники отеля, привычные к толпам иностранных постояльцев, научились

определять их национальность по каким-то своим приметам.

— Нам нужно два шезлонга и два зонтика.

— Сию минуту, — отозвался юноша и повел нас к двум последним незанятым шезлонгам на всем пляже. Шезлонги, обтянутые тканью в красную полоску, той же расцветки, что и рубашка молодого человека, стояли позади всех, и неровные ряды отдыхающих загораживали вид на море.

За те несколько дней, что мы провели в *Excelsior*, я успела разобраться в иерархии, в соответствии с которой распределялись пляжные шезлонги. Места в первых рядах, у самого моря, доставались лишь самым богатым и родовитым. Другие, не столь важные, постояльцы довольствовались шезлонгами подальше от воды — там, где удастся занять место.

Фриц еще не успел открыть рот, а я уже знала, что он сейчас скажет юноше.

— И почему вы решили, что это подходящие места для нас?

— Прошу прощения, но все остальные шезлонги уже заняты.

— Скажите вашему управляющему, что один из постояльцев хотел бы с ним поговорить. Меня зовут герр Мандль, и я буду ждать его здесь.

Бедный парнишка так и обмер. Когда он наконец отважился заговорить, голос у него дрожал.

— Как вы сказали — герр Мандль?

— Да. У вас что, туго со слухом? — рявкнул Фриц.

— Примите мои самые искренние извинения, герр Мандль. Хозяин отеля предупредил, чтобы

вам оказывалось особое внимание, что вы близкий друг самого... — Юноша осекся, не договорив, но я-то знала, о ком речь. — Я оставил для вас два лучших места, но прошло несколько часов, а вас все не было, вот я и разрешил занять эти шезлонги другим постояльцам.

— И наверняка за хорошие чаевые.

Лицо юноши вспыхнуло так, что стало одного цвета с рубашкой.

— Я доложу управляющему, что вы хотите с ним поговорить, но сначала позвольте мне, пожалуйста, выполнить вашу просьбу.

Фриц бросил на него скептический взгляд, но все же слегка кивнул в знак согласия. Мы смотрели, как юноша сломя голову бросился перетаскивать оба оставшихся шезлонга в новый, импровизированный первый ряд. Теперь мы заслоняли вид нескольким недовольным отдыхающим из того ряда, что был первым изначально, наверняка заплатившим солидные суммы за лучшие места.

Но Фриц был удовлетворен. Однако не успели мы устроиться в шезлонгах, как к нам подошел мужчина в безупречно скроенном темно-синем костюме, невозможно жарком для пляжа, а следом за ним официант. Мужчина в синем протянул руку и произнес на практически безупречном немецком:

— Позвольте, пожалуйста, представиться, герр и фрау Мандль. Меня зовут Николо Монтелло. Я — один из владельцев отеля *Excelsior*.

— А, рад познакомиться, господин Монтелло, — ответил Фриц и протянул руку для пожатия.

— Когда я услышал о том, как небрежно с вами обошелся один из наших служащих, я пришел в ужас. Представитель самого дуче просил нас проявить по отношению к вам и вашей жене высочайшее итальянское гостеприимство в ваш медовый месяц, а мы так оплошали. Пожалуйста, позвольте вас заверить, что с этого момента ваше пребывание в отеле *Excelsior* будет похоже на сказку.

— Мы будем очень благодарны, господин Монтелло.

Мужчина низко поклонился, знаком подозвал официанта и приподнял серебряную крышку над подносом, который тот держал в руках. Под ней оказалась бутылка *Chateau Haut-Brion* — даже я знала, что это очень дорогое вино. Без единого слова от господина Монтелло рядом возник второй официант со столиком, покрытым льняной скатертью, и поставил его между нашими шезлонгами. Третий официант принес поднос со свежим инжиром и дынями, такими же, какие я видела у других отдыхающих, и свежими дарами моря. Все четверо поклонились и удалились.

Мы уселись в шезлонги. Потягивая вино, Фриц вскрыл панцирь омара у хвоста. Улыбнулся мне и сказал:

— Что я тебе говорил, ханси? Деньги и власть всегда торжествуют.

Глава двенадцатая

14 августа 1933 года
Венеция, Италия

Рокот басов набирал темп, а с ним и вой труб, и грохот барабанов. Слова популярной джазовой песенки звучали все быстрее, я закрыла глаза и отдалась бешеному ритму мелодии Дюка Эллингтона.

Американский джаз-банд из четырнадцати человек весь вечер не сходил со сцены *Chez Vous*, джазового клуба отеля. Центром этого фешенебельного ночного клуба, с роскошными цветочными орнаментами на потолке и девятиметровыми фонтанами, была внутренняя сцена. Она, в свою очередь, выходила на открытую сцену и сад, освещенный сотнями гирлянд, по которым бегали разноцветные огоньки.

Постояльцы и несколько случайных гостей собрались на открытой танцевальной площадке, где каждое лето, в течение всего сезона, выступали легендарные певцы, такие как Коул Портер, а от столика в самом центре, предоставленного нам господином Монтелло, открывался превосходный вид на это зрелище. Женщины в вечерних платьях,

тонких, как паутинка, украшенных блестящей отделкой, отплясывали со своими партнерами самые неистовые танцы — линди-хоп, шэг, — едва поспевая за стремительным темпом. Глядя на этих беззаботных танцоров, невозможно было поверить, что папины тревоги могут иметь под собой хоть какую-то почву. Неужели антисемитский гитлеровский фашизм способен пустить корни и разрастись среди этого шумного веселья?

Мы с Фрицем присоединились к клубным развлечениям часов в десять: до пяти отдыхали на пляже, до семи попивали коктейли на террасе в купальных костюмах и шелковых кимоно, как и все прочие постояльцы отеля, а затем, переодевшись в вечерние костюмы, наслаждались долгой и элегантной трапезой в изысканной розовой столовой. Мне до смерти хотелось тоже потанцевать, но за два дня, проведенных в *Excelsior*, я заметила, что мой муж предпочитает держаться на некотором расстоянии от общей толпы. Точнее, меня держать на расстоянии.

Тогда, на пляже, после того как мы покончили с вином и угощениями, присланными господином Монтелло, Фриц извинился и отошел. Откуда ни возьмись налетел ветерок, сильным порывом вырвал у меня из рук модный журнал и понес по песку. Я сунула ноги в туфли и поднялась, чтобы догнать его, но далеко уйти не успела: какой-то мужчина соскочил с шезлонга и поймал журнал.

С измятым номером *Modenschau* в руке мужчина подошел ко мне.

— *Parlez vous Francais*?

— Да, — ответила я по-французски.

— Прошу прощения, что не сумел поймать ваш журнал раньше, пока он не успел измяться, — сказал он и протянул мне журнал. Мужчина был моложе Фрица — может быть, чуть за двадцать, — и значительно выше ростом, и к тому же блондин.

Я подняла на него глаза, щурясь от солнца, и поблагодарила. Мы обменялись несколькими вежливыми и малосодержательными фразами об изменчивой погоде, и тут вернулся Фриц. По тому, как сжались у него челюсти, я поняла: ему не нравится, что я разговариваю с другим мужчиной. Пусть даже это совершенно невинный разговор.

— А вот и мой муж, — сказала я мужчине по-французски, думая этим умиротворить Фрица, но тут же вспомнила, что он не знает этого языка.

Фриц властно обнял меня за талию и спросил по-немецки, обращаясь к нам обоим:

— Что здесь происходит?

Тон у него был явно обвинительный.

Я хотела рассказать о спасении журнала, но мужчина вклинился в разговор и на ломаном немецком спросил, не хотим ли мы сыграть в джин или в нарды с ним и его друзьями.

Фриц притянул меня к себе и стиснул так крепко, что я еле могла дышать.

— Благодарю, но мы с женой предпочитаем уединение.

Быстрая песня Дюка Эллингтона резко оборвалась, и в центр сцены переместились духовые. Они заиграли медленное, с плавными переливами,

вступление к *Night and Day* Коула Портера, и танцплощадка опустела. Я догадывалась, что Фрицу придется по душе и поредевшая толпа, и тягучая мелодия: я уже усвоила, что танцы под зажигательные джазовые песни он находит непристойными.

Я поднялась со стула и встала перед ним, слегка покачивая бедрами в недвусмысленном приглашении к танцу. Он тоже встал, и мы заскользили по полу в плавном тустепе. Группа исполняла инструментальную версию, без слов, но я нашептывала ему на ухо:

Ночью и днем
Только с тобой,
Под солнцем, под звездами и под луной...

Он заулыбался, и я поздравила себя с маленькой победой: все-таки мне удалось вытащить его танцевать. Еще несколько пар присоединились к нам, хотя их было куда меньше, чем танцующих под две предыдущие быстрые песни, и мы с Фрицем продолжали радостно кружиться. Два немолодых господина одобрительно поглядывали на меня, и я заметила, какое гордое лицо стало у Фрица. Кажется, ему хотелось, чтобы мной восхищались, но лишь издали. Когда глазеющие подходили слишком близко, а тем более — получали хотя бы гипотетическую возможность до меня дотронуться, гордость немедленно сменялась яростью.

Молодая пара — оба темноволосые, хорошо одетые, с аристократическими лицами — танцевала совсем близко от нас — слишком близко.

Движения у них были резкие, даже неуклюжие, и я видела, как женщина пытается увести своего захмелевшего кавалера в другой конец площадки, где было посвободнее. Но он все упирался, и наконец она обиделась, развернулась и ушла.

Оставшись без партнерши, мужчина спотыкающейся походкой подошел к нам.

— Разрешите вас разлучить? — проговорил он неразборчиво, но явно по-немецки.

— Нет, — сказал Фриц и резко развернул меня в другую сторону. Мы продолжали танцевать как ни в чем не бывало, но пальцы Фрица теперь так и впивались мне в бедра.

Мужчина на нетвердых ногах двинулся за нами через всю площадку, огибая других танцоров.

— Да ладно! Не танцевать же такой хорошенькой девушке весь вечер со стариканом.

Продолжая обнимать меня одной рукой, Фриц толкнул пьяного с такой силой, что тот рухнул на пол. Взяв меня за руку, он перешагнул через мужчину и повел меня к бару, где официант вручил нам два фужера шампанского. Я и глотка не успела отпить, как Фриц уже осушил весь бокал и увел меня из клуба.

Он протащил меня за собой через вестибюль, затем по парадной лестнице к нашему номеру, — и все это без единого слова. Я смогла как следует разглядеть его лицо, когда он уже нашаривал ключ от номера, и увидела, что гнев уже разгорелся в настоящую ярость. Едва закрыв за нами дверь, он вдавил меня в стену возле кровати. Сунул руки мне под платье, стянул трусы и овладел мной прямо

там — не то чтобы насильно, однако не озаботившись даже дежурным поцелуем. С этого момента между ним и какой-то частью моего «я» встала стена: у меня стало появляться понимание, что жизнь с Фрицем будет подобна прогулке над пропастью по натянутому канату и куда более опасной, чем мне казалось вначале.

Глава тринадцатая

28 сентября 1933 года
Шварцау, Австрия

Он завязал мне глаза. Я услышала звук поворота ключа в замке, затем щелчок. Фриц взял меня за руку и помог подняться по ступенькам. Дверь за мной глухо захлопнулась, и он выпустил мою руку. Я почувствовала его пальцы на затылке, и шелковый шарф, закрывавший мне глаза, упал. Почему мне страшно?

Мой новоиспеченный муж произнес:

— Можешь открыть глаза, ханси.

Я стояла в громадной, будто подземная пещера, прихожей виллы Фегенберг. Здание, с напускной скромностью описанное мне Фрицем как «охотничий домик», больше напоминало загородную усадьбу какого-нибудь барона. В убранстве прихожей действительно присутствовали некие намеки на охотничьи мотивы — медвежьи головы на стене, оружие в позолоте, — однако старинные гобелены и картины старых голландских мастеров в атмосферу деревенского домика никак не вписывались.

Фриц захотел, чтобы его любимая вилла Фегенберг стала нашей первой остановкой после возвращения

в Австрию из свадебного путешествия. Продлим наш праздник, сказал он. И, по правде говоря, остаток нашего медового месяца действительно был безумно роскошным. Мы побывали в Венеции, на озере Комо, на Капри, в Биаррице, в Каннах, в Ницце и, наконец, в Париже. Фриц исполнял все мои прихоти, старательно избегая сближения с другими путешественниками и, соответственно, поводов для новых вспышек гнева. Я начала верить, что та ярость, которую он выместил на мне после случая в *Chez Vous*, была единичной и больше такого не повторится.

Мы вошли в гостиную. Сквозь огромные окна от пола до потолка на меня смотрели дикие, первозданные горы. Над склонами, заросшими вечнозелеными деревьями, возвышались острые каменистые пики, некоторые — в снежных шапках. Среди пышной зелени тут и там сверкали яркие голубые блики — бегущие ручьи и маленькие озерца. Этот вид напомнил мне виды Венского леса, раскинувшегося неподалеку от Дёблинга, где мы с папой когда-то неспешно бродили по воскресным дням.

Фриц подошел к центральному окну и распахнул его. Свежий горный воздух хлынул в комнату, и я вдохнула его полной грудью. Фриц подошел ко мне, сжал в объятиях и сказал:

— Мы будем счастливы здесь, Хеди.

— Да, — сказала я, высвобождаясь из его рук — не до конца, а лишь настолько, чтобы можно было посмотреть ему в глаза.

— Идем, — сказал он, разжал объятия и взял меня за руку. — Тебе нужно познакомиться со слугами. Они, наверное, уже собрались.

Мы вернулись в переднюю. Целая группа слуг уже ожидала нас там, выстроившись в длинный ряд. Если они вот так собрались без единого намека от Фрица, значит, он тщательно организовал наше возвращение заранее и занимался этим всю дорогу от Парижа, нашего последнего пункта назначения. Я поздоровалась по очереди с дворецким, экономкой, поваром, двумя камердинерами и четырьмя горничными, и все держались со мной, пожалуй, немного отчужденно и холодновато, но при этом весьма почтительно — за единственным исключением. Хорошенькая горничная по имени Ада, с виду на год-два моложе меня, глядела мне в глаза в упор, почти с вызовом. Может быть, ей не по душе то, что ее хозяйкой стала ее почти ровесница? Я уже хотела было обратить внимание Фрица на ее манеры, но что-то меня удержало. Не хотелось, чтобы он подумал, будто я не в состоянии справиться с прислугой.

Слуги остались стоять, выстроившись в передней, а Фриц взял меня за руку и повел наверх по парадной лестнице. Там, на площадке, прямо у них на глазах, он поцеловал меня, а затем потянул за руку в комнату, которая могла быть только нашей спальней. Когда мы рухнули на кровать, я старалась не думать о том, как слуги стоят навытяжку внизу и вслушиваются в звуки, которые мы издаем.

Через несколько часов, когда солнце уже катилось вниз, за чернеющие силуэты гор, мы с Фрицем сели ужинать. Мы оделись будто для ужина в отеле *Excelsior*: Фриц в смокинге, а я — в своем любимом золотистом платье с черной бархатной отделкой.

Такая парадная одежда для домашнего ужина показалась мне чрезмерной, но Фриц настаивал:

— Это особенный вечер, ханси. Наш первый день дома, в Австрии.

В золотистом свете заката мы чокнулись хрустальными фужерами с шампанским и перешли в столовую. Там сразу же бросался в глаза огромный прямоугольный стол, и я, не успев сдержаться, взвизгнула от восторга. Фриц усмехнулся при виде моей реакции:

— Здесь можно разместить сорок человек, если раздвинуть стол, и мы так и поступим. Это будет твоя вотчина.

Принимать за ужином сорок человек гостей? До сих пор я как-то совсем не задумывалась о своих обязанностях хозяйки, жены крупного бизнесмена. Я была слишком захвачена радостным волнением свадьбы и волшебством нашего долгого путешествия. Реальность новой жизни в качестве жены Фрица — все, из чего будет складываться ее повседневное течение — как-то прошла мимо сознания. Видимо, настал момент, когда придется примерить на себя и эту роль.

— Если тебе так хочется... — неопределенно ответила я, не зная, что еще сказать.

Фриц подошел к своему месту во главе стола, а слуга поспешил выдвинуть для него стул. Инстинктивно я подошла к стулу рядом и стала ждать, когда слуга его отодвинет. Но тот застыл, нервно поглядывая на Фрица в ожидании указаний.

— Хеди, — укоризненно сказал Фриц. — Ты займешь свое законное место на другом конце стола.

Я взглянула на длинный стол, затем снова на него. Это что, шутка? Между местом Фрица и тем, на которое он мне указал, стояло еще с десяток стульев, а ведь во время медового месяца мы с ним всегда ужинали в интимной обстановке — *a deux*[3].

— Ты, должно быть, шутишь, Фриц. Чтобы поговорить с тобой с такого расстояния, мне придется кричать во все горло.

На лице Фрица не было ни тени улыбки. Голос у него стал строгим, глаза холодными.

— Нет, не шучу. Ты должна быть готова к званым вечерам, которые мы начнем устраивать здесь уже на будущей неделе.

— На будущей неделе?

— Да, Хеди, у нас уже готово подробное расписание приемов на следующую неделю. — В его голосе прозвучала жесткая нотка. — Большинство сделок я заключаю во время ужинов. И большинство моих деловых отношений также скрепляются застольными беседами. Идеальная хозяйка дома и владелец *Hirtzenberger Patronenfabrik* — вместе мы составим непобедимый союз.

Это я-то идеальная хозяйка? Я, девятнадцатилетняя девчонка без всякого жизненного опыта, не считая двух лет на сцене? В детстве меня к такому образу жизни не готовили; мои родители предпочитали встречаться с друзьями в ресторанах и в театрах, а не на званых ужинах в нашем дёблингском доме, предельно скромном по сравнению с любым из многочисленных домов Фрица. Откуда же у меня

---

[3] Вдвоем (*фр.*).

взяться навыкам и умениям, необходимым «идеальной хозяйке дома» и жене самого богатого человека в Австрии?

Ответ очевиден — неоткуда. Но я знала, что Фриц не станет мириться с моей неопытностью. Я ведь сама создала у него такое впечатление, как будто всесторонне осведомлена о жизни высшего общества. Что ж, значит, придется играть эту роль. Видимо, мне не судьба окончательно распрощаться с актерской карьерой.

«Что сказала бы мужу светская женщина в такой момент?» — спросила я себя. Перебрала в памяти свои прошлые роли и припомнила кое-какие реплики из диалогов, подходящие к случаю — с некоторыми поправками, разумеется. Громким и уверенным голосом проговорила:

— Значит, завтра мне нужно будет прямо с утра поговорить с экономкой и слугами и просмотреть наш календарь. Я обговорю с ними списки гостей, порядок мест, меню и все прочее.

Фриц улыбнулся мне весело и снисходительно, будто ребенку. Не такой реакции я ожидала. Может быть, я сказала что-то не то? Что такого забавного он нашел в моих словах?

— Ханси, — сказал он, и в голосе у него слышались одновременно теплота и раздражение, — пусть тебя это не заботит. Я уже много лет занимаюсь всем этим сам, и тебе эти полномочия брать на себя не придется. Единственное бремя, которое тебе предстоит нести на своих хрупких плечах, — это твоя красота.

Глава четырнадцатая

24 ноября 1933 года
Шварценау, Австрия

Я затянулась сигаретой и стала смотреть с балкона, как дым смешивается с паром от моего дыхания, ясно видном в холодном ночном воздухе. Покошачьи вытянув шею, выгнула спину в тщетной попытке снять напряжение. В эти выходные мы принимали своих обычных гостей — политических деятелей и не самых важных особ королевской крови — в Шварценау, нашем замке эпохи Ренессанса с зубчатыми башнями, с часовней, отделанной мрамором, украшенной лепниной и фресками, с двенадцатью спальнями, бальным залом и рвом с водой. День, который я провела с гостями, катаясь верхом и устраивая пикник у нашего собственного озера неподалеку от замка, выдался не по сезону жарким, и ночная прохлада принесла облегчение. Но, хоть жара и спала, я чувствовала, что задыхаюсь от этих бесконечных обедов и светских бесед — может быть, виной тому были приторно-любезные гости Фрица, — и наконец, не выдержав, извинилась и вышла.

Медовый месяц закончился на следующий день после того, как мы прибыли на виллу Фегенберг. В то утро началась моя новая жизнь — жизнь фрау Мандль. Даже если бы я заранее как следует постаралась представить себе повседневную жизнь жены самого богатого человека в Австрии, это была бы напрасная трата времени. Мне бы ни за что не догадаться, что те слова, которые Фриц сказал мне за ужином в день нашего приезда, были сказаны абсолютно серьезно. Он и впрямь рассчитывал, что каждый день и час я буду лишь готовить себя к приему гостей, холить и приумножать свою красоту. Теперь я была диковинной птицей, которую выпускают из золотой клетки только для того, чтобы показать гостям, а потом вновь запирают.

Управление домашним хозяйством и организация званых вечеров — то, что обычно выпадает на долю жены, — были для меня запретной территорией. Фриц сам распоряжался и домашними делами, и нашей светской жизнью, во всех мелочах, от приказов слугам до выбора меню и расписания приемов. Он считал, что покупкой платьев для наших многочисленных светских мероприятий и уходом за своей внешностью я вполне в состоянии занять себя на весь день. И я проводила эти дни в полном одиночестве, если не считать встреч с портнихой и походов в салон красоты в сопровождении моего личного водителя Шмидта, который возил меня повсюду в роллс-ройсе «Фантом» — запоздалом свадебном подарке Фрица. Общение с немногочисленными друзьями из театра и школьными подругами не приветствовалось, а то и прямо запрещалось.

Правда, мне было позволено бывать у родителей. До вечера, помимо семьи, компанию мне могли составить только книги и пианино, и черно-белые клавиши, к которым я до сих пор старалась прикасаться пореже — слишком уж они напоминали о маме, — сделались моими друзьями. Восхищение Фрица моей силой и независимостью, к которому я привыкла за недолгие дни наших свиданий, испарилось. Теперь он неизменно требовал полного повиновения, подчинения своим суровым правилам и всегда готов был отчитать и покарать меня, стоило мне только хоть немного от них отступить. Время от времени мы с Фрицем проводили выходные вдвоем на вилле Фегенберг, и там я хоть изредка, на короткий миг снова видела в нем того человека, за которого, как мне казалось, и вышла замуж. После обеда мы катались верхом по горным тропам, устраивали пикники на цветущих лугах, Фриц оставлял свой вечно недовольный тон, и я вновь становилась той энергичной, уверенной в себе женщиной, за которой он когда-то ухаживал. Эти часы придавали мне сил и дарили надежду на лучшее будущее.

Своим многочисленным деловым и личным знакомым Фриц говорил, что я «купаюсь в роскоши и не знаю забот», и, глядя со стороны, с ним, вероятно, трудно было не согласиться. В конце концов, мы с ним жили на три огромных дома, богато обставленных, в каждом полный штат прислуги, и я целыми днями только и делала, что швырялась деньгами. Но, по какой-то иронии судьбы, моя жизнь стала отражением моей последней роли, — вероятно, самой последней в жизни, — роли императрицы

Елизаветы. Не того раннего, романтического периода ее истории, который я представляла на сцене, а более поздних лет, когда ее стареющий муж, император Франц-Иосиф I, стал жестко контролировать ее жизнь и жизнь ее детей, запер императрицу в золотую клетку, лишил света и вольного воздуха. Вот и у меня, как у Елизаветы, теперь было всё, кроме свободы и цели в жизни. Но мне ли было жаловаться?

Звук чьих-то шагов прервал мои мысли. Оглянувшись, я увидела силуэты двух мужчин, выходящих на балкон. Я узнала в них наших гостей: их привел с собой какой-то финансист, с которым мой муж иногда вел дела. В остальном они были ничем не примечательны. Перед каждым приемом Фриц просматривал список гостей, выделяя среди них крупных игроков на рынке, а этих людей он отдельно не назвал мне и не представил — еще один признак, по которому можно было судить о значительности гостя. Весь вечер эти мужчины оставались для меня размытыми пятнами на горизонте.

Ни один из них не поприветствовал меня, чего, безусловно, требовал этикет по отношению к хозяйке дома, а значит, они просто не заметили меня за колоннадой. А у меня не было желания прерывать и без того короткий отдых от своих вечерних обязанностей ради светской беседы с людьми, которым Фриц все равно не придавал никакого значения.

— Как наши дела? Продвигаются? — спросил один из мужчин негромким, скрипучим голосом.

— Мой информатор сообщает, что все в порядке и что их не обнаружили, — ответил другой, затягиваясь сигаретой.

— Да, Линц — подходящее место, когда хочешь скрыться с чьих-то глаз.

— Не зря его выбрали, когда Шуцбунд решил уйти в подполье.

Слово «Шуцбунд» заставило меня насторожиться. Из многочисленных застольных дискуссий о политике, которые я слышала в последние несколько месяцев, я знала, что Шуцбунд — это военизированное подразделение Социал-демократической партии под руководством еврея Отто Бауэра. Канцлер Дольфус, лидер противоборствующей фракции и близкий соратник Фрица, запретил Шуцбунд в феврале прошлого года. Теперь единственной военной группой в стране оставался подчиненный ему Хаймвер во главе с графом фон Штарембергом. А поставками вооружения для Хаймвера занимался мой муж. Членов Шуцбунда можно было в каком-то смысле назвать врагами Фрица.

Так, значит, эти люди говорят о тайных маневрах оппозиции? Если это так, Фрицу не помешает знать, что запрещенная военная группировка не распущена, как было приказано, а действует подпольно. И наращивает силы.

Мужчины продолжали свой разговор о Шуцбунде.

— Ведь все почти готово?

— Я стараюсь не вникать в детали. Мое дело — деньги.

— Разумно. В наши дни неведение — преимущество. Думаю, я...

Я так заслушалась, что не заметила, как догорела моя сигарета. Чтобы не обжечь пальцы, я бросила окурок на землю и наступила на него носком темно-синей атласной туфельки. Как ни старалась я сделать это бесшумно, мои движения, должно быть, привлекли внимание. Словно внезапно поняв, что они здесь не одни, мужчины оборвали разговор на полуслове.

Послышалось эхо мужских шагов — они шли к моему углу балкона. Я быстро вынула из сумки новую сигарету и серебряную зажигалку с монограммой и защелкала, делая вид, что полностью поглощена этим занятием.

Шаги стали громче, я повернулась так, чтоб меня было видно, и окликнула их:

— Ах, господа, вы мои спасители. У кого-нибудь из вас есть спички? Моя зажигалка сломалась.

Я взяла сигарету и сделала пару шагов в их сторону. Они на мгновение замерли, потом наконец тот, что был повыше, овладел собой и сказал:

— Фрау Мандль, примите наши извинения. Мы бы ни за что не проигнорировали ваше присутствие, если бы догадались, что мы на балконе не одни. Давно вы здесь?

Он хитрил, стараясь выведать, что я слышала и слышала ли что-нибудь. Я изобразила широкую бессмысленную улыбку и ответила:

— Пожалуйста, не нужно извинений. Я наслаждаюсь ночным воздухом всего несколько минут и, по правде говоря, вся ушла в свои мысли о том,

насколько мне удался этот вечер. Для меня, совсем молодой женщины, принимать у себя таких людей, как вы, очень ответственное дело, не правда ли?

Я похлопала ресницами.

Мужчины с облегчением переглянулись. Тот, что до сих пор молчал, наконец заговорил:

— Думаю, можно с уверенностью сказать, что сегодняшний вечер удался как нельзя лучше, фрау Мандль. Ваш дом бесподобен, и гостеприимство просто изумительно.

— Какое облегчение, — вздохнула я. — Господа, не могли бы вы теперь пообещать мне кое-что?

Они обменялись быстрыми, беспокойными взглядами. Тот, что повыше, сказал:

— Разумеется, фрау Мандль. Все что угодно.

— Обещаете, что не расскажете моему мужу о нашей маленькой беседе? Он огорчится, если узнает, что его жена прячется от гостей на балконе и нервничает из-за какой-то вечеринки.

— Даем вам слово.

Квартет, который Фриц пригласил на вечер, заиграл медленную, печальную джазовую мелодию.

— Господа, мне, кажется, пора вернуться к гостям. Вы позволите?

Они кивнули, и я ушла. Войдя через французские двери в дом, я направилась по коридору к салону, где гости танцевали под оркестр и пили аперитивы, подобранные Фрицем к нашему меню.

Разыскивать Фрица в толпе не пришлось: он ждал меня прямо у дверей. В глазах у него было столько злобы, что мне сделалось не по себе. В чем я провинилась на этот раз? Какие осуждающие слова он

будет шептать мне на ухо? В такие вечера он ставил передо мной недосягаемые требования и легко выходил из себя, если мне не удавалось их выполнить.

— Где ты была? Уже гости о тебе спрашивают. — Он протянул мне руку и изобразил улыбку для гостей, но в его голосе слышалась ярость. Я понимала, что, если эту ярость не унять, позже меня ждет суровое наказание.

— Слушала один очень интересный разговор.

Щеки у него побагровели: при этих словах он, конечно, вообразил себе нежный шепот тайного свидания. Даже здесь, где все было подчинено его воле и все гости тщательно отобраны им самим, его ревность не знала границ.

Торопливо, чтобы скорее его успокоить, я рассказала все, что услышала о Шуцбунде и Линце. Он попросил меня показать ему тех мужчин, поскольку я не знала их имена, и в точности повторить их разговор. Моя театральная выучка, куда входило и умение запоминать слова, не подвела: я передала разговор дословно.

Гнев исчез с его лица, сменившись постепенно нарастающим ликованием.

— Это именно то, что нам нужно. — Он поднял меня на руки и закружил. Гости захихикали над этими, как они думали, нежностями новобрачных.

Фриц прошептал мне на ухо:

— Я женился не просто на хорошеньком личике. Я женился на секретном оружии.

Глава пятнадцатая

17 февраля 1934 года
Вена, Австрия

— Вы целы? — спросила я маму, тяжело дыша: я бросилась к двери бегом, как только водитель высадил меня у родительского дома.

— Да, Хеди, — ответила мама таким тоном, словно иначе и быть не могло. Словно даже начало гражданской войны в Австрии не могло поколебать ее спокойствия. И что только ей дает эта вечная непрошибаемая манера?

— А папа где? — спросила я, вешая шубу на обычно пустующую вешалку в прихожей. И где же Инга? Может быть, уехала в деревню, подальше от опасности, как и многие другие. Все, кроме моих родителей, которых я умоляла перебраться к нам, на виллу Фегенберг: уж там-то Фриц, из первых рук знающий всё о политической подоплеке и военных планах, мог обеспечить нам безопасность. Мама назвала наши опасения беспочвенной истерией и отказалась уезжать из Вены, а папа не мог оставить ее.

— Прилег в спальне.

— Он что, ранен?

— Нет, Хеди, ну что ты. Я бы тебя известила. Просто у него опять мигрень.

Я прошла мимо мамы и поднялась по лестнице. Только открыв дверь спальни и увидев спящего отца, я облегченно обмякла. Я и не замечала, как напряжены у меня и мышцы, и нервы, пока не убедилась, что мои родители не пострадали в столкновениях между Хаймвером и Шуцбундом, разразившихся на улицах Вены.

Я опустилась на кровать рядом с папой и заплакала. Что же я наделала? Меня так восхитила реакция Фрица на мой шпионаж. Стремясь ему угодить, чтобы он согласился отпирать и днем мою позолоченную клетку, я умоляла его открыть мне доступ в его большой мир. Польщенный, хоть и немного недоверчивый, он начал с того, что устроил мне экскурсии по военным и оружейным заводам *Hirtenberger Patronenfabrik* в Австрии и Польше, и я, хоть и повизгивала от восторга, как положено, втайне пришла в ужас, представив себе, какой хаос его оружие может принести в мир. Затем он открыл мне доступ в свою личную библиотеку с научной, военной и политической литературой и позволил присутствовать на нескольких деловых обедах. Я начала вникать в политику и механику войны.

Я была довольна своим успехом и радовалась, что снова стала вхожа в большой мир. Сидя рядом с Фрицем за обедом с вице-канцлером Феем и графом фон Штарембергом, я ощущала себя очень важной особой. Я была единственной женщиной в мужской компании, единственным ярким пятном

в море темных костюмов. Думая о том, что я могу сделать, как помочь защитить Австрию от фашиствующих соседей (а это была одна из декларируемых целей моего мужа и его единомышленников), я чувствовала, что живу.

— Достаточно ли у нас доказательств? — спросил Фей фон Штаремберга после того, как мы покончили со шницелями и светскими любезностями.

Я слушала, потягивая кофе. Мужчинам после обеда принесли бренди, но мне хотелось сохранить трезвость рассудка. Я почти не участвовала в беседе, ограничиваясь стандартными светскими репликами, но Фриц уже начал консультироваться со мной после этих встреч, спрашивать моего совета. Иногда он даже специально уходил из-за стола, чтобы переговорить наедине с кем-то из гостей, а заодно посмотреть, не скажут ли мужчины чего-нибудь любопытного при мне — чего-нибудь такого, о чем при муже говорить не хотели, а обо мне думали, что я все равно не пойму. Мне приходилось ловить каждое слово, каждую деталь, чтобы потом высказать свои идеи и рекомендации. Когда Фриц интересовался моим мнением о своих партнерах и деловых решениях, я чувствовала, что мои шаги по канату над пропастью становятся тверже и увереннее, и мне не хотелось его разочаровать.

— А так ли уж нам нужны доказательства для этой акции? Мы ведь не собираемся оправдываться в суде, — ответил фон Штаремберг.

— Разумно, Эрнст. — Фей помолчал и повернулся к моему мужу. — А вы что скажете, Фриц?

— Мои фабрики работали сверхурочно, чтобы обеспечить необходимые поставки. Все будет готово в течение дня.

О чем они говорили? Доказательства? Акция? Сверхурочные на фабриках? Фриц ничего не говорил ни о каких «акциях» и «необходимых поставках». Я чувствовала себя глупо, но сохраняла на лице сосредоточенное и понимающее выражение.

— Отлично. Наконец-то прижмем этих евреев, пусть знают свое место. — Фей поднял бокал бренди, и мужчины чокнулись. Даже Фриц выпил со всеми, поддержав этот чудовищный тост. — За отель «Шифф».

У папы дрогнули ресницы, он открыл глаза и сказал:

— О боже, о чем ты плачешь? Перестрелки закончились, мы с мамой не пострадали.

Я положила голову ему на грудь, вдохнула знакомый запах его табака и одеколона.

— Я так рада.

— Но ты же знала, что Дёблинг далеко от мест беспорядков? Почти все бои шли в Гемайндебаутен — возле городского совета.

— Да, Фриц ввел меня в курс дела. — Я не упомянула о том, что мой муж признался в том, что причастен к этой «акции», только после того, как я прямо спросила его об этом в машине после того обеда. В последующие недели он неизменно настаивал на том, что весь конфликт сведется в основном к поискам контрабанды, которую Шуцбунд наверняка

прячет в отеле «Шифф» в Линце. Даже когда конфликт перерос в ожесточенные бои между двумя военизированными группировками, вспыхнувшие вскоре и в других городах по всей Австрии, он обвинял во всем Шуцбунд — ведь это они нарушили запрет Дольфуса. Говорил, что они сами виноваты, что их необходимо было проучить.

— Тогда о чем слезы, маленькая принцесса?

— Ох, папа, да ведь тысячи людей ранены и сотни убиты. И я чувствую, что это моя вина.

— Не глупи, милая. Ты-то тут при чем? Социал-демократы и Христианская социальная партия уже столько лет на ножах. Рано или поздно Хаймвер с Шуцбундом должны были перейти от словесных перепалок к настоящему кровопролитию.

— Мне кажется, я поднесла спичку к этому костру, папа, — тихо проговорила я, глядя в пол. Мне не хотелось встречаться с ним взглядом.

Нахмурив брови, он спросил:

— О чем ты, Хеди?

Я рассказала о подслушанном разговоре по поводу Шуцбунда и о реакции Фрица.

— Я думаю, после того, как канцлер Дольфус запретил Шуцбунд, Христианская социальная партия ожидала каких-то признаков сопротивления со стороны социал-демократов, чтобы под этим предлогом их уничтожить. Этот разговор, который я подслушала, — о том, что Шуцбунд собирает оружие и войска в Линце, вопреки указу Дольфуса о запрете группировки, — дал им подходящий повод. Таким образом, с благословения канцлера Дольфуса, Хаймвер с Фрицем и Эрнстом

за компанию двинулся в Линц, разгромил отель «Шифф» и тем самым начал гражданскую войну. И до меня дошли слухи, что теперь, когда они победили, демократическая конституция Австрии будет отменена. Папа, это же значит, что теперь Австрия станет авторитарным режимом не только на практике, но и официально.

Папа поморщился от боли и сел.

— Хеди, ты не можешь винить себя за это. Если бы ты не подбросила дров в этот костер, это сделал бы кто-то другой. По всему видно, Дольфус и его люди только искали повода. Да и вообще, в повседневной жизни австрийцев это вряд ли что-то существенно изменит. Эта страна уже давно превратилась в диктатуру.

— Это еще не все, папа. Ты хотел, чтобы я вышла замуж за Фрица, чтобы он, с его влиянием и связями, защитил меня от антисемитизма нацистов, если канцлер Гитлер прорвется к власти в Австрии. Но ненависть к евреям идет не только извне.

— Что ты хочешь этим сказать? — Папа сдвинул брови — теперь уже не только от боли, но и от недоумения.

Вид у него был такой удрученный, что я не решилась сказать ему правду. Сколько еще бед он в состоянии вынести? Переживет ли он известие о том, что человек, на которого он возлагал надежды как на защитника своей дочери, действует заодно с нацистами? Я сдержалась.

— Ничего особенного, папа. Меня просто выбила из колеи вся эта стрельба и кровь. Вот и все.

Глаза отца сверкнули твердым стальным блеском — такой взгляд я обычно видела у него, когда он говорил о своей работе в банке. Он сказал:

— Не лги мне, Хеди. Мы всегда были честны друг с другом, и я надеюсь, что это не изменится. Тем более, когда дело касается таких важных вещей.

Я вздохнула. Тяжело было делиться с ним такими вестями.

— Я слышала, как коллеги Фрица говорили ужасные вещи, и это открыло мне неприятную правду. Люди из Христианской социальной партии — люди Фрица — тоже антисемиты.

Глава шестнадцатая

25–26 июля 1934 года
Вена, Австрия

Победа Фрица и его единомышленников в австрийской гражданской войне привела именно к тем последствиям, которых я боялась. Канцлер Дольфус использовал сопротивление Шуцбунда как предлог, чтобы полностью запретить Социал-демократическую партию, и в мае консервативная Христианская социальная партия приостановила действие демократической конституции. Вопреки резкой оппозиции нацистской партии Австрии, Христианская социальная партия и Хаймвер объединились в единственную легальную политическую партию, истово католический Патриотический фронт, и взяли под свой контроль правительство. С этого момента Австрия стала фашистским государством не только де-факто, но и официально.

Я повторяла про себя папины слова, что это, в сущности, лишь технические перемены и что сейчас важно одно — решительное стремление правительства не допустить вторжения нацистской Германии. Но я не успокаивалась и вновь и вновь

находила признаки того, что Фриц и его новое окружение не слишком тверды в своем намерении противостоять не только нацистам, но и искушению самим уподобиться им.

Весной и в начале лета наши дома стали центром празднеств в честь победы Патриотического фронта. Мы с Фрицем устраивали званые обеды в нашей венской квартире, охоту в выходные на вилле Фегенберг и балы в замке Шварценау. *Hirtenberger Patronenfabrik* заключила столько новых контрактов, что не успевала с ними справляться, и Фриц планировал расширить свои заводы и набрать новый персонал. Он пребывал в превосходнейшем расположении духа и не находил во мне никаких недостатков.

Я старалась поддерживать приподнятое настроение Фрица, разыгрывая роль идеальной хозяйки в полном соответствии с его указаниями. Я стала одеваться консервативнее — выбирать более темные тона и платья с более скромными вырезами — и стараться, чтобы мои драгоценности притягивали к себе больше внимания, чем изгибы фигуры. Если Фрица не было рядом и если мои обязанности хозяйки не требовали иного, я разговаривала только с женщинами, поддерживала банальные светские беседы ни о чем, когда их заводили другие жены, и это усыпляло не только ревность Фрица, но и подозрительность самих женщин. Я всегда старалась больше слушать. Я была как антенна, улавливающая звуки, недоступные слуху других. Тихие предвестники гибели.

В бальном зале особняка Эрнста фон Штаремберга на празднике в честь середины лета собралась целая толпа знаменитостей, но мы с Фрицем спокойно кружились на танцполе. Толчеи не было: оркестр играл классическую медленную пьесу, а движения танцующих были такими же томными, как воздух июльской ночи. Мы скользили в вальсе по черно-белому мраморному полу, и тут слуга тронул Фрица за плечо. Фриц открыл было рот, чтобы отчитать молодого белокурого слугу, но тут же закрыл: молодой человек протянул ему записку, написанную почерком фон Штаремберга.

Пробежав ее глазами, Фриц перевел взгляд на балкон. Фон Штаремберг ждал его там.

— Извини, ханси. Я должен идти.

Что такое могло случиться, чтобы отвлечь внимание хозяина дома от устроенного им званого вечера? Да еще во время первого же танца? Я должна была это узнать. Я взяла Фрица за руку, переплетя наши пальцы вместе, и спросила:

— Это так срочно, милый? Мне так хотелось потанцевать с тобой еще.

— Да, ханси, — твердо ответил он, но мое нежелание его отпускать польстило ему, и он чуть-чуть приоткрыл завесу: — Настолько срочно, что фон Штаремберг собирает совет прямо во время своего ежегодного бала.

Этот неофициальный совет, состоящий из Фрица, фон Штаремберга, занимавшего теперь должность вице-канцлера и главы Патриотического фронта,

министра юстиции и образования Курта фон Шушнига и еще одного человека из высшего генералитета Хаймвера, негласно консультировал канцлера Дольфуса в любых важных или тревожных ситуациях. Если уж они решили прервать бал и созвать сбор, значит, случилось что-то чрезвычайное. Я показала на обитый темно-синим шелком диван, откуда хорошо просматривался балкон, и сказала:

— Я буду ждать тебя там, Фриц. Надеюсь, граф тебя долго не задержит и ты вернешься ко мне.

Он пожал мне руку и зашагал по витой мраморной лестнице на балкон. Все мужчины собрались там, и я стала всматриваться в их обеспокоенные лица. Нахмурив брови, они молча слушали, как фон Штаремберг что-то им излагает. Когда он договорил, на их лицах появилось ошарашенное выражение, которое тут же сменилось яростью. Они начали бешено жестикулировать, обсуждать что-то кипя от злости, но похоже, что не друг на друга, а на каких-то третьих лиц.

Какое-то непонятное волнение прокатилось и по бальному залу. Вначале я не могла понять, откуда оно исходит: гости продолжали танцевать, и оркестр играл так же весело, как и раньше. Но потом я заметила, что в темных нишах бального зала и под балконом начали собираться военные. Несколько минут — и вдоль стен выстроилось целое подразделение Хаймвера.

Что же такое случилось, что понадобилась военизированная охрана — здесь, в венском дворце фон Штаремберга? Сердце у меня колотилось,

и я чувствовала, что не могу дышать. Однако я сидела прямо, с неизменной полуулыбкой на губах, пока Фриц не спустился вниз. Я не могла позволить себе потерять самообладание.

Он подошел, и я вскочила на ноги.

— Все хорошо, любимый?

Притянув меня ближе, словно бы только для того, чтобы ткнуться носом мне в шею, он прошептал мне на ухо:

— Нацисты предприняли попытку переворота. Небольшая группа немецких офицеров СС, переодетых в солдат австрийских вооруженных сил, захватила здание Национального общественного радио и выдала в эфир кучу лжи: что нацист Антон Ринтелен якобы уже захватил власть, сместив Дольфуса. В это же время около сотни переодетых немецких эсэсовцев ворвались в здание администрации канцлера. Большая часть правительства не пострадала, но в Дольфуса они успели выстрелить дважды.

Глаза у меня широко распахнулись от ужаса. Нет, нет, нет! Гитлер подступил ближе еще на шаг — это был один из моих кошмаров. Я знала, что гражданская война в феврале и ее последствия взбудоражили австрийскую нацистскую партию, что она стала требовать объединения Австрии с Германией, но я не думала, что гитлеровские военные сочтут эти волнения прямым призывом к действию.

— Гитлер вторгся в Австрию?

Я взяла фужер шампанского с подноса, который как раз проносили мимо, и выпила до дна. Фриц тем временем продолжал рассказывать:

— Не считая той сотни эсэсовцев в здании канцелярии и Национального общественного радио — а они все уже убиты или схвачены, — ни в Вене, ни во всей Австрии немецких военных нет. Но немецкие войска сосредоточились на австрийской границе. Мы отправили сообщение Муссолини, и он сделал публичное заявление в поддержку независимости Австрии и согласился направить войска к перевалу Бреннер на австро-итальянской границе, как и обещал. Присутствие итальянской армии должно удержать Гитлера от перехода границы.

Его слова и шампанское принесли некоторое облегчение, и все же мысль о Гитлере и его войсках, так близко подошедших к Австрии, приводила меня в ужас.

— Дольфус жив? — прошептала я. Бал вокруг продолжался как ни в чем не бывало: видимо, у совета были свои причины не сообщать гостям о путче.

— Нет, — признался он с ноткой грусти в голосе. Хотя Фриц и не стеснялся менять свои политические пристрастия, если это отвечало его деловым интересам, но все же с Дольфусом их связывал настоящий, прочный союз.

— Кто же тогда стоит во главе Австрии?

— Фон Штаремберг. Временно.

Этот выбор меня не удивил. Фон Штаремберг был вице-канцлером, и естественно, что именно он занял этот пост в такой непредвиденной ситуации. Не говоря уже о том, что взгляды фон Штаремберга почти полностью совпадали с политикой Дольфуса.

Я подняла взгляд на балкон, где новый канцлер Австрии о чем-то сосредоточенно беседовал с Шушнигом.

— Значит, Хаймвер здесь, чтобы охранять его от нацистов?

— Да, и его, и других членов совета, и всех гостей. — Он выпятил грудь. — Мы все очень важны для безопасности Австрии.

— Конечно, — поспешно согласилась я. — Наверное, мне нужно предупредить родителей? Может быть, перевезти их из Вены в замок Шварценау или на виллу Фегенберг?

— Нет необходимости, ханси, они вне опасности. Офицеры СС так или иначе обезврежены, и в Вене объявлено военное положение. Улицы надежно охраняются полицией, федеральными войсками и Хаймвером, и через каких-нибудь несколько часов они окончательно подавят все попытки переворота. Нужно только дождаться официального сообщения о том, что путчу конец, и можно жить обычной жизнью.

— А до тех пор что мы будем делать?

Он бросил взгляд на переполненный бальный зал и с кривой улыбкой сказал:

— Танцевать.

Я положила руки Фрицу на плечи и заскользила по залу, словно меня сейчас ничто не занимало, кроме музыки. Оркестр играл умиротворяющую мелодию Густава Малера, мы кружились, а вокруг мелькали веселые лица танцующих, не ведающих о катастрофе, что разразилась на улицах Вены.

Но я не дала им повода для тревоги. Я приподняла уголки блестящих красной помадой губ и одарила улыбкой радостно сияющего мужа.

Теперь я знала, что моя судьба навсегда связана с ним и с его делом: ведь только его оружие и политика его коллег удерживают нацистскую Германию от вторжения. Пока удерживают.

Глава семнадцатая

4—5 октября 1934 года
Вена, Австрия

Переворот обнажил трещину на благополучном фасаде Австрии. Правительство делало вид, будто ничего не произошло, но финансовые системы чутко отреагировали на внутренние и внешние угрозы. Нестабильность положения ударила по банкам, включая и папин *Kreditanstalt Bankverein*. Финансовое положение родителей пошатнулось, и, хотя они не желали признаваться в этом вслух или принимать какую бы то ни было помощь от меня, скрыть это было невозможно. Когда я в последний раз была у них в Дёблинге, слуг в доме не было видно, и сразу бросилось в глаза отсутствие их любимых каминных часов, которые стояли там, сколько я себя помнила. А когда мы пили чай, папа вдруг встал, извинился и вышел — у него разыгралась мигрень, наверняка от нервного перенапряжения.

Даже Фриц, хотя его заводы, судя по всему, делали огромные деньги на производстве боеприпасов, был измучен и от постоянных политических пертурбаций, и от тех усилий, которые требовались, чтобы удерживать власть в своих руках. Вскоре после

неудавшегося путча Шушниг был назначен канцлером Австрии, а фон Штаремберг вернулся к своей прежней должности вице-канцлера. Шушниг в основном разделял политические взгляды Дольфуса, в частности, его главным приоритетом оставалось сохранение независимости Австрии, однако тактика нового канцлера оказалась совсем иной. Он стал проводить в отношении Германии и Гитлера политику умиротворения, которую мой муж считал неоправданно мягкой. Поэтому Фриц всю свою энергию употребил на укрепление связей с Италией, полагая, что при таких действиях Шушнига поддержка извне будет совершенно необходима.

На людях Фриц держался по-прежнему — казалось, что его преданность канцлеру оставалась неизменной, зато дома это был сплошной комок нервов и досады, вызванной поведением нового правителя. Что бы я ни делала, я никак не могла ему угодить. Напротив, я только выводила его из себя на каждом шагу, сколько ни старалась приблизиться к его идеалу светской дамы. Платья на мне сидели не так, шутки с дамами оказывались двусмысленными, а обращение с гостями мужского пола недостаточно пристойным. Когда он перешел к недостаткам моей внешности, я поняла, что беда не во мне, а в самом Фрице. Мне приходилось настраивать его на нужную волну, как радиоприемник, иначе пришлось бы без конца слушать, как он отчитывает меня.

— А после застолья нас ждет необычный сюрприз, — объявил Фриц на одном небольшом званом вечере. За нашим огромным венским столом могло

усесться двадцать четыре человека, и часто бывало так, что за ним не оставалось свободных мест: мы приглашали самых разных людей, не ограничиваясь политическими и военными деятелями и особами королевской крови. Мне случалось сидеть рядом с такими известными писателями, как Эдён фон Хорват и Франц Верфель, с такими модельерами, как мадам Скиапарелли, даже со знаменитым психологом Зигмундом Фрейдом. К концу такого ужина мы всегда приберегали какой-нибудь сюрприз.

Но сегодняшний вечер был посвящен делам, и поэтому за столом сидело всего двенадцать человек: четверо высокопоставленных сотрудников из компании Фрица и восемь итальянских правительственных чиновников и финансистов, с которыми Фриц стремился наладить более тесные отношения. Перед самым ужином мужчины провели важное совещание в городском клубе Фрица, где обсуждали поставки вооружения для эфиопской кампании Муссолини. Эта африканская страна была одним из немногих оставшихся независимых государств на континенте, находившемся в основном под управлением европейских стран, и Муссолини ждал только повода для вторжения, чтобы подчинить заслуженному, как ему представлялось, господству Италии новые территории. Италия нуждалась в снаряжении и оружии, и эти люди, достигнув между собой каких-то договоренностей, пребывали теперь в самом приподнятом расположении духа.

Интересно, что это за сюрприз задумал Фриц? В первые несколько месяцев после нашей свадьбы

он иногда неожиданно радовал меня выступлениями оперных и джазовых исполнителей, о которых я как-то обмолвилась, что они мне нравятся. Однако в последнее время в роли вечернего сюрприза выступало чаще всего какое-нибудь редкое марочное вино или роскошный десерт, который должен был произвести впечатление не на меня, а на его деловых партнеров.

— Кто-то из вас, возможно, не знает, что моя жена — бывшая актриса. Она блистала на сцене Венского театра, пока не встретила меня и не решила, что быть фрау Мандль ей нравится больше, чем актрисой.

Он умолк, пережидая вежливые восклицания гостей, а я затаила дыхание. К чему это Фриц ведет? Обычно, если за ужином заходил разговор о театре, он тут же менял тему, стараясь, чтобы ничто не напоминало мне о прежней жизни. Я не сомневалась: его гложет страх, что я захочу вернуться на сцену и нарушу шаткий баланс нашей совместной жизни, сколько бы я ни уверяла его в обратном. И это при том, что многих актеров, режиссеров и писателей еврейского происхождения уже выжили из профессии и в Германии, и в других странах, и им приходилось либо бросать свое ремесло, либо бежать в Голливуд или еще куда-нибудь, куда Гитлер не мог дотянуться. Почему он вдруг заговорил о моей карьере сейчас?

— Однако еще до нашей встречи Хеди успела сняться в фильме под названием «Экстаз». К сожалению, фильм так и не вышел на широкий экран, его показывали только в одном венском театре

в течение недели. Однако теперь «Экстаз» получил второй шанс. Недавно он был представлен на Втором Венецианском кинофестивале, где был встречен зрительской овацией, а его режиссер Густав Махаты получил приз.

Фриц подождал, пока стихнут подобающие случаю одобрительные восклицания.

— Думаю, моя жена заслуживает того, чтобы фильм с ее участием, получивший награду, увидели зрители, и прежде всего ее муж. Поэтому я договорился о показе прямо здесь, сегодня вечером.

Я понимала, какую тайную цель преследовал этот сюрприз. При всех комплиментах мне показ устраивался не в мою честь. Это был еще один способ произвести впечатление на итальянцев и укрепить отношения с ними. Как же им было не отдать должное Фрицу, если его жена снялась в фильме, получившем приз на итальянском фестивале?

Но сам Фриц никогда не видел «Экстаза». Возможно, он читал в газетах о его скандальности и о том, какие споры шли из-за того, выпускать ли его на экраны. Но одно дело читать об эпизодах, в которых твоя обнаженная жена предается любовным играм с другим мужчиной, и совсем другое — увидеть это своими глазами. У меня сковало тело от напряжения, а на лбу выступил пот: я уже представляла его реакцию.

Мы поднялись из-за стола и направились в гостиную. Моя тревога росла с каждым шагом. Пока мы ужинали, слуги успели превратить комнату в маленький кинозал. Все заняли места, мы с Фрицем расположились в первом ряду, а на меня вновь

и вновь накатывала тошнота при мысли о том, что он сейчас увидит на экране.

Может быть, пока фильм не начался, можно еще как-то предотвратить катастрофу? Что будет унизительнее для Фрица — срыв запланированного «сюрприза» или мое появление на экране в постели с другим мужчиной, при всех гостях, которые станут свидетелями его реакции? Я поняла, что должна постараться отговорить его.

— Фриц, — прошептала я, наклоняясь к нему. — Пожалуй, это не самый подходящий фильм для показа деловым партнерам. Давай устроим какой-нибудь другой сюрприз.

— Глупости, — огрызнулся он и обернулся, выгнув шею, чтобы убедиться, что гости позади нас расселись по местам. — Он получил награду на итальянском фестивале. Что может быть лучше.

— Но, знаешь, в этом фильме есть несколько сомнительных сцен, и мне бы очень не хотелось...

— Тс-с-с, — шикнул он на меня и поднял руку: это был знак киномеханику начинать.

Свет погас, зажужжала камера. На экране появилось слово «Экстаз». Я сидела неподвижно и вспоминала, как проходили съемки этого фильма. Когда снимали первый дубль вот этой самой сцены, где я скачу на лошади по живописным полям и лесам Чехословакии под прицелом кинокамер, я совсем не думала о том, что будет в фильме дальше. Я с головой ушла в образ юной девушки, опрометчиво вышедшей замуж за старого импотента, отчаянно рвущейся к другой, более полной жизни. Вместе с ней я наслаждалась чувством освобождения,

которое она должна была испытывать в этот момент бешеной скачки. И когда режиссер Махаты велел мне спрыгнуть с коня, скинуть одежду и нырнуть в озеро, встретившееся на пути, это казалось самым естественным поведением для моей героини. В следующих сценах, когда у нее начался роман с молодым инженером, предложение изобразить перед камерой плотскую любовь и даже имитировать оргазм казалось мне вполне соответствующим и характеру героини, и духу фильма. Только потом, увидев ужас на лицах мамы и папы во время венского показа, я поняла, какую ошибку совершила, что фильм, который я считала «художественным», вышел просто глупым и непристойным. И никакие награды Второго Венецианского кинофестиваля не могли тут ничего изменить.

Вступительные сцены Фриц смотрел с удовольствием, даже подтолкнул локтем сидевшего справа от него итальянского генерала, когда по сюжету стало ясно, что муж моей героини импотент. Ужас начался с того момента, как я увидела себя верхом. Я знала, какие сцены последуют дальше, и мне отчаянно хотелось вскочить и убежать. Но я знала, что должна оставаться здесь, рядом с мужем, и вытерпеть все до конца.

С каждым новым эпизодом его пальцы все крепче впивались мне в руку. Я знала, что от ногтей останутся кровоточащие ссадины, но не смела сдвинуться с места или отнять руку. В комнате повисла гнетущая тишина, и я чувствовала, что гостям тоже неловко. Во время сцены оргазма кто-то невольно охнул, и Фриц уже не смог этого выносить.

— Выключите! — рявкнул он киномеханику.

Фриц встал. Не глядя на меня, зашагал прочь, мимо итальянцев. Остановился перед своими помощниками и приказал:

— Скупите все копии этого фильма у всех режиссеров, киностудий и всех частных владельцев в мире. Меня не волнует, во что это обойдется. И сожгите.

И он стремительно выбежал из комнаты.

Я провела ночь без сна, ожидая ярости Фрица. Наверное, думала я, он овладеет мной так же грубо, как в ту ночь в отеле *Excelsior*. Или начнет осыпать бранью, может быть, даже побьет, хотя до сих пор его гнев еще не заходил так далеко. Я ожидала всего чего угодно. Гадать, каким будет наказание, было еще тяжелее, чем с полыхающими щеками выполнять долг хозяйки — провожать итальянских правительственных чиновников и помощников Фрица. Я знала: в своем воображении эти мужчины видят меня голой, такой, какой я предстала в фильме.

Но он не объявил приговор до утра, до тех пор, пока в мою спальню не проникли бледно-серые лучи рассвета. Я уже начинала думать о том, как собрать волю в кулак, чтобы пережить сегодняшний день, и тут вдруг дверь распахнулась. Я схватила с тумбочки халат и села на кровати. Это был Фриц.

Не говоря ни слова, он подошел к кровати и рывком поднял меня на ноги. Протащил мимо суетящихся горничных и дворецкого, полировавшего столовое серебро, в переднюю. Передо мной была

тяжелая дубовая входная дверь, и на ней было семь замков вместо одного.

— Тебе нужна опека и руководство, — проговорил Фриц, и голос у него был странно спокойным, без гнева. — По этим непристойным сценам, которые я видел вчера в «Экстазе», можно заключить, что ты неспособна сама принимать решения. Ты должна находиться под постоянным присмотром — моим или твоих родителей.

Его слова меня ужаснули. Сначала я хотела было защищаться и протестовать, но решила смолчать. Может быть, со временем он смягчится, а сейчас мои слова могут только еще больше разозлить мужа. Нужно подождать немного, выслушать его до конца.

— С этого дня ты будешь надежно заперта в доме, за семью замками. Будешь сидеть здесь, пока я не приеду домой вечером, чтобы сопровождать тебя в свет. Если тебе понадобится выйти из дома днем — в салон красоты, на примерку платья или к родителям, — будешь спрашивать у меня разрешения. Если я разрешу, можешь выйти, но только в сопровождении водителя или охранника.

Неужели он это всерьез? Я взглянула ему в лицо и поняла: да, всерьез. Как такое могло случиться со мной? При всем моем богатом воображении, такого я не могла себе даже представить. Фриц сделал меня своей пленницей.

В душе нарастал крик, но я помнила о папе с мамой и понимала, что давать ему волю нельзя. Слишком многое стояло на кону в этом браке, и мое счастье тут имело значение лишь в самую

последнюю очередь. Чтобы преуспеть в борьбе за власть с Фрицем, нужно изображать молчаливую покорность, даже раскаяние. Как только я снова завоюю его доверие, то сумею изменить правила и, если удача будет на моей стороне, получу больше свободы. Но именно тогда я впервые задумалась о побеге.

Глава восемнадцатая

12 февраля 1935 года
Вена, Австрия

Несколько месяцев подряд я исполняла все желания мужа. Положим, не совсем так, как типичная австрийская жена из высшего света — эти женщины настолько безупречны, что их никто не замечает. То есть такую жену должно быть не видно и не слышно. Фриц тоже не хотел, чтобы меня было слышно, но, безусловно, хотел, чтобы меня было видно — при условии, что я буду вести себя по его правилам.

Я позволила ему думать, что он сломал меня, отлил в новую форму своего собственного изготовления, превратил в элегантную домохозяйку-автомат, с заученной улыбкой болтающую о милых пустяках в бальном зале, и при этом безотказную и неутомимую любовницу в спальне. Ту, которой и в голову не придет вернуться к актерской карьере или заговорить с каким-нибудь мужчиной, кроме собственного мужа. Через несколько недель Фриц вновь стал доверять мне свои секреты и спрашивать моего совета, и я уже думала, что наша жизнь вот-вот вернется в нормальное русло, если только ту хаотичную

жизнь, которую мы вели до просмотра «Экстаза», можно считать нормальной, — хотя наложенные на меня ограничения он пока еще не снял.

Но внутри, под маской невозмутимости, во мне все кипело, и я старалась понемногу отвоевать хоть какую-то территорию. Во время своих дозволенных походов по магазинам в сопровождении водителя я нарочно спускала шиллинги тысячами, одних шуб накупила целый гардероб, пока наконец Фриц (который досадовал на мою расточительность, но не хотел показаться скрягой) не решил, что лучше будет выдавать мне определенную сумму на расходы, чем предоставлять неограниченный кредит в лучших магазинах Вены. Все эти выданные мне деньги — несравнимые с моими магазинными счетами, но все же весьма солидные, — я складывала в обувную коробку, стоявшую в дальнем углу шкафа: это были мои сбережения на черный день, день побега, о котором я уже начала задумываться.

Скопив достаточно крупную сумму, я возжелала большего. Не шиллингов больше, а рычагов влияния. Раньше я внимательно прислушивалась к разговорам Фрица, чтобы понять, насколько твердо намерение правительства Австрии не пускать нацистов через свою границу. В конце концов, я в значительной мере для того и вышла за него замуж, чтобы он защитил меня и мою семью. Но теперь я стала прислушиваться к его словам с другой целью. Я ловила разговоры, из которых можно было узнать что-либо о технических проблемах, связанных с оружием, поставляемым

Фрицем, — иногда за ужином можно было услышать намеки о каких-то неполадках от его коллег. Если у меня будет важная информация о слабых местах его продукции, может быть, шантажом я смогу добиться, чтобы он дал мне уйти. Ему же не захочется, чтобы я рассказала его клиентам или экономическим и политическим конкурентам, что он продает некачественное оружие? Может быть, хоть так мне удастся вырваться из этой семейной тюрьмы.

Через четыре месяца после рокового просмотра «Экстаза» мы устроили ужин, относительно интимный: из гостей были только Эрнст фон Штаремберг и его младший брат Фердинанд, тоже иногда бывавший у нас. Когда с едой было покончено и гости перешли к напиткам, мне представилась возможность собрать кое-какую информацию.

— Вы всерьез рассчитываете, что решение, которое предложил Хельмут Вальтер, окажется удачным? — спросил фон Штаремберг у Фрица — гости всегда интересовались его мнением, когда речь шла о боеприпасах. Хотя граф обронил этот вопрос как будто между прочим, во время обсуждения спектакля, который мы смотрели на этой неделе, я сразу поняла, к чему он относится.

Уже несколько обедов и ужинов подряд за столом обсуждались две основные темы, касающиеся подводных лодок, кораблей и систем наведения и запуска торпед, для которых Фриц производил важнейшие компоненты. Одна из проблем — подача кислорода под водой для поддержания горения

при сохранении скорости. Вторая — неполадки в работе системы дистанционного наведения торпед. Новая система — вместо запуска с помощью изолированного провода — позволяла сделать их более управляемыми. К этому времени я уже просмотрела пару ключевых книг в библиотеке Фрица и теперь неплохо разбиралась во всех технических вопросах.

— Насколько мне известно, решение проблемы с кислородом он уже нашел: взять обогащенное кислородом топливо, способное химически разлагаться, выделяя кислород, и использовать эту реакцию, чтобы привести в движение турбины. Понадобятся еще кое-какие испытания, но мои немецкие агенты утверждают, что у такого решения огромный потенциал и что нацисты планируют использовать его при атаках. Я надеюсь получить кое-какие чертежи и тогда смогу внедрить что-то в этом роде у себя на фабриках.

Какие такие «немецкие агенты»? С каких это пор у моего мужа действует секретная разведывательная сеть в Третьем рейхе? Разве нацисты ему не враги?

— Нет, Фриц. — В голосе старшего фон Штаремберга слышалось раздражение. — Я не об этом. Меня беспокоит проблема с дистанционным управлением.

— Я слышал, у Вальтера на этот счет тоже есть хорошая идея — может быть, теперь ему удастся переубедить своих упрямых немецких боссов с их приверженностью проводному управлению. Если моим агентам можно доверять, то, по слухам,

он создал систему, которая позволяет запускать торпеды с использованием нескольких заданных частот одновременно, со связью по одному радиосигналу. Недочетов еще хватает, разумеется.

— Дай угадаю. Эти радиосигналы легко перехватить.

Даже я была в курсе, что большинство стран, включая Германию, не желали переходить с проводного управления торпедами на дистанционное, поскольку последнее базировалось на одночастотной радиотехнологии и противник всегда мог перехватить и заглушить этот сигнал. Военные уже не первый год обсуждали с Фрицем эту проблему, и, к своему удивлению, я стала не только понимать, о чем речь, но и живо интересоваться этим вопросом.

Фриц кивнул и начал описывать сложные технические характеристики радиочастот. Все это время я следила за беседой, но тут Фердинанд взглянул на меня, и губы его изогнулись в полуулыбке: он явно хотел показать, как скучен ему этот сугубо научный разговор. И мне, по его мнению, тоже. Все знали, что младший брат фон Штаремберга выезжает только на покровительстве старшего брата, не обладая ни его энергией, ни умом. Кивнув в знак притворного согласия, я повернулась к Фрицу: я не решалась злить его, переглядываясь с другим мужчиной, пусть даже с Фердинандом, которого мы оба знали давным-давно.

На следующее утро в библиотеке дворецкий оторвал меня от книги о радиочастотах.

— Вас к телефону, мадам.

Меня? Мне никто никогда не звонил, кроме папы, а он днем всегда занят в банке. Сердце у меня заколотилось, и я со всех ног бросилась к телефону.

— Алло?

— Хеди, ты должна приехать. — Это была мама. — Твоему отцу очень плохо. Я послала за доктором.

— Сейчас буду.

Я повернулась к Мюллеру: тот задержался в библиотеке, делая вид, что вытирает пыль с книг, а сам подслушивал мой разговор — несомненно, по приказу Фрица. Еще до просмотра «Экстаза» я знала, что слугам приказано шпионить за мной. Вот и дерзкую горничную Аду он недавно перевел с виллы Фегенберг в нашу венскую квартиру, чтобы приставить к слежке еще одну пару глаз и ушей — притом глаз и ушей человека, явно ко мне не расположенного.

— Велите Шмидту подогнать машину.

— Мадам, хозяин не говорил, что у вас назначена встреча.

Я так сильно тревожилась за отца, что совсем забыла о тиранических запретах Фрица. Неужели Мюллер и впрямь осмелится помешать мне выйти из дома? Я подчинялась указаниям мужа, не сомневаясь, что строгие правила рано или поздно смягчатся: нужно только какое-то время поиграть назначенную мне роль — столько, сколько, по его мнению, нужно. И тогда мне не придется нарушать данное папе слово — позаботиться о безопасности нашей семьи. Но не хватало еще, чтобы эти

распоряжения помешали мне увидеть папу, когда он смертельно болен.

В другое время я покончила бы с этой чепухой одним звонком Фрицу в контору: я знала, что против моей встречи с отцом он возражать не станет. Но сегодня он как раз уехал на свою польскую фабрику.

— Это не просьба, Мюллер. Это распоряжение хозяйки дома. — Я направилась в прихожую и бросила ему через плечо: — Велите Шмидту подогнать машину.

Звук проворных шагов дворецкого разнесся эхом по всей прихожей. Он оказался у двери раньше меня, загородил ее спиной и твердым голосом произнес:

— Прошу прощения, мадам, но я не могу позволить вам уйти. Я не получил указания от герра Мандля о том, что у вас сегодня назначена встреча.

Я сделала еще четыре шага и встала с Мюллером лицом к лицу, так близко, что чувствовала, как у него изо рта пахнет табаком. На каблуках я была по меньшей мере сантиметров на пять выше и смотрела ему прямо в глаза.

— Вы дадите мне ключ, — прошипела я. — У вас он есть, я знаю.

— Хозяин будет мной очень недоволен, мадам.

— Он будет еще больше недоволен, если из-за вас я не смогу увидеться с больным отцом. Если вы не отдадите мне ключ, я сама выцарапаю его у вас из кармана.

Дрожащей рукой он достал из внутреннего кармана своего форменного пиджака дубликат ключа. Один

за другим стал отпирать замки на двери, отделявшей меня от всего остального мира. Прежде чем ступить за порог, на свет дня, я бросила через плечо:

— Пришлите за мной машину.

Ослепительно солнечное февральское утро никак не вязалось с черной тоской, нарастающей во мне, пока я подъезжала к Дёблингу. Что с папой? В последние месяцы приступы его мигрени сделались чаще и тяжелее, но мы списывали это на нервное перенапряжение из-за финансовых затруднений, обрушившихся на банки. Он всегда был таким непоколебимо сильным и надежным, и я — впервые за долгое время — молилась какому-то смутно воображаемому богу о том, чтобы он оставался таким же стойким и, главное, живым.

Шмидт подъехал к моему бывшему дому, и не успел он заглушить двигатель, как я уже выскочила из машины. Пробежала по дорожке, распахнула входную дверь и позвала родителей. Из гостиной вышла мама.

— Тише, Хеди. Доктор наверху с отцом, я не хочу, чтобы ты помешала его осматривать.

— Что с ним?

— Утром, за завтраком, он сидел весь бледный. Не доел омлет, встал из-за стола, извинился и вышел. Я подумала — может быть, вспомнил, что у него с утра назначена встреча, и заторопился на службу, но он пошел наверх. Я спросила, в чем дело, он посмотрел на меня каким-то странным, остекленевшим взглядом и сказал: в груди болит. Я уложила его в постель и сразу же позвонила доктору, а потом тебе.

С лестницы донеслись тяжелые шаги, и мы с мамой поспешили навстречу доктору, чтобы услышать диагноз. Доктор Левитт, тоже живший в Дёблинге, недалеко от Петер-Йордан-штрассе, положил свою черную сумку с медицинскими инструментами на нижнюю ступеньку и взял нас обеих за руки.

— Я полагаю, что боль в груди, от которой он страдал сегодня — и в другие дни, хотя вам, может быть, и не говорил, — это симптом тяжелого приступа стенокардии.

Мы с мамой переглянулись: термин был нам незнаком. Нахмурившись, мама спросила:

— У Эмиля инфаркт?

— Стенокардия — это еще не инфаркт, фрау Кислер, это боль, вызванная недостаточным кровоснабжением сердца. Это может означать сильную нагрузку на сердце и указывать на повышенный риск инфаркта у пациента.

— О нет. — Мама высвободила ладони из рук медика и опустилась на кушетку, обтянутую гобеленовой тканью.

— Он поправится, доктор Левитт?

В моем голосе звучала паника.

— Сейчас да. Но ему нужно отдыхать, — он помолчал, словно не хотел договаривать до конца, — и поменьше нервничать, хотя я понимаю: это предписание в наше время выполнить нелегко.

— Можно мне зайти к нему?

— Да, если будете сидеть молча и не станете его волновать. Я побуду здесь с вашей мамой. Мне нужно дать ей кое-какие рекомендации о том, какой ему понадобится уход.

Я на цыпочках поднялась по лестнице в родительскую спальню. От дверей отец, вытянувшийся на кровати во весь свой почти двухметровый рост, казался огромным. Но, подойдя к нему, я увидела, что его крупное тело словно обвисло и весь он как-то сжался.

Матрац скрипнул, когда я села рядом. Отец открыл глаза на этот звук и улыбнулся мне. Указательным пальцем вытер слезу, стекавшую по моей щеке, и сказал:

— Что бы со мной ни случилось, Хеди, поклянись мне, что позаботишься о своей и о маминой безопасности. Пусть Фриц будет твоим щитом. Уходи от него, только если не будет другого выбора.

Я не ответила, и он снова сказал:

— Обещай мне, Хеди.

Что мне оставалось делать?

— Хорошо, папа.

Глава девятнадцатая

28 апреля 1935 года
Шварцау, Австрия

Я стояла перед озером, как перед алтарем. Из него на меня глядели непреступные вечнозеленые горы, застывшие в своей неизменности вокруг виллы Фегенберг. Над задником декорации с изображением волнообразной гряды зеленых холмов стояла совершенно неподвижная вода. Такая неподвижная, что ее поверхность отражала горы и небо как зеркало, с почти фотографической точностью.

Я окинула взглядом безлюдный берег. Решиться ли? Чистота озерной воды манила к себе неодолимо. Риск был огромный, но ведь другого шанса может и не быть. Фриц так и не смягчил свои суровые правила, даже после того, как я столько времени неукоснительно соблюдала их, даже после моей тяжкой утраты. Я по-прежнему оставалась его пленницей.

Еще раз оглядевшись вокруг, я наконец решилась. Скинула черный костюм для верховой езды, нырнула в бодрящую холодную воду, и безупречное отражение разлетелось на тысячу мелких осколков. Совсем как моя жизнь.

Я плыла брассом, пока не устала, а потом просто легла на воду и стала лежать. В неподвижной воде вновь соткалось изображение гор и неба, и я теперь нежилась в отражении ущелья между двумя горами, словно в нежных объятиях самой природы. Солнце бегало по верхушкам крошечных волн, и они переливались. Так красиво. Нет, мысленно поправилась я, это не красота. Это чистота.

На какое-то мгновение я почувствовала себя свободной и цельной. Ни масок, ни уловок, ни горя — только я и вода. Я лежала и думала. Смогу ли я когда-нибудь снова собрать себя из кусочков?

Тогда, больше двух месяцев назад, через несколько коротких дней после первого папиного приступа стенокардии, шофер снова повез меня в Дёблинг, проведать папу — с разрешения Фрица, простившего мне ту несанкционированную поездку.

Когда машина остановилась у подъездной дорожки, в доме было темно и жалюзи в родительской спальне опущены. Почему они опущены в разгар на удивление ясного зимнего утра? Мама всегда неукоснительно придерживалась обычая открывать шторы, едва забрезжит день, и теперь, когда у них осталась только одна служанка на половинном жалованье, сама каждое утро обходила дом, снимая с окон их ночное убранство. Может быть, папе было плохо ночью, и теперь мама, утомленная хлопотами, все еще спит? Я прокралась в дом тихонечко, постаравшись не хлопнуть дверью. Обойдя на цыпочках первый этаж и убедившись,

что там никого нет, я поднялась наверх, в спальню родителей, и чуть-чуть приоткрыла дверь.

В комнате было темно, но я разглядела, что мама, все еще в ночной рубашке, лежит у папы на груди. Глаза у него были закрыты, и у нее тоже. Да, так и есть: она ухаживала за ним ночью, а теперь вот заснула. Я приоткрыла дверь пошире, петли скрипнули, и мама подняла голову. Наши взгляды встретились, и, не успев шепотом извиниться за то, что разбудила ее, я увидела, что лицо у нее мокро от слез. Она не спала. И папа тоже не спит. Я бессильно опустилась на пол: мне стало ясно, что «маловероятный», по словам доктора, инфаркт все-таки случился.

Неужели и правда моего сильного, верного, надежного папы больше нет? Как такое может быть? Кто теперь протянет мне руку помощи, кто будет любить меня такой, какая я есть, без всяких оговорок? Только рядом с папой можно было сбросить все маски. Горе было тяжелым, как молот, под его ударом и мое настоящее «я», и все мои многочисленные маски разлетелись на множество осколков, и теперь, спустя два месяца, я была все еще разбита. Может быть, это теперь навсегда.

В тишине раздался шорох колес по гравию, и я замерла. Только бы это был не Фриц, думала я, только бы не Фриц! Без единого звука я лежала и прислушивалась. Хлопнула дверь машины. Ну пожалуйста, молила я, пусть это будет какой-нибудь грузовик. Но на воде звуки разносятся далеко, и вскоре знакомый, хоть и приглушенный

голос произнес мое имя, а затем гравий зашелестел под легко узнаваемыми шагами, и я поняла, что мои молитвы не были услышаны.

Не поднимая рук и ног над водой, чтобы было не слышно плеска, я поплыла к берегу так быстро и бесшумно, как только могла. Выбралась на каменистый пляж и, морщась от боли, на цыпочках побежала по острым камням к вороху своей одежды. В тот момент, когда я уже собиралась натянуть нижнюю рубашку, шорох гравия стал громче, и я поняла, что не рассчитала время: он нашел меня раньше, чем я надеялась.

Из густых хвойных ветвей высунулась рука и схватила меня. Тут же появился весь Фриц и влепил мне пощечину. Удар был такой силы, что я упала на землю и схватилась одной рукой за щеку, а другой придерживала на груди рубашку, так и не надетую как следует.

— Это еще что такое? Сцена из «Экстаза»? — рявкнул он, и его разъяренный крик эхом разнесся над тихим озером.

Я сжалась.

— Нет-нет, Фриц. Ничего подобного. Просто захотелось окунуться в озеро в жаркий день.

Он присел на корточки рядом со мной, и его злобное лицо оказалось в дюйме от меня.

— Голышом окунуться? Чтобы слуги полюбовались?

— Нет, — оправдывалась я, пытаясь высвободить руку из его пальцев. — Ничего такого, правда. Я бы никогда так не сделала. Просто не хотелось мочить костюм, мне же в нем еще домой ехать.

— А, так значит, это был подарочек для какого-нибудь гостя, которого я мог бы привезти с собой? — прошипел он, брызжа мне в лицо слюной. — Я никому на свете не позволю смотреть на твое обнаженное тело. Ты принадлежишь мне.

— Нет, Фриц, клянусь. Я думала, меня никто не увидит. — Все еще держась за щеку, я приподнялась — теперь я стояла на коленях, и острые прибрежные камни впивались в кожу. Рыдая, я умоляла его: — Пожалуйста, не делай мне больно.

Его рука застыла в воздухе. Выражение лица изменилось, словно он вдруг очнулся от глубокого сна, и грозный взгляд смягчился.

— Ох, ханси, прости. Этот проклятый «Экстаз» все еще мучает меня, и, когда я увидел тебя голой в озере, эти чудовищные сцены снова всплыли в памяти. Я вышел из себя.

Он протянул руку, но я инстинктивно отпрянула. Проковыляла по камням к своей одежде, лежавшей на берегу черной кучей, схватила ее. Выпрямилась, вся дрожа, и натянула брюки и куртку. Спиной я чувствовала, что он идет ко мне, и не знала, что он сейчас сделает — обнимет или ударит снова.

Его мускулистые руки обхватили мое тело сзади. Я окаменела от этого прикосновения, по всему телу пробежал озноб, и вовсе не от прохладного горного воздуха. Чудовище, таившееся в тени, скрывавшееся за всеми этими цветами, подарками, драгоценностями и множеством домов, встало передо мной в полный рост. И не замечать его больше было невозможно.

Глава двадцатая

20 июня 1935 года
Вена и Шварценау, Австрия

— Вы нужны ему, — настаивал фон Штаремберг. — Как Шушнигу без вас упрочить связи с итальянцами? Муссолини всегда был вашим партнером.

— Так какого черта он ведет себя как осел? — отозвался мой муж, в раздражении повышая голос.

— Он же неофит, Фриц, он совершенно ничего не смыслит в том, что действительно необходимо для безопасности Австрии. То есть он считает, что всю черную работу должны делать политики, — ответил фон Штаремберг, хотя негодующий вопрос Фрица был, в сущности, риторическим.

Фриц откровенно хмыкнул.

— Вообразите, что было бы, если бы отношения между странами и впрямь определялись только политиками. То есть Шушниг рассчитывает защитить Австрию от немецкого вторжения тем, что старается не злить Гитлера. Как будто безумца можно умиротворить.

Фон Штаремберг хмыкнул в ответ.

— Все эти его планы сотрудничества с Гитлером дадут обратный результат. Это только даст ему время подготовиться к вторжению в Австрию, пока мы тут будем сидеть сложа руки, по-джентльменски соблюдая Сен-Жерменский договор, и удерживать численность наших войск в пределах жалких тридцати тысяч.

— Неужели Шушниг не понимает, что гитлеровский путч удалось остановить только благодаря итальянским войскам? Что, если верны слухи о том, что Муссолини склоняется к союзу с Гитлером в Эфиопии, хотя бы на уровне публичной поддержки? Тогда это лишь вопрос времени, когда дуче с фюрером придут к соглашению и по всем остальным вопросам, в том числе в отношении Австрии.

Я слышала этот разговор уже много раз с небольшими вариациями с тех пор, как в австрийском руководстве наметился раскол между фон Штарембергом и Шушнигом. Фон Штаремберг считал, что Шушниг проявляет излишнюю мягкость по отношению к Германии, что это ставит Австрию под удар, и Фриц был с ним согласен. Моего мужа и его партнера, которые годами за кулисами решали судьбу страны, тревожило то, что, если им не удастся отстоять независимость Австрии, их власти тоже придет конец. Эти двое не придерживались, в сущности, никакой идеологии; единственное, во что они верили по-настоящему — это в сохранение собственной власти. Политические позиции они меняли по мере необходимости.

— Если вы не примете мер, — произнес фон Штаремберг.

Фриц затянулся сигаретой и повторил следом за фон Штарембергом:

— Если я не приму мер.

Четыре недели спустя я вновь прокручивала в голове этот подслушанный разговор, сидя за обеденным столом с самим Муссолини. Я встречалась с ним и раньше, во время поездок в Италию, но всегда мимоходом. До сих пор наше общение ограничивалось короткими поклонами и реверансами. Теперь же я принимала его у себя в гостях.

Мы приветствовали дуче в прихожей замка Шварценау: Фриц во фраке, я — в сверкающем золотом платье, изготовленном по заказу для предыдущего званого ужина с мадам Скиапарелли. Мы думали пригласить его в нашу венскую квартиру или на виллу Фегенберг, но в конце концов, исходя из соображений безопасности и конфиденциальности встречи, остановились на замке.

За несколько недель до этого ужина Фриц даже попросил меня о помощи, чтобы достойно подготовить замок для такого случая, чего он раньше никогда не делал. Я купила новую скатерть и салфетки для обеденного стола, обсудила с флористами украшения, попробовала пирожные, чтобы решить, какие из них больше всего придутся по вкусу дуче, прослушала музыкантов, чтобы определить, достойны ли они играть перед ним после обеда и во время танцев. Отвергла три группы, сочтя их манеру исполнения классических произведений слишком джазовой для консервативного Муссолини, и в итоге остановилась на безупречно профессиональной

оркестровой группе из Вены, имеющей отличные рекомендации. Стремление к совершенству, обычный пунктик Фрица, в этот раз овладело и мной: слишком важен был этот гость для того, чтобы сохранить независимость Австрии от Германии.

За три дня до приезда итальянского лидера мы с Фрицем еще раз обговорили все детали нашего вечера, включая пять перемен блюд и вечерние наряды, и чувствовали, что подготовились превосходно как никогда. Тревоги и хлопоты перед таким ответственным приемом сблизили нас — такого единодушия между нами не было с первых дней нашего брака. Хотя, разумеется, я по-прежнему была настороже. Все-таки его переменчивый нрав никуда не делся.

Вне себя от волнения, мы стояли навытяжку на лестнице, ведущей к замку Шварценау, готовясь встречать Муссолини. Он прибыл при всех своих воинских регалиях, словно на парад, в сопровождении целого взвода солдат и офицеров. Фриц приветствовал диктатора Италии поклоном и рукопожатием, перешедшим в объятие, а я присела до самого пола в глубоком книксене, как велел муж, но и это закончилось не так, как предполагалось, — поцелуем моей руки.

Мы вошли в замок и после всех приветствий удалились в столовую, где дуче и самых видных представителей его окружения ожидал роскошнейший ужин из пяти блюд. Мы тщательно подготовились: на столе было много его любимых овощей, а в центре стояло великолепное блюдо из телятины. Все наши с Фрицем труды не пропали даром — столовая

выглядела элегантно и изысканно. Свежевычищенные гобелены на стене обрамляли изящный столик-витрину; длинный обеденный стол, полностью раздвинутый для такого случая, был покрыт фиолетово-синей шелковой скатертью и украшен в нескольких местах темно-синими орхидеями, на фоне которых великолепно смотрелась золотая сервировка, которую Фриц привез из венской квартиры.

Когда мы уселись на свои места, слуги обошли вокруг стола и наполнили бокалы. Из всех венских слуг, которых мы привезли сюда для такого случая, только горничная Ада, переведенная по неизвестной причине в Вену с виллы Фегенберг, осталась дома: я не знала, не подстроит ли она какую-нибудь катастрофу мне назло, и не могла рисковать. Старший из наших слуг, Шнайдер, которому было поручено персональное обслуживание Муссолини, наклонил графин над хрустальным бокалом дуче. Но тот покачал головой, отказываясь от вина. Мы с Фрицем переглянулись. Мы забыли предупредить слуг, что Муссолини не пьет спиртного. Как мы могли допустить такую оплошность? С тревогой я взглянула на диктатора: не обиделся ли? Дуче был занят, он сосредоточенно и методично жевал свой любимый салат с чесноком. Кажется, все в порядке.

Скромно опустив глаза, как нравилось Фрицу, я смотрела на диктатора сквозь ресницы. Его квадратная челюсть напомнила мне челюсть моего мужа, хотя он не выпячивал ее так демонстративно. От обоих мужчин исходило ощущение силы и уверенности, хотя дуче выглядел все же как-то внушительнее.

Как и положено хозяину, Фриц предлагал различные темы для застольной беседы. Хотя, конечно, именно за Муссолини оставался выбор, как и в каком направлении разовьется дискуссия. Разговоры о политике за обеденным столом были сегодня под строгим запретом, если только диктатор сам не поднимет этот вопрос. Поэтому мы с Фрицем заранее составили список подходящих тем, особое внимание уделив многочисленным культурным программам, которые поддерживал дуче.

Фриц заговорил о грандиозном проекте в Риме, согласно которому извилистые средневековые улочки должны были перепланировать и превратить в широкие, прямые «современные» дороги. Проект предполагал также строительство новых зданий — с жесткими линиями и глухими бетонными стенами. Мы слышали, что из-за стремления спешно построить как можно больше таких зданий и общественных сооружений проекты вышли довольно сырыми и непродуманными с архитектурной точки зрения. Однако вслух этого, конечно же, не произносили и высказывали только одобрительные мнения.

— О да, — пророкотал Муссолини. — Дороги и новые дома растут на глазах. Одновременно мы занимаемся раскопками, чтобы сохранить многие из древнеримских памятников. В Риме следует чтить всё — и древность, и современность.

— Разумеется, — вступил в разговор фон Штаремберг. — Это необходимо для единства вашего народа.

Дуче энергично кивнул.

— Вот именно. Когда у вождя нет такого великого наследия, на котором можно основать твердое правление, он вынужден полагаться на другие — менее эффективные и зачастую сомнительные — средства для укрепления своего государства. Взять хоть канцлера Гитлера. Германскому народу не досталось такой славной истории, как итальянскому, и поэтому фюреру пришлось строить государство на фантазиях об «арийской расе» и на ненависти к евреям. Это не лучшая опора для нового режима, хотя его отвращение к этой нации можно понять.

От этого высказывания про евреев и от такой готовности «понять» Гитлера с его ненавистью я внутренне содрогнулась. В Италии, в отличие от Германии, не было никаких ограничений прав евреев, и это убеждало меня, что дуче не антисемит. Теперь стало ясно, что это не так. И вот на этого человека я возлагала все надежды на независимую Австрию, свободную от государственного антисемитизма.

Диктатор еще не договорил. Он продолжал:

— Культура, безусловно, наилучшее средство, чтобы внушить народу идеологию фашизма, а фашизм — единственно верная система государственного управления для любой страны.

Мы с Фрицем замерли, а вместе с нами и гости — все они были приглашены Муссолини, за исключением фон Штаремберга и его жены, которая очень редко появлялась в свете и сопровождала мужа только на самых важных приемах. Мы-то планировали провести вечер так, чтобы избежать разговоров о политике, и на тебе — сам дуче преподносит

ее на стол к первому же блюду. Диктатор продолжал жевать свой салат, а все остальные в комнате сидели словно окаменев. Никто не переговаривался, не ел и не пил.

Мне пришлось спешить на выручку.

— Дуче, если уж разговор зашел о культуре, — я слышала, что ваше любимое музыкальное произведение — *Pini di Roma*[4] Отторино Респиги. Это правда?

Муссолини прекратил жевать и отпил большой глоток воды. Замирая от страха, я ждала его ответа. Не покажется ли ему оскорбительным мое вмешательство? Я знала от Фрица: он предпочитает, чтобы женщины были упитанными, рожали побольше детишек, а главное, сидели дома. За исключением его любовниц, конечно.

Наконец его лицо оживилось, и он сказал:

— Вы хорошо подготовились, фрау Мандль. Эта симфония трогает меня необычайно.

— Мы с герром Мандлем пригласили лучших музыкантов Вены, чтобы они сыграли для вас после ужина. Вы не возражаете, если мы попросим их исполнить *Pini di Roma*? — спросила я как бы между прочим, хотя перед этим мы с Фрицем несколько часов провели с музыкантами, пока не добились от них идеального исполнения.

---

[4] «Пинии Рима» — симфоническая поэма, вторая из «Римской трилогии», состоящая из четырех частей, каждая из которых рисует сосновые деревья, расположенные в разных районах Рима, в разное время суток. Премьера состоялась в Риме 14 декабря 1924 года.

— Это было бы восхитительно, — ответил он с широкой улыбкой, а затем завел речь об итальянских композиторах.

Я вздохнула с облегчением от его ответа, а также от удачной смены темы. Как и все присутствующие в комнате. Фриц бросил на меня заговорщицкий взгляд и улыбнулся. Он был мной доволен — редкость в эти дни.

— Перейдем в бальный зал? — спросил Фриц, когда гости доели последние кусочки массивного *захерторте* и разноцветного *пуншкрапфен* — причудливых произведений кондитерского искусства.

Бальный зал был разделен на две части: одна — с позолоченными стульями, расставленными полукругом вокруг оркестра, а другая для танцев — пустой черно-белый мраморный пол. Мы с Фрицем заняли свои места рядом с Муссолини и стали слушать, как оркестр исполняет его любимую пьесу Респиги. Глаза диктатора были закрыты, и он покачивался в такт одухотворяющим звукам музыки. Когда смычок скрипача замер вместе с последней нотой, Муссолини вскочил на ноги и зааплодировал. Остальные гости последовали его примеру.

Музыканты заиграли классическую пьесу, подходящую для танцев, и гости выстроились вокруг площадки. Мне полагалось танцевать первый танец с нашим почетным гостем. Поскольку Муссолини приехал без супруги, Фриц пригласил жену фон Штарембергa, а дуче протянул руку мне.

Он скользнул руками по моим бокам и опустил их почти на бедра. Я, в свою очередь, осторожно

положила пальцы в перчатках ему на плечи. Мы были почти одного роста. Хорошо еще, что я не оказалась выше. Фриц велел мне подобрать к платью туфли на плоской подошве: сам дуче был ростом всего около метра семидесяти, в точности как я, а он терпеть не мог женщин, которые смотрели на него сверху вниз.

Вблизи глаза у него казались стальными, а кожа грубой. Я не могла не думать о том, что мои руки лежат на плечах человека, прорвавшегося к власти благодаря бандам бывших военных, которые калечили, убивали или сажали в тюрьму любого, кто стоял у них на пути. И он не только отдавал приказы, санкционирующие насилие. У него у самого руки были в крови тех, кого он избивал лично.

Не успела я выдать какую-нибудь безобидную любезность из тех, которыми непринужденно сыпала в каждом разговоре с коллегами Фрица, как Муссолини задал мне вопрос:

— Вы ведь были когда-то актрисой, не так ли, фрау Мандль?

Откуда ему это известно? По слухам, должно быть. Надо надеяться, не от тех итальянцев, что были у нас в вечер просмотра «Экстаза».

— Да, хотя это было несколько лет назад. Теперь моя единственная роль — роль жены.

— Разумеется, фрау Мандль. Это самая важная роль для каждой женщины, не так ли?

— Безусловно, дуче.

— Я бы сказал, что до свадьбы вы были великолепной актрисой, — не отставал он.

Я не знала, что и думать. Неужели диктатор видел меня на сцене? Если бы дуче заметили в зале во время какого-нибудь из моих спектаклей, об этом бы непременно стало известно, а я никогда не слышала даже сплетен на эту тему. И тут я догадалась.

— Я видел вас в «Экстазе», — прошептал он, притягивая меня к себе.

Меня охватил ужас и тут же захлестнула волна тошноты. Мысль о том, что этот человек, руки которого лежат на моей талии, видел меня голой, была невыносима. Но я продолжала танцевать — молча, потому что не могла подобрать слов, — и молилась, чтобы песня поскорее закончилась и мы сменили партнеров. Что мне еще оставалось? Ставки были слишком высоки.

— Вы так понравились мне в этом фильме, что я заказал себе персональную копию. Я пересматривал его столько раз, что сбился со счета.

Теперь я чувствовала не только отвращение. Мне стало страшно. Так значит, это из-за меня он наконец принял приглашение Фрица, который добивался этого столько лет? Я с трудом сохраняла спокойствие и продолжала улыбаться, но тошнота так и поднималась к горлу.

— Вы очаровательная женщина, фрау Мандль. Мне хотелось бы узнать вас поближе.

Это было не приглашение на чай. Это было приглашение в постель. Знает ли Фриц? Неужели он в сговоре с ним, неужели торговля телом собственной жены — часть его грязных сделок? Нет, мой муж настолько безумно ревнив, что я не могла себе такого представить. Не верилось, что Фриц может

поступиться своими собственническими чувствами ко мне, даже ради Муссолини.

К счастью, песня закончилась, и к диктатору подбежал один из его помощников. Тот склонил голову набок, чтобы лучше расслышать доклад сквозь шум толпы, а затем сказал:

— Мои извинения, фрау Мандль, но я вынужден заняться неотложными делами.

Я кивнула и, как только он исчез из вида, бросилась через весь многолюдный зал к лестнице и поднялась к себе в спальню. Закрыв за собой дверь, встала перед зеркалом в полный рост. Я смотрела на красивую женщину — изогнутые брови, волнистые волосы цвета воронова крыла, темно-зеленые глаза, полные, блестящие красной помадой губы — и не узнавала в ней себя. Чье это лицо? Ее черты, скрытые слоями косметики, казались незнакомыми. Я провела пальцами по щекам, и еще раз, и еще, пока они не окрасились в ярко-красный цвет. Почти как кровь. Папа не узнал бы эту женщину.

В кого же я превратилась?

Глава двадцать первая

21 мая 1936 года
Шварцау, Австрия

Год, прошедший после визита итальянского лидера, принес Австрии новые угрозы — и изнутри, и извне. Я ни словом не обмолвилась Фрицу о предложении дуче. Австрии приходилось цепляться за поддержку Италии как за последнюю соломинку, и я не могла рисковать ссорой или разрывом этого союза, если окажется, что Муссолини приставал ко мне без одобрения Фрица. А если, как ни дико думать об этом, согласие мужа было получено, — тогда мне тем более не хотелось обсуждать это с ним: было бы слишком тяжело услышать горькую правду. После этого я уже никак не могла бы продолжать играть роль фрау Мандль.

Казалось, что Фриц со своими единомышленниками при поддержке итальянских вооруженных сил выстроил вокруг Австрии крепкую оборонительную стену, но по ней поползли заметные трещины. Поначалу Фриц горячо одобрял фашистскую идеологию, главным образом из соображений финансовой выгоды. Он вооружил Муссолини, и тот вторгся в Эфиопию, продемонстрировав тем самым всю

мощь своего режима. Лига Наций осудила действия дуче и ввела экономические санкции, тогда как Гитлер выразил вторжению Муссолини свою безоговорочную поддержку. Настороженность, с которой итальянский лидер всегда относился к немецкому канцлеру, стала исчезать, а наши общие опасения за судьбу Австрии еще больше усилились. Не встанет ли теперь Муссолини на сторону нацистов, рвущихся «воссоединить» Австрию с Германией, чтобы слить их в единое арийское государство? Я ни разу не осмелилась поделиться с Фрицем своими опасениями по поводу того, как отразится объединение Австрии с Германией на мне лично, и моя тревога стала еще острее этой осенью, когда Гитлер ввел в силу нюрнбергские законы, лишающие евреев гражданства и всех гражданских прав. И хотя мои еврейские корни были тайной для всех и сам Фриц предпочитал не вспоминать о том, что я когда-то была еврейкой, я почувствовала, как начали сбываться все папины страхи.

Но мы с Фрицем продолжали беззаботно кружиться в танце, словно мир вокруг не трещал по швам. Во всяком случае, на публике. Дома — в любом из наших домов, как только уезжали гости и слуги расходились на ночь, — никаких танцев больше не было. Только жесткие правила, замки на дверях и яростная злоба. Держа меня в тюрьме, Фриц словно черпал в этом надежду, что вот так же обуздает и свирепствующий в Европе вирус национал-социализма. Всякий раз, когда ему нужно было выместить на ком-то свою ярость, я становилась

для него олицетворением всего мыслимого зла, внутреннего и внешнего.

Совместные чаепития с мамой — это был один из немногих поводов выбраться из дома, которые Фриц пока еще признавал допустимыми. И она нередко видела последствия таких вспышек ярости. Кровоподтек, оставшийся после того, как муж схватил меня за руку во время званого обеда, шипя на ухо злые слова. Содранная кожа на шее — следы грубой страсти, если его ночные визиты в мою спальню можно было назвать таким романтичным словом. Но мама никогда не заговаривала об этом сама, а когда я так или иначе пыталась обратить ее внимание на эти свидетельства его гнева, то переводила разговор на другое или начинала туманно рассуждать о «долге» и «ответственности». Я поняла, что ждать от нее поддержки не приходится, и наши встречи становились все реже и реже. Слишком тяжело было сидеть в дёблингском доме, который я когда-то считала своим убежищем, и не чувствовать ничего, кроме безысходного отчаяния.

К марту и танцы уже стали не те. Воодушевленный бездействием Лиги Наций после вторжения Муссолини в Эфиопию, Гитлер двинул войска в Рейнскую область, бывшую немецкую территорию, отнятую у Германии по условиям Версальского договора. Шушниг заявил фон Штарембергу, что Австрии необходимо прийти к соглашению с Гитлером, что Муссолини фактически поставил его перед выбором: либо добиться взаимопонимания, либо потерять поддержку Италии. Фон Штаремберг довольно резко высказался против этого

плана, что в мае привело к его отставке с поста вице-канцлера. Муссолини был занят своей эфиопской кампанией и довольно активно налаживал связи с Гитлером, и ему становилось уже не до Австрии и не до Фрица. Власть ускользала из рук моего мужа и фон Штаремберга, и я стала раздумывать о том, не пора ли мне считать себя свободной от обещания, данного папе. Если Фриц теперь в оппозиции к австрийскому руководству и у него остается все меньше возможностей сохранить независимость нашей страны, не значит ли это, что он становится для меня не столько защитой, сколько обузой? Если бы я не поклялась папе позаботиться и о маминой безопасности, то ушла бы тотчас же, как только эта мысль пришла мне в голову.

Было уже за полночь. Со стола после ужина уже убрали, слуги разошлись, но перед этим обновили запас спиртного в буфете и поставили на стол поднос с засахаренными фиалками и трюфелями. Фрицу с фон Штарембергом захотелось отдохнуть от Вены и от политических интриг, поэтому мы укрылись на вилле Фегенберг, где с нами был только брат фон Штаремберга, Фердинанд. Эти двое собирались обсудить свои планы с глазу на глаз, без риска, что их подслушают. Мы с Фердинандом в счет не шли.

Как ни жаль, но мое присутствие при этом важном разговоре вовсе не объяснялось интересом Фрица к моему мнению, но на самом деле меня не изгнали в спальню по другой причине. Фриц позволил мне остаться за столом, потому что я была для него

чем-то вроде Рембрандта на стене или старинного мейсенского фарфора в буфете. Драгоценная и неодушевленная деталь обстановки, символ его богатства и доблести.

— Полновластный диктатор Австрии. Хороша шутка! — заплетающимся языком прервал мои унылые размышления фон Штаремберг и глотнул еще бренди. Он был пьян. Никогда в жизни не думала, что увижу этого чопорного аристократа в таком состоянии, но ведь никто не ожидал и того, что Шушниг объявит себя полновластным диктатором Австрии, а он это сделал не далее как позавчера.

— Наглость какая, — прошипел Фриц. Я не была уверена, что он имел в виду — самопровозглашенную диктатуру Шушнига или его недавние намеки на то, что австрийское правительство может взять под контроль все военные предприятия страны, в том числе заводы и компании Фрица. И то и другое в последние дни совсем выбило его из колеи.

— Мы же сами выдвинули его на этот пост. Как он смеет удалять нас от власти? — Фон Штаремберг покачнулся. Его брат протянул руку, чтобы поддержать его, но тот лишь отмахнулся от него, как от мухи.

— Вполне понятно, что он пытается исключить нас из игры. Мы единственные, кто способен воспрепятствовать этому идиотскому германо-австрийскому соглашению, которое он планирует заключить. — По каналам, все еще лояльным к Фрицу и фон Штарембергу, они выяснили, что Шушниг

начал переговоры с Германией о соглашении. В обмен на обещание Гитлера сохранить независимость Австрии она должна будет привести свою внешнюю политику в соответствие с политикой Германии и позволить нацистам занимать официальные посты. Фриц с Эрнстом считали, что такая политика приведет к дипломатической изоляции Австрии и к тому, что другие европейские страны станут рассматривать австрийско-германские отношения как внутреннее дело немецкого народа. А главное, они полагали, что это просто уловка с целью ослабить Австрию перед германским вторжением. Ведь тогда у Гитлера будут свои люди в австрийском правительстве.

— Какой у нас остается политический или экономический капитал, чтобы оказать давление на Шушнига теперь, когда Гитлер с Муссолини, в сущности, пришли к согласию? Я слышал, они собираются официально скрепить свою дружбу так называемой осью Берлин — Рим. Осью чего? Еще одна пышная фраза для обозначения гитлеровской власти.

Услышав про «ось», Фриц только презрительно хмыкнул.

— Нашей главной силой всегда была способность привлечь Италию на сторону Австрии. Теперь мы этого не можем, потому что Гитлер с Муссолини уже готовы броситься друг к другу в объятия.

Никогда еще я не слышала, чтобы у Фрица был такой подавленный голос. Он всегда был оптимистичен и уверен в себе — даже более чем.

Шатаясь, фон Штаремберг подошел к буфету, взял полную бутылку шнапса и поставил ее между

собой и Фрицем. Налил обоим по полной рюмке янтарной жидкости, едва не перелив через край. Ни мою рюмку, ни рюмку Фердинанда никто наполнить не предложил: нас словно бы и не было в комнате.

— Я считаю, у нас нет другого выбора, — произнес Фриц с видом человека, признающего свое поражение. О чем это он? Какого выбора не осталось у них с фон Штарембергом?

— Это перечеркивает все, ради чего мы трудились.

— Знаю, но что же нам еще остается? Если мы по-прежнему будем стоять за сохранение независимости, потеряем и то влияние, что у нас осталось. Не говоря уже об активах. А если выведем наши ликвидные активы из Австрии до аншлюса и успеем заявить новую позицию по германо-австрийским отношениям еще до вторжения, то это не будет выглядеть так, будто нами движет только личная заинтересованность, и тогда... — Фриц умолк, предоставляя собеседнику додумать самому. Понимал ли он, что и я размышляю вместе с ними, я не знала. Может быть, ему было все равно. Вот Фердинанд — тот, кажется, и правда не уловил зловещего смысла того, о чем говорили Фриц и фон Штаремберг, — того, что они задумались о переходе на другую сторону и готовы объявить себя сторонниками объединения Австрии с Германией, чтобы сохранить свою власть и капиталы.

— Возможно, это выход, но только если вам разрешат торговать оружием... — начал фон

Штаремберг и умолк, не закончив фразу. Мы с Фрицем оба понимали: это косвенный намек на его еврейское происхождение.

Фон Штаремберг был посвящен в тайну Фрица — в то, что он наполовину еврей, — пожалуй, еще раньше меня. Не считая единственного упоминания о крещении его отца во время нашей помолвки в Париже, Фриц даже со мной не заговаривал об этом еще целый год после нашей свадьбы. Только потом он рассказал, что у его отца-еврея и матери-католички была внебрачная связь, когда она служила горничной в одном из домов семьи Мандль. После рождения Фрица его отец наконец решился принять христианство, чтобы жениться на его матери и признать его законным сыном.

— В соответствии с нюрнбергскими законами мне может быть предоставлен статус «почетного арийца», — ответил Фриц на невысказанные опасения фон Штаремберга, тоже не произнося вслух слова «еврей».

— А это еще что за штука?

— Такой специальный термин, изобретение генерала Геббельса. Обозначает еврея, беззаветно преданного делу нацизма.

— То есть даже если для них вы будете считаться евреем... — Фриц поежился при этом слове, но фон Штаремберг договорил: — ...вам не запретят торговать оружием.

— Да.

Фон Штаремберг откинулся на спинку стула и кивнул.

— Что ж, это меняет дело, не так ли?

Мужчины чокнулись и выпили искрящийся напиток до последней капли. Я тоже откинулась на спинку стула, ошеломленная тем, что услышала. Где-то в глубине души я понимала, что этого следовало ожидать, и все-таки не ожидала.

Мы с папой полагались на железную волю Фрица как на гарантию нашей безопасности, и теперь мне не верилось, что мой муж, при всей своей силе, богатстве и кипучей энергии все же не смог удержать Гитлера от вторжения. Но Фриц наконец пришел к заключению, что этот бой ему не выиграть, а когда он не мог победить в открытой схватке, то не считал зазорным перейти на сторону победителя.

Теперь мне предстояло засыпать в объятиях человека, готового раскрыть объятия Гитлеру.

Глава двадцать вторая

28 ноября 1936 года
Вена, Австрия

Поначалу план казался простым. Надеть маску — ту, что я не надевала уже давно, но пока еще не забыла, — и произносить то, что полагается персонажу по тексту пьесы. Только на сей раз это будет текст не какого-то неизвестного драматурга, а мой собственный. В остальном мой план не слишком отличался от премьеры спектакля. По крайней мере, так я говорила себе.

Я выжидала подходящего момента, чтобы поднять занавес и выйти, наконец, на сцену, пока Фриц не уехал в командировку. Эти поездки в отдаленные районы Восточной Европы — в «сельскую местность», как он говорил, то есть в Польшу и Западную Украину, где у него было несколько заводов, — стали куда более частым явлением, чем выезды в какие-нибудь роскошные места, по делам или ради удовольствия, как раньше. Из подслушанных разговоров я знала о цели этих поездок: она состояла в том, чтобы объединить малодоходные предприятия и избавиться от них при первой возможности, а выручку припрятать в Южной Америке, подальше

от надвигающейся войны. Он продолжал эксплуатировать на полную мощность те заводы, где производились вооружение и боеприпасы по контрактам с Австрией, Испанией, Италией, латиноамериканскими странами, и те, которые, как он полагал, могли быть полезны Третьему рейху, если удастся убедить его руководителей сесть за стол переговоров с тем, кто столько лет отстаивал независимость Австрии.

В партнеры по сцене я выбрала человека пустого и недалекого. Это были самые подходящие качества для той роли, которую я отвела ему. К счастью, судьба подарила мне идеальную пешку: того, кто всегда был под рукой, кого даже Фриц не мог бы заподозрить в том, что он способен на какие-нибудь козни, да и вообще хоть на что-то способен, а главное, легкую добычу для меня: Фердинанда фон Штаремберга, брата Эрнста.

Первое действие разыгралось солнечным ноябрьским утром в гостиной нашей тихой, запертой на все замки венской квартиры. Я сидела за письменным столом в стиле модерн и смотрела из окна, как поднимаются в воздух и кружатся на ветру золотые листья деревьев, высаженных вдоль Рингштрассе. Ясное осеннее солнце, мой хитроумный план и мысли о том, что скоро я буду свободна, дарили мне чувство легкости и беззаботности.

Я взяла авторучку и стала писать на листе плотной, сделанной по особому заказу канцелярской бумаги, на которой были вытиснены мои инициалы.

Дорогой Фердинанд,
сегодня после обеда у меня будет несколько свободных часов, и мне не хочется быть одной. Может быть, вы тоже свободны? Если это так, то позвольте вас пригласить на чашку чая в нашей гостиной.
С уважением, ваша фрау Мандль.

Подписываться «фрау Мандль» было несколько неловко, учитывая мои намерения, но Фердинанд, кажется, никогда не обращался ко мне по имени, хотя я всегда звала его просто Фердинандом. Такой собственник, как Фриц, не потерпел бы такой фамильярности, даже от того, кого считал безобидным болваном, не имеющим за душой ничего, кроме титула и репутации брата. Как бы то ни было, не стоило давать мужу лишний повод наказать меня, если письмо перехватят или мой план сорвется.

Я отправила Августу, самую молодую и покладистую служанку, с письмом в резиденцию Фердинанда. По словам Фрица, этот особняк был битком набит всевозможной безвкусной роскошью. Обычно подобные поручения исполняла Ада, но доверяться ей было слишком рискованно. У меня не имелось никаких доказательств того, что между этой миловидной горничной и Фрицем что-нибудь было или есть, но по какой-то неизвестной причине Ада терпеть меня не могла и, судя по ее взглядам, украдкой радовалась моему заточению. Я не могла вручить ей это письмо: нетрудно было догадаться, что она сунет туда нос в надежде добыть хоть

какую-нибудь информацию. Я подозревала, что она тут же с радостью доложит Фрицу о любом прегрешении с моей стороны.

Ответ Фердинанда пришел гораздо скорее, чем я ожидала: он вскрыл и прочел мое письмо сразу же, не сходя с места. Я догадывалась, что он будет бездельничать в этот час, да и Фриц часто ворчал, что основное занятие Фердинанда — посещение светских раутов. Он попросил Августу подождать, тут же нацарапал ответ, и горничная поспешила домой с сообщением, что мое приглашение принято. Мне оставалось только велеть подать чай, раздать слугам поручения, чтобы чем-то занять их до самого вечера, и приготовиться.

В самом облегающем шелковом халате со струящимся сзади длинным шлейфом я вышла из своей тихой спальни в гостиную, где вот-вот должно было разыграться второе действие. Каминные часы пробили без четверти четыре, и мои натянутые нервы отозвались на звон. Достаточно ли хорош мой сценарий? Чтобы собраться с духом перед представлением, я опустила руки на клавиши пианино и заиграла серенаду № 13 Моцарта — *Eine Kleine Nachtmusik*, чтобы хоть немного унять волнение. На какое-то мгновение она перенесла меня из моей позолоченной тюрьмы на волю.

Мои мечтания прервал чей-то кашель. Пальцы замерли в воздухе, и я подняла глаза. Это был Фердинанд, и вид у него был очарованный и сконфуженный одновременно.

Я вскочила, бросилась к нему, сжала его руку и не выпускала чуть дольше, чем требовали приличия.

— Фердинанд, вы просто мой спаситель. Фриц уехал на два дня, у меня теперь пропасть свободного времени — и совершенно нечем заняться.

— Как я вижу, вы заполняете это время прекрасной музыкой. Я и не знал, что вы так чудесно играете.

Я застенчиво улыбнулась ему:

— Вы еще многого обо мне не знаете.

Алый румянец поднялся от его шеи вверх и разлился по щекам — та самая реакция, на которую я и рассчитывала. Я жестом пригласила его сесть рядом со мной на диван, перед которым слуги поставили чай, печенье птифур и хрустальный графин со сладким шнапсом. Я будто в задумчивости подержала руку на ручке чайника, а затем взялась за графин:

— Вы не возражаете, Фердинанд, если мы не сразу приступим к чаю, а сначала немного выпьем?

— Конечно, фрау Мандль. С удовольствием последую вашему примеру, как и всегда.

Я хорошо знала, что он готов следовать моему примеру не только в выборе напитков. Фердинанд был не только пуст, но и виден насквозь, и его влечение ко мне невозможно было скрыть. Во всяком случае, от меня. Фриц в нем ничего, кроме пустоты, не замечал.

Мы выпили и поболтали о чудесной осенней погоде. Я налила ему еще, потом еще, а сама медленно

потягивала шнапс и ждала, пока на его лице не появятся признаки легкого опьянения.

— Полагаю, вам любопытно, почему я пригласила вас сюда. Без Фрица.

Его недоумение и смущение по этому поводу было очевидным с самого начала — пожалуй, с того момента, когда он получил мое утреннее письмо, — но я знала, что его нерешительность сильнее и страсти, и любопытства.

— Да.

Опустив глаза, словно борясь с нахлынувшими чувствами и робостью, я проговорила:

— Я влюблена в тебя, Фердинанд.

— Я... я... я... — запинаясь, пролепетал он, — я и понятия не имел о ваших чувствах, фрау Мандль.

— Пожалуйста, зови меня Хеди, — промурлыкала я. — Мне так хочется услышать звук своего имени из твоих уст.

— Хеди... — произнес он, не сводя глаз с моего лица.

Я наклонилась ближе и поцеловала его. Ошеломленный, он не сразу откликнулся. Поначалу его губы были такими же неподатливыми, как стальная воля Фрица. Но вскоре они сделались мягче и ответили на мой поцелуй.

— Мне так давно хотелось это сделать, — прошептала я, щекоча его шею своим дыханием.

— И мне, — прошептал он в ответ. — Ты и представить себе не можешь... — и он бросился ко мне.

Все это было довольно противно, но я поцеловала его еще раз, а потом высвободилась, притворившись, что задыхаюсь.

— Не здесь, дорогой. Слуги шпионят за мной по поручению мужа.

Упоминание о Фрице заставило Фердинанда настороженно замереть, но не погасило его пыл.

— Где же тогда? — спросил он, снова прижимая меня к груди.

— У меня в Будапеште есть подруга, ее дом пустует. Если ты поможешь мне выбраться из этой квартиры, мы могли бы сесть на поезд, который отправляется через час. К полуночи будем на месте.

Он не ответил. Я видела по его лицу, что перспектива побега с женой Фрица Мандля привела его в ужас. Должно быть, он рассчитывал всего лишь на короткое свидание в местной гостинице.

Я прижалась к нему, провела руками по его плечам, груди, а затем — костяшками пальцев по ширинке брюк.

— У нас было бы два дня и две ночи вместе. Два дня и две ночи непрерывного наслаждения.

Весы качнулись.

— Едем.

— Правда?

— Да. Но как мы вытащим тебя отсюда тайком от слуг и от... — он с трудом заставил себя выговорить это имя, — от Фрица?

Я изложила свой план, подавив легкое чувство вины перед мамой за то, что собираюсь так беззастенчиво использовать ее.

— Ты пока уходи, а как только доберешься до ближайшего телефона, позвони мне на домашнюю линию. Когда служанка снимет трубку, скажи, что звонишь из Венской больницы по просьбе

Гертруды Кислер, которую только что привезли к вам, и она хочет видеть свою дочь. Затем поезжай в больницу, и мы встретимся там, у стойки регистрации. А оттуда поедем в Будапешт.

— Хитро, — проговорил он с восхищенной улыбкой.

Я заставила его повторить слова, которые он должен будет сказать по телефону служанке. Затем поднялась с дивана и с притворной неохотой выпустила его руки.

— Иди. Скоро увидимся.

Третье действие прошло в точности так, как я себе воображала: звонок, моя истерика, шофер, на полной скорости летящий в больницу, тайная встреча с Фердинандом. Я хихикала от восторга: до чего же легко все складывается! Всего-то и нужно было для спасения — набраться храбрости и сделать решающий шаг. Если бы я только знала, то ушла бы от Фрица давным-давно, как только поняла, что он мне больше не защита.

Я не успела даже повторить в уме дальнейшие пункты своего плана, как мы с Фердинандом уже сидели в вагоне первого класса в поезде на Будапешт и сумка с накопленными шиллингами и несколькими не самыми дорогими ожерельями из драгоценных камней лежала на полке у меня над головой. Я вознаградила себя несколькими бокалами шампанского, что несколько приглушило мою досаду на партнера по сцене, но только до тех пор, пока он не начал безобразно распускать руки. Я уже боялась, как бы не пришлось переходить к кульминации моего плана прямо здесь, в поезде,

но тут проводник открыл дверь нашего купе и впустил пожилую женщину с карликовым пуделем. На какое-то время опасность миновала.

Я продумала и последнее действие спектакля, который должен был завершиться совсем не так, как ожидал Фердинанд. Мы наймем такси до дома моей подруги детства — на этот счет я сказала правду, — но дом не будет пуст. Подруга вместе с мужем и маленькой дочерью будет там — она, правда, меня не ждет, но все равно будет рада видеть. Приглашение действительно в любое время — так она сказала мне, когда я виделась с ней прошлой весной, во время поездки с Фрицем. Но в присутствии подруги и ее семьи ни о каких любовных утехах не может быть и речи — так я скажу Фердинанду, и ему придется вернуться в Вену ни с чем. А я буду свободна лететь куда заблагорассудится. Дальше я пока еще не планировала.

В Будапеште Фердинанд сошел с поезда и протянул мне руку, чтобы помочь спуститься по крутым ступенькам на платформу. Я улыбнулась ему своей самой неотразимой улыбкой, он улыбнулся в ответ, крепко сжал мою руку, и мы двинулись по платформе к выходу. Мы успели пройти всего несколько шагов и тут увидели его.

Фрица.

Самый жаркий огонь бывает не красным, не оранжевым, а белым. Таким же пугающе белым, как тысячеградусное пламя, было сейчас лицо Фрица — такого я до сих пор не видела ни у него, ни у кого-нибудь еще. Не красное от негодования, а белое от невыразимой ярости.

Мы с Фердинандом разжали руки, но никто не произнес ни слова. Что мы могли сказать? Что все это не то, чем кажется? Что на самом деле я не собиралась спать с братом Эрнста, а просто хотела сбежать?

— Ты едешь со мной домой, Хеди, — произнес Фриц зловеще спокойным голосом.

— Конечно, — дрожащим голосом проговорил Фердинанд, хотя Фриц делал вид, что не замечает его присутствия. Мой муж говорил только со мной.

Фриц повернул обратно к выходу со станции, где его ждал черный роллс-ройс. Не оглянувшись на Фердинанда, я пошла за ним. Шофер захлопнул дверцу машины и покатил в сторону Вены. Мы сидели молча, пока Фриц не повернул ко мне белое от ярости лицо.

— Ты что же, в самом деле думала от меня сбежать, Хеди? Мне пришлось лететь сюда самолетом, чтобы успеть перехватить твой поезд, — прошипел он так, что брызги слюны летели мне на щеки.

Как же он узнал, думала я. Может, Ада каким-то образом наконец добыла ценную информацию и донесла Фрицу? Или кто-то из слуг рассказал ему о звонке якобы из больницы? Мама наверняка выдала бы меня, если бы он стал расспрашивать об этом звонке и о моей поездке к ней.

Он ударил меня по лицу, а затем вдавил в сиденье. Сорвал с меня платье и овладел мной. Я знала, что он чудовище. Всегда знала. Но когда он властно брал меня снова и снова, я могла в этом убедиться воочию. Что намного страшнее.

Глава двадцать третья

12 июля 1937 года
Вена, Австрия

В следующий раз я буду умнее. Не стану спешить, не стану полагаться на кого-то. Разыграю длинную партию в одиночку.

На то время, пока шла работа над новым планом, я вернулась к образу покорной жены. Но эта маска больше не хотела держаться на лице. Ее края стали жесткими, грубыми и временами ненадежными. Прямо посреди разговора, во время вечеринки или званого ужина маска вдруг соскальзывала. Я теряла опору, переставала понимать, кто я и что мне делать. Но в этой безумной атмосфере, среди нарастающей тревоги и лихорадочной суеты, вызванной неспокойной политической обстановкой, никто ничего не замечал. Пока на моем лице была косметика, а на теле вечернее платье — я оставалась фрау Мандль, какие бы внутренние «я» ни грозили прорваться сквозь эту оболочку.

Окружающие видели во мне лишь безликую жену Фрица, и это давало возможность оставаться невидимой. Пока меня не замечали, а может, просто не принимали в расчет, можно было

прислушиваться к разговорам всевозможных строителей, разработчиков оружия, иностранных политиков и закупщиков вооружения, которые теперь дневали и ночевали у нас, сменив особ королевской крови и сановников. Фриц производил, в числе прочего, снаряды, гранаты и военные самолеты, поэтому мне то и дело приходилось слышать дискуссии о стратегических планах и необходимом вооружении, в том числе о сильных и слабых сторонах немецких систем оружия. Эти тайные маневры убедили меня (или заставили смириться с этой мыслью), что аншлюс неизбежен, хотя почти никто не хотел в это верить, и что мой муж намерен содействовать аннексии Австрии гитлеровской Германией.

Только для Фрица я оставалась видимой. Как оказалось, моя попытка побега нисколько не погасила его страсти ко мне. Он словно считал, что до тех пор, пока он в состоянии овладеть мной физически, я по-прежнему принадлежу ему. Поэтому по ночам мое тело становилось покоренной страной, над которой Фриц вновь и вновь утверждал свое господство.

Это не по сезону прохладное летнее утро началось для меня так же, как любое другое: распорядок дня не менялся, в каком бы из домов я ни жила. Проснувшись одна в своей спальне, я оглядела себя в зеркало, разыскивая следы войны, навязанной мне Фрицем. Затем я погрузилась в глубокую мраморную ванну и долго терла кожу губкой, словно старалась избавиться от всяких следов мужа. Потом, усевшись за туалетный столик, нарисовала на лице маску фрау Мандль и оделась для роли

состоятельной дамы на отдыхе. А затем, едва притронувшись к завтраку, полистав кое-какие научные труды и поиграв на пианино, стала ждать указаний мужа.

Но в этот день на виллу Фегенберг никаких инструкций не поступало — ни устных, ни письменных. А судя по тому, как без конца хлопала входная дверь, люди в доме были, и немало. По скрипу старинной лестницы и стуку чемоданов, которые слуги тащили по ступенькам наверх, я поняла, что гости явились с ночевкой. Кто же они? Фриц ничего не говорил о том, что у нас намечается вечеринка или бал, а обычно он, хоть и обговаривал все детали со слугами сам, непременно информировал и меня, чтобы я успела приготовить платье, привести в порядок лицо и достать драгоценности из сейфа.

В поведении слуг чувствовался какой-то страх и напряженное ожидание, но все мои попытки добиться от них каких-либо объяснений были тщетными. Фриц, должно быть, отдал строгие распоряжения о секретном статусе наших гостей, и в этот раз, как я догадывалась, именно меня назвал среди тех, кому нельзя сообщать подробности. Что же такое затевается у нас на вилле?

Прямо спросить у Фрица я не могла. Такие расспросы всколыхнули бы его подозрительность, и так уже разбуженную моим неудачным побегом с Фердинандом. А тут еще беспочвенные слухи о том, что я намерена вернуться в театр, всплывшие на днях в местной прессе. Слухи особенно нелепые в свете того, что Вену уже наводнили актеры-евреи из Берлина, где нюрнбергские законы означали

для них запрет на профессию, — в их числе был и мой друг, Макс Рейнхардт. Они лишь усилили опасения мужа, как бы я не решилась бежать снова. Наконец, вечером, встретив Фрица в коридоре, я попыталась узнать новости обходным путем.

— Дорогой, я чувствую какое-то оживление среди слуг, как будто у нас готовится званый ужин или вечеринка. Я не хочу ошибиться с выбором наряда, когда выйду к твоим гостям, которых я слышала, но не видела. В каком платье ты хотел бы видеть меня сегодня?

Он оглядел меня с головы до ног, разыскивая признаки неповиновения. Чтобы принять самое невинное выражение лица, я нарочно вызвала в памяти приятные воспоминания о воскресной прогулке по лесу с папой. Фриц не обнаружил ничего подозрительного в моем облике и поведении и расслабился.

— Платье не понадобится, Хеди. Гости здесь исключительно по делу. Тебе не нужно выходить к ужину.

— Спасибо, что сказал. Тогда я велю повару приготовить для меня тарелку с едой и возьму к себе в комнату, чтобы тебе не мешать.

Он одобрительно кивнул и двинулся дальше по коридору. Прежде чем скрыться с глаз, оглянулся и сказал:

— Жди меня около полуночи.

Очевидно, предстояло что-то неприятное. Фриц еще никогда не устраивал «деловых ужинов», на которых ему не хотелось бы похвастаться своей трофейной женой. Даже после казуса с Фердинандом

он держал меня при себе на всех бесчисленных приемах, вечеринках и танцах. И его никогда не беспокоило, что я в курсе всех его деловых и политических переговоров, включая последнюю аферу в начале года, когда Фриц тайно поставлял оружие обеим сторонам гражданской войны в Испании. Более того, он нередко интересовался моим мнением по поводу этих переговоров. Значит, дело не в конфиденциальности информации. Что же такое происходит на вилле Фегенберг, почему Фриц не хочет, чтобы я это видела или слышала? Совместные махинации с нацистами, считавшиеся изменой даже сейчас, когда австрийский канцлер начал сотрудничать с Гитлером, — вот единственное, что приходило мне в голову, единственное, что он стал бы от меня скрывать.

Вечером я пошла на риск. Как и сказала Фрицу, я велела повару приготовить для меня тарелку с едой. Когда в дверь постучалась горничная с подносом, я открыла ей в халате, с усталым видом человека, которому не терпится лечь в постель, хотя на часах не было еще и девяти. Зевнув, я попросила, чтобы до утра меня не беспокоили.

Я дождалась, пока стрелки на часах не покажут половину одиннадцатого, и накинула поверх халата легкое пальто. Слегка приоткрыв дверь, выглянула в коридор — проверить, нет ли там слуг. Не увидев никого, я потихоньку выбралась на широкий балкон, огибающий северный угол виллы. С сигаретой во рту, будто просто вышла на балкон покурить, я без особых предосторожностей добралась до дверей, за которыми находились танцевальный

зал, маленькая столовая и кабинет. Именно там, по моим соображениям, Фриц и должен был проводить свою встречу.

Решиться ли? Мое присутствие в этой части виллы Фегенберг нельзя было объяснить ничем, кроме шпионажа за мужем и его гостями. Если меня заметят, меня ждет такое суровое наказание, каких я еще не знала. Но мне необходимо было подтвердить свои худшие страхи и подозрения — что эту «деловую встречу» Фриц проводит не с кем-нибудь, а с высшими чинами нацистской партии Германии. И я открыла дверь.

Коридор был пуст, только голоса доносились из столовой. Я знала, что к ней примыкает маленькая буфетная, которой почти никогда не пользовались. Можно надеяться, что там никого нет — слуги наверняка носят еду Фрицу и его гостям не через буфетную, а через кухоньку, примыкающую к столовой с противоположной стороны. Им это должно быть удобнее — туда ведет кухонный подъемник, а значит, можно не бегать вверх и вниз по лестнице.

Я решила рискнуть и прокралась на цыпочках по коридору. Вздохнув с облегчением (я оказалась права, слуги предпочли носить блюда через кухоньку), подобрала полы халата и присела на корточки в пустой, темной буфетной. Села и стала слушать.

— Как мы можем быть уверены, что вы снабдите нас всем необходимым для вторжения? Ваша деятельность в прошлом никак не свидетельствует о стремлении к объединению наших стран, — скептически проговорил голос с резким немецким акцентом, ничуть не похожим на наш мягкий

австрийский выговор. Этот человек наверняка был родом из Германии.

— Я предлагаю вам не только договоры, где изложены условия предстоящих поставок оружия, боеприпасов и деталей вооружения, — я предлагаю вам свою идеологическую поддержку. Теперь я вижу, что борьба против неизбежного объединения двух наших германских стран была глупостью и ошибкой. Поверьте мне, рейхсмаршал, прошу вас, — проговорил Фриц таким умоляющим тоном, какого я до сих пор от него не слышала. Мой муж всегда отдавал приказы, но до сих пор никто не осмеливался приказывать ему.

— Я не могу принять это решение, герр Мандль. Только наш лидер вправе ответить, можем ли мы закрыть глаза на вашу деятельность в прошлом, направленную против рейха, и на ваше предполагаемое еврейство. Ему решать, заслуживаете ли вы нашего доверия. Я должен оставить слово за фюрером, — таков был ответ рейхсмаршала на мольбу моего мужа.

В комнате стало тихо, словно все ждали, когда кто-то заговорит. Это мог быть только Гитлер. Я затаила дыхание, боясь вздохнуть слишком громко и выдать себя. Стрелка на моих наручных часах пробежала целую минуту, и все это время не было слышно ни слова, ни звука.

Наконец послышался властный, но ровный и мягкий голос. Я знала, что это Гитлер, больше некому, — ведь рейхсмаршал сказал, что оставляет слово за «фюрером», вождем, — но голос звучал так тихо, что я почти ни слова не могла разобрать. Где же те

яростные, почти истеричные вопли, которые Гитлер издает, произнося свои знаменитые речи?

Постепенно привыкнув к тихому голосу и акценту, я начала разбирать некоторые слова.

— Думаю, вы осознаете, что мы, немцы — один народ, разделенный границей лишь по недоразумению, и что мы не сможем осуществить свое предназначение до тех пор, пока не воссоединимся. Я полагаю, что именно ваше еврейство до сих пор мешало вам это понять...

Я слышала, как мой муж попытался возразить против того, чтобы его определяли как еврея. Должно быть, кто-то одернул его, потому что он умолк на полуслове, а ведь Фрица всегда было не так-то легко заставить замолчать. Но, видимо, перебивать Гитлера не дозволялось никому.

Гитлер продолжал, будто его не пытались прервать.

— Я один решаю, кто еврей, а кто нет. И я решил, что вам будет присвоено звание «почетного арийца», а это значит, что отныне все пятна семитской крови с вас смыты. Вы больше не еврей. Я уверен, что теперь, избавившись от проклятия этой нечистой крови, вы сможете до конца принять и уже приняли нашу веру в единое германское государство.

— Благодарю вас, фюрер, — тихо ответил Фриц. От одного этого слова «фюрер» из его уст у меня потемнело в глазах: оно означало «вождь». Мой муж только что назвал Гитлера своим вождем? Присягнул на верность врагу?

— Как почетного арийца, вас, разумеется, не коснется ни действие нюрнбергских законов,

когда они вступят в силу после воссоединения Германии и Австрии, ни эндлёзунг. Как и вашей жены — она ведь, как я понимаю, тоже еврейка.

Услышав, как Гитлер назвал меня еврейкой, я задрожала всем телом. Я вдруг почувствовала себя голой и беззащитной в моем собственном доме. Откуда в Третьем рейхе знают о моем еврейском происхождении?

— Эндлёзунг? — переспросил Фриц. Я тоже не поняла, о чем речь. Слово было немецкое, и смысл его был понятен — «окончательное решение», но что именно Гитлер имел в виду? Какой вопрос он намеревался решить окончательно?

— Да-да, окончательное решение, — невозмутимым голосом объяснил Гитлер. — Это многоэтапная нацистская программа, и нюрнбергские законы — лишь первый шаг. Кульминацией нашего масштабного плана, разумеется, станет не просто исключение евреев из немецкого общества. После того как рейх завоюет весь континент, мы намерены полностью уничтожить всех европейских евреев.

Я ахнула и тут же обмерла. А вдруг кто-нибудь меня услышал? Я вслушивалась — не прервется ли разговор, не раздадутся ли шаги, означающие, что меня вот-вот обнаружат. Но разговор продолжался. Я на цыпочках выбралась из буфетной и прокралась по коридору на террасу.

То, что я услышала, не укладывалось у меня в голове. Мой муж — торговец смертью — целиком оправдал прозвище, данное ему много лет назад.

И он готов своими руками нести эту смерть Австрии и ее народу.

Глава двадцать четвертая

24 августа 1937 года
Вена, Австрия

Дальше медлить было невозможно, да, по правде говоря, и незачем. Чтобы разработать новый план, понадобилось два месяца, и все его детали были в основном продуманы. Я наметила способ побега и достаточно непредсказуемый, но не слишком сложный маршрут. Самые необходимые вещи заранее сдала на хранение туда, откуда их можно будет легко забрать. А до этого не один час перебирала прочее свое имущество — изысканные, украшенные драгоценными камнями вечерние платья, туфли ручной работы, кошельки из тонко выделанной кожи и шелка и прежде всего — ювелирные украшения с изумрудами, бриллиантами, жемчугом и бесчисленным множеством других драгоценных камней, — откладывая то, что понадобится мне для следующих шагов. А самое главное — я нашла человека, на котором и держался весь мой план: ничего не подозревающую новую горничную, Лауру. Оставалось только выбрать подходящий момент, чтобы начать действовать.

Однако вначале нужно было выполнить последнее обещание, данное папе.

— Мама, если я уеду из Вены, ты поедешь со мной? — как-то спросила я, сидя за чаем у нее в Дёблинге. Дом, когда-то огромный, теперь казался маленьким, а сама мама — еще меньше. И хотя комнаты были заставлены вещами моих родителей и в каждом углу таились воспоминания, даже памятный запах папиного табака еще не выветрился, — все равно без папы они казались пустыми.

Мама в упор посмотрела на меня, и я разглядела лишь осуждение в ее глазах. Я чувствовала, как она прикидывает, почему это я вдруг задаю такой вопрос, и подумала: а не рассказывал ли ей Фриц о моем побеге в Будапешт? О том, как я пыталась обеспечить себе алиби, сочинив, что она попала в больницу? Мама никогда не упоминала о моем неудачном побеге, а самой мне, конечно же, и в голову бы не пришло ставить ее в известность. Но, если она что-то и знала, у нее наверняка был миллион причин скрывать это от меня.

От чашки в ее руках шел пар, и целую долгую минуту я слушала, как барабанит летний дождь в окно гостиной, а она все молчала. Потом она поднесла чашку к губам и сделала глоток. Только после этого ответила мне.

— Зачем тебе уезжать из Вены, Хеди? Здесь твой муж. — Тон у нее был отстраненный и непроницаемый.

С мамой приходилось говорить очень осторожно. Сколько бы я ни пыталась объяснить, как тягостно мне живется с Фрицем, она либо делала вид,

что не слышит, либо принимала его сторону. Даже увидев синяк у меня на щеке, она продолжала твердить об «обязательствах». Дело жены — исполнять свой долг перед мужем, повторяла она при каждом удобном случае. Я не в первый раз задумывалась о том, откуда это у нее — от ревности, от злости? Она ведь сама когда-то пожертвовала многообещающей карьерой концертирующей пианистки, когда стала домохозяйкой и матерью, и теперь считала, что и я обязана принести такие же жертвы и принять на себя такие же обязательства. Чего бы это мне ни стоило.

— Я имею в виду — если политическая обстановка вынудит нас с мужем уехать из Вены. — Я чуть было не сказала: «гитлеровская угроза», но сдержалась. Зная, что мой муж только что заключил договор с Гитлером, я не могла заставить себя выговорить такую наглую ложь, пусть и ради важного дела. — Тогда ты поедешь с нами?

Мне нужно было знать, стоит ли включать ее в мой окончательный план. Просчитывать ли заново все шаги и риски — уже не для себя одной, а для двоих? Я не решалась обсуждать с ней свои планы, но догадывалась, что мне не удастся уговорить ее бежать из Вены, тем более — вдвоем, против воли Фрица и без его ведома.

— Ну что ты, дорогая, конечно нет. Это мой дом. И, кстати сказать, твой отец всегда слишком переоценивал опасность, угрожающую Австрии. Здесь, в Вене, нам абсолютно нечего бояться, осуществит Гитлер свои угрозы или нет. — Она прищелкнула языком и добавила: — Ох уж эта его привычка

рассуждать с тобой о политике. Не стоило вообще забивать тебе голову этой чепухой. Была бы ты сыном, другое дело.

Во мне вспыхнул гнев. Как смеет мама так говорить о папе? И как она может думать, что я была ему менее дорога от того, что родилась девочкой?

В ответ на ее слова у меня вырвалось то, что я уже давно держала в себе.

— Тебя никогда не интересовали мои отношения с папой. И я для тебя всегда была плоха, ведь так? Не о такой дочери ты мечтала.

Она изогнула бровь: единственное выражение удивления, какое она когда-либо позволяла себе. Но голос у нее был по-прежнему ровный.

— Не стоит так думать обо мне, Хеди. Ты не права.

— Мама, за все мое детство ты меня ни разу не похвалила. Только критиковала и указывала, что еще я должна в себе изменить, чтобы стать такой, как все девушки в Дёблинге.

В лице у нее ничто не дрогнуло.

— Это не потому, что ты была для меня недостаточно хороша, тогда или сейчас. У меня были свои причины, чтобы не разбрасываться похвалами.

Мой голос взлетел вверх вместе с поднимающейся в груди волной ярости. Я не могла больше слышать этот ее спокойный уверенный тон, лишенный любых эмоций, кроме осуждения.

— Какие причины, мама? С чего бы родной матери так бояться «разбрасываться» похвалами и лаской?

— Хеди, я же вижу — даже если я объясню, ты все равно не поверишь. У тебя сложилось

определенное мнение обо мне, и ты будешь его отстаивать. Что бы я ни сказала, какие бы доводы ни привела, ты будешь думать только самое плохое.

— Неправда. Если у тебя есть какие-то доводы, я хочу их знать.

Мама поднялась, поправила юбку, пригладила волосы и сказала:

— По-моему, нам пора прощаться. Я имею в виду — тебе пора домой. — И она вышла из комнаты.

Разговор был окончен. В тот самый момент, когда мы с мамой только-только подобрались к самому сокровенному. Но я получила ответ, за которым пришла. Мама не намерена уезжать из Вены со мной.

Застегивая легкий плащ и собираясь уходить, я чувствовала, что разрываюсь надвое. Какой-то частью души я чувствовала, что мой долг — бежать вслед за мамой в кабинет и рассказать ей о подслушанном разговоре, об «эндлёзунге». Может быть, тогда она поедет со мной? Я не знала, заставит ли это ее изменить свое мнение, и не знала, поверит ли она мне. Я даже опасалась, как бы такая откровенность не повредила мне самой. Я подозревала, что она может сообщить о моем плане Фрицу и тем самым лишить меня отличного шанса на побег. И я решила, что безопаснее будет промолчать.

Мама приняла решение, и мне не удалось его поколебать. Мое последнее обещание, данное папе, было выполнено.

Глава двадцать пятая

25 августа 1937 года
Вена, Австрия

Предвечернее солнце заливало теплым светом шелковые, карамельного цвета обои в моей венской спальне. Со своего наблюдательного пункта — скамеечки перед туалетным столиком — я бросила взгляд на мужа. Он лежал в постели полусонный, пресыщенный любовными играми, которыми я соблазнила его после завтрака — тактика, призванная усыпить его неизменную ревнивую бдительность. На короткое время я вновь стала такой, какой была в медовый месяц. Юная девушка, очарованная своим солидным взрослым мужем и благодарная за защиту, которую он обеспечил ее семье.

Глаза Фрица открылись, и я встретилась с ним взглядом. Теперь я уже не была невинной девушкой. С притворно-скромной улыбкой я подошла к кровати и встала перед ним, совершенно голая. Он провел пальцем от моей груди до пупка и дальше, остановившись на верхней части бедра. Я с трудом сдерживала дрожь отвращения: было гадко чувствовать, что моего тела касается рука предателя.

— Жаль, нет времени продолжить, — проговорил он сонным голосом.

Я прошептала:

— И мне жаль, — хотя втайне молилась, чтобы это был наш последний раз. Самый последний.

— Но долг зовет. Пора готовиться к ужину. Гости скоро начнут съезжаться на коктейль.

— Темно-синее платье будет уместно для такого случая? — задала я заранее продуманный вопрос.

— Да, оно тебе к лицу.

С тщательно отработанной небрежностью я заметила:

— Мне кажется, к нему хорошо подойдут украшения от Cartier.

— Те, что я купил тебе в Париже после нашей помолвки?

— Те самые.

Достаточно ли спокойно это прозвучало? В конце концов, весь успех моего плана зависел от того, будут ли на мне в этот вечер мои самые дорогие украшения.

— С таким платьем сапфиры и рубины будут смотреться еще великолепнее, правда?

— Я как раз об этом думала.

На самом деле я думала о том, что все остальные украшения Фриц покупал не мне, а фрау Мандль, хозяйке дома. Драгоценности от Cartier были единственными, которые он купил для меня, для той Хеди, какой я была до того, как стала его женой. Они были мои собственные.

— Я достану их из сейфа.

К тому времени, когда Фриц принес мне ожерелье, серьги и браслет, я уже надела темно-синее платье и сидела неподвижно, терпеливо ожидая, пока моя новая горничная Лаура закончит с моей прической и макияжем. В зеркале я видела, как девушка защелкнула ожерелье у меня на шее и браслет на запястье, а затем осторожно, чтобы не повредить прическу, вдела в уши серьги.

Сделав вид, что наконец сдалась на уговоры Фрица нанять себе персональную служанку, я долго и старательно искала именно такую девушку — горничную с безупречными рекомендациями, при этом похожую на меня внешне. Одного со мной роста и веса, с таким же цветом волос и кожи, издали Лаура выглядела совсем как я. Вблизи было видно, что глаза у нее карие, а не зеленые, как у меня, и черты лица не столь правильны и изящны. Но с другого конца комнаты и в одинаковой одежде нас вполне можно было перепутать друг с другом. Это была главная причина, почему я выбрала именно ее из моря других претенденток.

— Пока я буду ужинать, Лаура, переберите, пожалуйста, мой гардероб и отложите все, что нужно штопать. Я приду попозже.

— Да, фрау Мандль.

После обычных коктейлей и светских бесед Фриц пригласил гостей пройти в столовую. Я заняла свое место во главе стола и улыбалась мужу, когда он произносил тосты. Никого из гостей я не встречала до сегодняшнего вечера. Это были уже не особы королевской крови, не люди искусства и не австрийские

бизнесмены, как в первые дни нашего брака, и не политические и военные деятели, которые бывали в наших домах потом, в более спокойные времена. Теперь я подозревала, что сижу за одним столом с политически подкованными австрийскими фабрикантами новой волны, которые скоро будут управлять моей страной по указке Гитлера.

Подали второе блюдо, и вскоре я начала время от времени морщиться, словно мне нехорошо. Не очень заметно и недолго, но когда перешли к десерту, я уже не отрывала руку от живота.

Когда Фриц пригласил гостей в танцевальный зал, где ожидалась музыка, я подошла к нему и прошептала:

— Я себя неважно чувствую.

— Я заметил. — Он помолчал немного, а затем просиял. — Неужели?..

Уже почти год прошел с тех пор, как Фриц велел переделать одну из многочисленных спален на вилле Фегенберг в детскую. Он и не догадывался, что я пользовалась диафрагмой всякий раз, когда мне удавалось проделать это незаметно.

— Как знать? — ответила я со слабой улыбкой, в которой, как я надеялась, читалось радостное волнение и ожидание.

— Позвать Лауру, пусть проводит тебя в твою комнату?

Мне стало неловко от его неожиданной заботы. Я не привыкла к доброте Фрица.

— Нет-нет, я сама прекрасно дойду. И попрошу горничную посидеть со мной на случай, если мне

что-нибудь понадобится. — Я указала на людей, толпящихся вокруг в ожидании, когда Фриц проводит их в танцевальный зал. — Не хочу тревожить гостей.

— Конечно. — Словно вспомнив о присутствии гостей, он вернулся к ним и повел их к танцевальному залу.

Я медленно поднялась обратно в свою спальню, стараясь не выходить из роли больной. Когда я открыла дверь, девушка вздрогнула от неожиданности.

— Вы рано вернулись, фрау Мандль.

— Мне немного нездоровится. Может быть, выпьем чаю, Лаура?

Сразу же, как только наняла ее, то есть полтора месяца назад, я ввела этот маленький ритуал совместного вечернего чаепития, хоть это не самое обычное времяпрепровождение для горничной и хозяйки. Но так было нужно для успеха моего плана. Девушка отравилась готовить чай, как делала почти каждый вечер, а я сидела на карамельно-золотистом диване, обтянутом шелком, и ждала. Когда она поставила поднос с чашками на столик передо мной, я сказала:

— Кстати, Лаура, я вчера купила на рынке мед. Вы не могли бы достать его из шкафа? Он там, в сумке, рядом с моими туфлями.

— Конечно, фрау Мандль, — ответила она и поспешила к шкафу. Пока она разыскивала мед, который я засунула в дальний угол, я достала из-под диванных подушек снотворное, купленное

у местного фармацевта несколько недель назад. В Лаурин чай я всыпала три рекомендованные дозы порошка — достаточно, чтобы усыпить ее, но не причинить вреда.

Когда она вернулась с сумкой, я похлопала по диванной подушке рядом с собой и сказала:

— Позвольте, я положу вам меда в чай. Он совсем прозрачный и, говорят, намного слаще обычного.

Я надеялась, что мед перебьет вкус сладкого порошка или, во всяком случае, на него можно будет списать эту сладость.

— Спасибо, фрау Мандль. Вы очень добры.

Мы выпили чаю, поболтали о нарядах, которые мне понадобятся завтра, и вскоре Лаура начала зевать. Глаза у нее стали слипаться, и через несколько минут она уже спала, сидя на диване.

Я замерла. Я сама придумала все это — и усыпление Лауры, и то, что должно было последовать за этим, но тут вдруг совсем растерялась. Неужели мой план сработал? Неужели на этот раз мой побег будет удачным? А что, если я опять попадусь?

Думай, Хеди, думай, сказала я себе. Что там дальше? Я закрыла глаза и мысленно увидела перед собой контрольный список, который составила на бумаге несколько недель назад, а затем бросила в пылающий камин у себя в спальне.

Пока Лаура спала, я стянула с себя платье и бросила на спинку стула в гардеробной. Из самого темного угла шкафа достала коробку с украшенными элегантной вышивкой меховыми ботинками,

которые носила только в самые суровые зимние холода. Сунула руку в один ботинок, в другой, и вытащила все свои накопленные шиллинги. Выкопав из недр шкафа кожаную сумочку с ремешком через плечо, уложила в нее документы, деньги и украшения от Cartier. Открыла крышку шляпной коробки, приподняла маленькую шляпку от Chanel с перьями и гвоздиками и выудила из-под нее форму горничной, в точности такую же, как на Лауре. Распустив прическу и собрав волосы в гладкий пучок, я надела на голову кружевную наколку горничной и зашнуровала пару простых черных башмаков.

Я взглянула на себя в зеркало. Сходство с Лаурой было поразительным. Вот и готова моя новая маска, хотя долго носить ее мне не придется.

Я вышла в коридор. Не поднимая глаз от мраморного паркетного пола, зашагала дальше, подражая Лауриной походке. Ее маленькими проворными шагами я с небывалой быстротой добралась до кухни. Я знала, что это самый трудный отрезок пути. Маршрут к двери для слуг я никак не могла продумать заранее: невозможно было предсказать, кто из них и где попадется мне на пути. Но, когда я толкнула створчатую дверь, оказалось, что в кухне нет никого, кроме повара, а тот был весь поглощен своим делом: наливал в чашу горячий, только что из печи, крюшон, чтобы подать гостям после ужина.

Той же легкой походкой я торопливо прошагала по плиточному полу через всю кухню. Схватила сумку с одеждой (пара дневных платьев и жакетов,

одно вечернее платье и две пары обуви) и туалетными принадлежностями, заранее спрятанную в кладовой, за банками с маринованными огурцами, и взялась за ручку двери. Ручка легко повернулась, и я шагнула за порог, в темную, знойную ночь.

Обшарпанный Лаурин «опель» стоял в самом дальнем углу стоянки. Мы купили для нее старенький автомобиль, чтобы ей было на чем ездить по хозяйским поручениям и перевозить вещи из одного дома в другой, поскольку ей, одной из всех слуг, приходилось переезжать с нами из дома в дом. Гравий похрустывал у меня под ногами. Я была рада, что ночь безлунная. Если бы кто-нибудь заметил меня — даже меня под видом горничной — на стоянке для слуг в такой час, Фрицу наверняка доложили бы.

Ключом, который вытащила у Лауры из кармана, я открыла дверцу машины. Ключ вошел в замок зажигания, мотор загудел, машина ожила, и, едва отъехав от своего венского дома, я задохнулась от восторга, хоть и понимала, что радоваться еще рано. Словно из тюрьмы сбежала — да, в сущности, почти так оно и было.

Я поехала прямиком к железнодорожной станции — к главному вокзалу на площади Мариахильфер. Там можно было сесть на Трансъевропейский экспресс, идущий в Париж — один из немногих городов, где у Фрица не было ни шпионов, ни серьезных рычагов влияния. На платформе было пусто. Я купила билет, и кассир сообщил мне, что до прибытия поезда осталось двенадцать минут. Секунды

и минуты тянулись медленно, как тот мед, что я лила в чай меньше часа назад, и я то и дело оглядывалась через плечо — не появится ли Фриц. Услышав наконец, как загудели рельсы под колесами прибывающего поезда, я смогла расслабиться и перевести дух. Сейчас я уеду в Париж, оттуда на поезде в Кале, а потом пароходом в Англию.

Я надеялась, что в Лондоне меня ждет новая жизнь и новая история.

ЧАСТЬ II

Глава двадцать шестая

24–30 сентября 1937 года
Лондон, Англия — «Нормандия»

Руководитель *MGM Studios* предлагал мне шанс начать новую жизнь в Голливуде.

Я шла к этому моменту не одну неделю, даже не один месяц, если считать планирование побега, и все-таки мне не верилось, что он настал. Как же часто я представляла себе это преображение! Неужели я и правда заслуживаю того, чтобы начать жизнь сначала?

— А может, Ламарр? — послышался голос сквозь рокот волн, разбивающихся о корпус огромного океанического лайнера. Миссис Маргарет Майер всегда говорила так, чтобы ее неповторимый голос был слышен всем.

Ее муж, мистер Луис Б. Майер, взял ракетку со стола для пинг-понга и повернулся к ней.

— Повтори, — не попросил, а скорее скомандовал он. Основатель и руководитель *MGM Studios*, самой престижной киностудии в Голливуде, он привык отдавать приказы даже собственной жене. Она, впрочем, редко спускала ему подобный тон без всякого протеста.

— Ламарр, — властно и настойчиво повторила она, обращаясь к мистеру Майеру и его компании голливудских деятелей. Они бросили игру в пинг-понг — и игроки, и зрители — и тоже повернулись к миссис Майер. Она, единственная из женщин, умела привлечь их внимание, иногда даже почтительное.

— Звучит неплохо, — заметил мистер Майер, дымя своей неизменной сигарой. Его обычно суровое лицо посветлело.

— Верно, босс, — поддакнул кто-то из его людей. Интересно, его помощникам вообще позволено хоть изредка думать своей головой? Точнее, позволено ли высказывать эти мысли вслух?

— Что мне это напоминает? — словно бы сам себя спросил мистер Майер.

— Барбару Ла Мар, звезду немого кино, ту, что умерла от передозировки героина. Ты же помнишь ее? — добавила миссис Майер многозначительным тоном, изогнув правую бровь, словно намекая на некие особые обстоятельства. Я видела такое же выражение на ее лице, когда он болтал с какой-то красоткой у бассейна на борту «Нормандии». Нетрудно догадаться, что между мистером Майером и Барбарой Ла Мар что-то было. Слухи о шашнях киномагната (некоторые называли это

«охотой») дошли даже до венского актерского сообщества.

— Верно, верно, — ответил он со слегка пристыженным видом, какого я за ним не замечала за все эти четыре дня в море.

Во время этого разговора, а вернее, все то время, что мужчины играли в пинг-понг, я не покидала своей позиции — бок о бок с миссис Майер, стоявшей у палубного ограждения, — хотя ветер и растрепал мне всю прическу. Я знала, что самое безопасное место на судне — рядом с женой самого влиятельного мужчины, и намерена была его держаться. Вслушиваясь в разговор мужчин, я отметила, что меня обсуждают так, будто меня нет рядом, будто я какая-нибудь вещь, имущество — и, в сущности, теперь, после того как я заключила сделку, так оно и было.

Первый этап переговоров по поводу этой сделки состоялся еще в Лондоне, хотя мистер Майер, возможно, об этом и не догадывался. Стремясь поскорее убраться как можно дальше, я бежала из Парижа в Лондон, как и планировала. Досюда моему мужу, при всем его влиянии и связях, было не дотянуться. Только добравшись до британской столицы, я перестала то и дело озираться, опасаясь, не преследует ли меня Фриц. До тех пор его квадратная челюсть и злобные глаза мерещились мне в лице каждого встречного, и в поезде, и на улицах. Я так и ждала, что он вот-вот объявится, готовый расквитаться со мной за побег.

Оказавшись в Лондоне, я поняла, что пришло время подумать о средствах к существованию. Те

деньги, что я привезла с собой, как и те, которые выручу за продажу драгоценностей от Cartier, рано или поздно закончатся. Единственной профессией, которой я владела, было актерское ремесло, но заниматься им я могла только там, где Фриц не сможет мне помешать, и теперь, когда Гитлер поднял голову и нюрнбергские законы замаячили на горизонте, единственным безопасным местом работы для еврейской актрисы-эмигрантки, даже если никто не знает о ее еврействе, оставался Голливуд. По старым актерским каналам до меня уже почти год доходили слухи о тайном исходе еврейских артистов в Америку.

Я нашла лазейку, чтобы представиться мистеру Майеру — через Роберта Ричи, который разыскивал новые таланты для *MGM*. Нас познакомил мой бывший наставник Макс Рейнхардт — тот уже и сам работал в Америке. По словам мистера Ричи, мистер Майер проводил собеседования в своем гостиничном номере в отеле *Savoy*. Одной мне туда идти не хотелось (я представляла, что может повлечь за собой «встреча в гостиничном номере»), и я упросила мистера Ричи поехать со мной. Сказала, что мне нужен переводчик — это была отчасти правда. Английским я владела кое-как, а мистер Ричи мог бы при необходимости переводить: он немного понимал те языки, на которых говорила я. Но на самом деле он был нужен мне еще и в качестве охранника.

Когда дверь номера распахнулась, я, к своему огромному облегчению, увидела, что буду беседовать с мистером Майером не с глазу на глаз.

Меня встретила группа мужчин в темных костюмах: они выстроились вдоль стены и словно приклеились к ней, как обои. Среди них был и Бенни Тау, человек, которого мистер Майер называл своей правой рукой, и Говард Стриклинг, его представитель в прессе. Мистер Майер оглядел меня с головы до ног, даже велел повернуться несколько раз и пройтись перед ним. Затем разговор зашел об «Экстазе».

— Здесь, в Америке, мы снимаем благопристойные фильмы. Фильмы, которые можно смотреть всей семьей. Мы не демонстрируем те части женского тела, которые предназначены только для глаз мужа. Это понятно?

Я кивнула. Я была готова к этому вопросу. Я знала, что «Экстаз» теперь повсюду будет меня преследовать.

— Мне и самой больше не хочется сниматься в непристойных фильмах, мистер Майер.

— Это хорошо. — Он долго и пристально смотрел на меня, потом добавил: — И никаких евреек. Американцы не потерпят евреек на экране.

Я-то ожидала от Америки большей терпимости. По своим каналам я выяснила, что мистер Майер и сам по происхождению русский еврей, а в Лондон приехал в том числе за тем, чтобы отобрать среди еврейских артистов-эмигрантов тех, кого стоит взять к себе в Голливуд. Не из сострадания, а потому, что еврейские таланты, которых выжили из профессии нюрнбергские законы, можно было скупать за бесценок.

Знает он, что я еврейка, или только подозревает?

Пока он не задал мне напрямую этот вопрос, я предпочла этой темы не касаться.

— Вы же не еврейка, верно?

— Нет, конечно нет, мистер Майер, — поспешно проговорила я. Что еще я могла сказать? Если для того, чтобы выжить в этом новом мире, нужно лгать — значит, буду лгать. Мне ведь не привыкать.

— Это хорошо, миссис Мандль. Или лучше называть вас мисс Кислер? — Он повернулся к остальным, неизвестным мне мужчинам, выстроившимся вдоль задней стены гостиничного номера. — Как мы ее назовем, а? Мандль и Кислер — это как-то чересчур по-немецки.

— Может быть, дадим ей какую-нибудь добропорядочную американскую фамилию — скажем, Смит? — отозвался кто-то из них.

— Да какая из нее Смит! — прикрикнул Майер на своего краснолицего коллегу и снова повернулся ко мне. — Если мы сумеем придумать для вас подходящее имя, то контракт ваш. Стандартный. На семь лет. Сто двадцать пять долларов в неделю.

Я выгнула бровь, но в остальном мое лицо осталось бесстрастным.

— Сто двадцать пять долларов в неделю? На семь лет?

Он пыхнул сигарой.

— Это текущая ставка.

Я бросила вопросительный взгляд на мистера Ричи. Он перевел «текущую ставку» на немецкий.

Распрямив плечи, я взглянула сквозь очки мистера Майера прямо в его темные холодные глаза. Да,

слухи не врали, он и впрямь деловит и безжалостен, но я и не таких видала. И если хочу добиться своего, то должна тоже проявить жесткость.

Я шла на огромный риск, но только такой гамбит мог вывести меня наверх из рядов низкооплачиваемых третьеразрядных актрис, о которых легко забывают. А вот тех, кто им обходится дорого, люди не забывают никогда.

— Может быть, это «текущая ставка» для неизвестных актеров. Но не для меня. Я знаю себе цену и на меньшее не соглашусь. — Самым пронзительным взглядом, на какой была способна, я обвела по очереди всех, кто был в комнате. А затем развернулась и вышла.

Мистер Ричи выскочил за мной в коридор отеля.

— Что вы творите, Хеди, черт вас возьми? Такой шанс профукали! — крикнул он мне в спину.

Я не была уверена, что правильно поняла это выражение, но причина его гнева была ясна. Он полагал, что я упустила свою единственную возможность сделать карьеру в Голливуде. Но мистер Ричи ошибался. Дело с мистером Майером было не закончено: это был только первый этап наших переговоров. Хотя сам мистер Майер этого еще не знал.

Обернувшись к мистеру Ричи с непоколебимым видом, я сказала:

— Я надеялась, что мы договоримся с мистером Майером сегодня, но знала, что может не получиться. Я получу гораздо больше, чем жалкие сто двадцать пять долларов в неделю. Вот увидите.

— Вы сами не понимаете, что делаете. — Он покачал головой. — Вы только что отказались

от предложения самого крупного кинопродюсера в мире, второго шанса у вас не будет.

Я загадочно улыбнулась ему.

— У меня есть план, мистер Ричи.

Я продала браслет из своего набора от Cartier и купила билет на «Нормандию», которая, как я узнала, должна была через неделю доставить мистера Майера через Атлантику домой, в Америку. Я полагала, что за несколько дней в море рядом с киномагнатом мне представится не одна возможность убедить его заключить более выгодный контракт.

Нескольких дней не понадобилось. Хватило одного.

В первый же вечер я облачилась в темно-зеленое, под цвет моих глаз, дизайнерское платье замысловатого кроя — единственное, которое я взяла из огромного гардероба фрау Мандль, потому что знала, какой эффект оно производит, — и зашагала к танцевальному залу. Прежде чем войти, я на мгновение закрыла глаза и ушла в себя. Я собрала все свои силы, максимально сконцентрировала внимание, как делала когда-то перед выходом на сцену, и открыла дверь.

Остановившись на верхней площадке крутой винтовой лестницы, ведущей к танцполу, я подождала, пока все мужские взгляды, включая взгляд мистера Майера, не остановятся на мне, и только потом начала спускаться. Неторопливо, шаг за шагом, чтобы этот голливудский воротила успел разглядеть, какой эффект произвело мое появление на других пассажиров. Затем я направилась прямо к Майерам.

Я почтительно поздоровалась с миссис Майер, а мистеру Майеру лишь кивнула. Испытав на себе унизительное отношение к женам влиятельных мужчин, особенно если женщина привлекательна, я поклялась никогда не вести себя так с другими. Да и в любом случае для моей карьеры куда выгоднее было бы иметь миссис Майер своей союзницей, и мне хотелось недвусмысленно продемонстрировать свою лояльность.

Мистер Майер тихонько присвистнул:

— Чисто сработано.

— Спасибо, мистер Майер.

— Если вы можете держать внимание такого громадного зала, значит, и перед камерой держаться сумеете. Я вас недооценил — вы и впрямь стоите больше «текущей ставки». — Он пыхнул сигарой и оглядел меня с ног до головы. — Как насчет семилетнего контракта по пятьсот пятьдесят долларов в неделю со всеми обычными доплатами? Больше я не предлагал еще ни одной начинающей звезде.

— Я польщена, мистер Майер. — Я проговорила это деловым тоном, стараясь подавить растущее волнение. — Такие условия вполне приемлемы.

— Это значит «да»?

— Да.

— А вы неплохо умеете торговаться для такой молодой и красивой женщины.

— Как я уже сказала, я знаю себе цену. А если не просить, вы и не дадите.

Он взглянул на меня с пониманием, и миссис Майер одобрительно кивнула. Он сказал:

— Мне это нравится. Я хочу, чтобы в моей семье — а каждый, кто подписал контракт со мной и моей студией, это моя семья, — каждый умел ценить себя по достоинству.

В самом ли деле этот мистер Майер ценит сильных женщин? Я подозревала, что это просто слова, которыми он любит щегольнуть при случае. Слишком уж властный у него характер, чтобы терпеть рядом другую сильную личность, тем более женщину. Но поскольку в моем теперешнем положении выгоднее было принять его слова за чистую монету, я так и сделала.

— Хорошо.

— Сделка предполагает одну оговорку, — сказал он, как и следовало ожидать от такого цепкого дельца. Вначале заключил соглашение, а теперь выставляет дополнительные условия.

— Какую? — Я не сумела скрыть досаду в голосе.

— Нужно будет придумать вам новое имя. И новую биографию.

Я очнулась от своих воспоминаний. Мужчины все еще обсуждали мое новое имя. Отойдя от перил палубы, я встала ближе к миссис Майер — в знак согласия с ее предложением. В этой мужской компании она была моей союзницей.

— Хеди Ламарр, — произнес мистер Майер, упер руки в бока, оглянулся и смерил меня взглядом. — Подходяще.

Коллеги мистера Майера хором загалдели: «Да-да, в самый раз!»

— Отлично. Ничего немецкого. Загадочно. Немного экзотично, как и сама наша Хеди. — Мистер Майер подошел и сжал мне руку выше локтя.

Миссис Майер тут же взяла меня за другую руку.

— Да, в точности как наша Хеди Ламарр.

Очевидно, ей не хотелось, чтобы я принадлежала ему одному, и она предпочла бы, чтобы он не трогал меня руками. Это был сигнал, что я принадлежу ему душой и телом только до тех пор, пока дело касается съемок.

— Итак, решено: перекрестим ее в Хеди Ламарр, — объявил мистер Майер под хор одобрительных восклицаний.

Перекрестим? Я едва не рассмеялась: выходит, он полагает, что меня уже один раз крестили. Мое обращение в христианство перед свадьбой было торопливым скомканным обрядом, на который священник Карлскирхе пошел лишь под давлением Фрица и после обещания солидного пожертвования. Посвящение в новую веру произошло только на словах, без символического крещения водой.

Я мысленно примерила свое новое имя.

— Ламарр, — прошептала я про себя.

Мне это напоминало французское слово «la mer» — «море». Стоя на палубе огромного корабля, плывущего по бескрайним океанским водам, я решила, что это имя — хороший знак, может быть, даже счастливое предзнаменование. Здесь, в море, берет начало моя новая история.

Глава двадцать седьмая

20 февраля 1938 года
Лос-Анджелес, Калифорния

На какое-то время я потеряла себя. Жгучее калифорнийское солнце, голубая тихоокеанская вода, новые здания, мужчин сколько угодно — бери не хочу, — море улыбок — во всем этом сгорела, как в огне, и прежняя Хеди, и все ее полинявшие маски. Я забыла — а может быть, просто задвинула в самую глубину сознания — и свою жизнь в роли фрау Мандль, и опасность, угрожающую Вене и жителям Дёблинга, в том числе моей маме, от руки немецкого безумца. Калифорния поставила передо мной новый девственно чистый холст, на котором можно было писать историю своей жизни заново, и притворяться перед самой собой было так легко.

Но вот однажды я проснулась в тоске по австрийским зданиям разных оттенков сепии, по истории, таящейся под каждым булыжником, по запаху печеных яблок для штруделя, по шершавой угловатости моего родного языка. Меня охватило чувство вины. За то, что сбежала. Одна. Без мамы, без кого-то еще.

Только тут я поняла, что, даже приняв свою новую историю, я никогда не смогу оставить позади прежнюю. Моя прошлая жизнь так и будет просачиваться в этот новый мир, как вода сквозь трещины в не укрепленной как следует плотине. И когда-нибудь мне придется столкнуться со своей прежней историей лицом к лицу.

— Давай, Хеди, собирайся, не то опоздаем. Ты же знаешь, как мистер Майер ценит пунктуальность. Я не хочу рисковать потерять роль из-за того, что задержалась, — с упреком сказала соседка по комнате. В Голливуде мистер Майер сразу же нашел мне и квартиру, и соседку: венгерскую актрису Илону Мэсси. Она тоже попала в его коллекцию актеров-эмигрантов. Мы с ней отлично поладили и часто смеялись, пока оттачивали по заданию мистера Майера свой английский, чтобы сойти за американок.

— А может, лучше сходим еще разок на «Иезавель»? — умоляюще проговорила я. Мы с Илоной часто бывали в местном кинотеатре, где снова и снова пересматривали одни и те же фильмы, стараясь усвоить правильную дикцию и интонацию. «Иезавель» с Генри Фондой и Бетт Дэвис была одной из наших самых любимых картин.

Илона засмеялась, но осталась непреклонной.

— Хеди, мы уже зашли слишком далеко — было бы глупо упустить свой шанс только из-за того, что тебе вздумалось посидеть дома.

Вечеринка, которая устраивалась в голливудском доме одного режиссера, друга мистера Майера,

была обязательным мероприятием. За те полгода, что мы провели в Калифорнии, это был не первый наш принудительный выход в свет, хотя я бы предпочла, чтобы он был последним. Эти приемы устраивались в основном для того, чтобы все режиссеры, продюсеры, сценаристы и директора студий, сколько их есть в Голливуде, могли приглядеться к вереницам молодых женщин, ищущих роли, и отобрать из них лучших. Мы были как лошадки на карусели — каждая старалась подпрыгнуть повыше других или привлечь внимание самыми яркими блестками, — а я это терпеть не могла. Но что же оставалось делать?

Мы с Илоной застегнули друг другу молнии на фабричных платьях, купленных в «Бродвее», местном магазине, специально для такого рода случаев. Затем взяли такси и поехали в особняк, где нас ждал мистер Майер и другие голливудские режиссеры. Дом в стиле эпохи Тюдоров, вероятно, производил сильное впечатление на большинство посетителей, однако мне он показался жалкой бледной копией настоящего баварского замка или виллы: я ведь в них не только бывала, но и владела ими когда-то. На какой-то едва уловимый миг я даже почувствовала тоску по той роскошной жизни, которую я вела с Фрицем, когда была еще фрау Мандль.

Фриц... Где-то он сейчас? Устраивает в замке Шварценау бал для нацистских чиновников, теперь уже прочно окопавшихся в австрийском правительстве? Держит под руку белокурую немецкую фройляйн, обговаривая условия поставок оружия с каким-нибудь гитлеровским эмиссаром?

С помощью адвоката, найденного в Лондоне, я уже начала бракоразводный процесс и знала, что Фриц получил письменное уведомление об этом. Я ждала, что же он ответит на адрес адвоката — свой я велела не раскрывать ни под каким предлогом, — но никакого ответа не пришло. Даже злобного бреда брошенного мужа, чудовища, скрывавшегося при посторонних за банальными любезностями. И мама в своих коротких ответах на мои письма ни разу не упомянула Фрица.

Мы с Илоной бродили по залу, против воли притягивая к себе похотливые взгляды. Взяв коктейль у проходившего мимо официанта, наметили себе маршрут. Мы старались подходить к этим вечеринкам стратегически и не упустить случай побеседовать с самыми выдающимися режиссерами, подбирающими исполнителей для своих фильмов. Еще важно было непременно показаться на глаза мистеру Майеру, чтобы тот зачел появление на вечере в нашу пользу. Но мы старались держаться вместе, чтобы не попасть в неприятную ситуацию, оказавшись наедине с кем-то из присутствующих здесь мужчин. Мы были наслышаны о том, какая охота на старлеток идет в пустых спальнях и темных коридорах. Девушкам без контрактов, связей и средств следовало быть осторожней. Когда мы протискивались мимо группы мужчин, в которых я узнала руководителей студии *RKO Pictures*, я услышала, как один из них язвительно сказал другому:

— На этих двоих глазеть можно, но не вздумайте их пальцем тронуть. Это собственность Майера.

Я шепотом пересказала этот разговор Илоне и спросила:

— Что это значит?

Несмотря на тон этого замечания, явно намекавший на что-то непристойное, я все же надеялась, что речь шла всего лишь о контракте, которым мы были связаны с *MGM Studios*.

— Это значит, что Майер — наш владелец. И на съемочной площадке, и за ее пределами, — объяснила Илона с отвращением в глазах. Меня замутило. Уходя от Фрица, я поклялась, что никогда больше не позволю ни одному мужчине стать моим владельцем.

Заметив, как изменилось выражение моего лица, Илона взяла меня под руку и потащила к шезлонгу возле бассейна, в котором плавали сотни покачивающихся свечей. Наверное, в другое время это зрелище показалось бы мне красивым, но сейчас я думала только о словах человека из *RKO*. Выходит, я просто сменила одного хозяина на другого?

— Слушай, Хеди, — начала Илона, как только мы уселись. — Не нужно расстраиваться из-за таких разговоров. Они того не стоят. Мы же не собираемся на самом деле заниматься тем, на что эти люди намекают, так и слушать их ни к чему — много чести.

Я только брови приподняла, не зная, стоит ли заговаривать о том, что меня беспокоит по-настоящему. Решив, что этот вопрос не обойти, я спросила:

— А мистер Майер тоже так думает?

Она не успела ответить: к нам подошел режиссер Рейнхольд Шунцель. Илона как раз надеялась

поговорить с ним сегодня: до нее дошел слух, что он подбирает актеров для «Балалайки», романтического мюзикла, где она могла бы блеснуть своим талантом. Когда он спросил, не хочет ли она выпить чего-нибудь в баре и «обсудить один проект», она в волнении взглянула на меня, и я кивнула. Ради таких вот встреч мы и ходили с ней по этим вечеринкам, хотя обе понимали, что нужно соблюдать осторожность. Под выпивкой в баре могло подразумеваться много чего.

Я поболталась немного без дела и начала уже подумывать, не взять ли такси домой, и тут откуда ни возьмись появился мистер Майер. Он уселся рядом со мной на узком шезлонге.

— Мисс Кислер... ой, то есть мисс Ламарр, — сказал он, чтобы я не забывала, что он мой создатель.

— Здравствуйте, мистер Майер. Вам нравится сегодняшний вечер? — ответила я, изо всех сил стараясь говорить с безупречным американским акцентом. Английские слова я глотала с жадностью: мне не терпелось поскорее оборвать всякую связь с языком, на котором мой муж беседовал с нацистами за обеденным столом. В Голливуде ни немецкий язык, ни немецкий акцент сейчас не приветствовались. Да и вообще в Америке.

— Очень нравится, мисс Ламарр. А как вам Голливуд? — спросил он.

— Хотите правду? — Я догадывалась: этот мистер Майер привык к тому, что старлетки льстят ему напропалую, надеясь извлечь из этого какие-то новые возможности. Мне хотелось, чтобы

он знал — я не из тех, кто пойдет на все ради роли, что бы там ни воображали себе эти вульгарные мужчины. Он-то мог бы это понять уже после нашей первой встречи в отеле *Savoy*.

— Разумеется.

— Ну, по правде сказать, я несколько разочарована.

— Что? — Он был, кажется, искренне удивлен. — Как все это, — он указал рукой на бассейн и особняк, — может разочаровать?

— Не забывайте, откуда я, мистер Майер. Настоящие замки и виллы — это была моя повседневная жизнь. Но ради возможности играть стоило пойти на жертвы. — Я сделала паузу для эффекта. — Если, конечно, у меня будет такая возможность.

Его глаза за круглыми очками сощурились, и я узнала этот тяжелый взгляд собственника. Когда-то я не раз и не два видела его на лице Фрица.

— Надеюсь, вы меня не разочаруете, Хеди. Особенно теперь, когда я ввел вас в свою семью *MGM*...

— Что вы хотите этим сказать, мистер Майер? Я занимаюсь английским и работаю над своей внешностью, как вы и велели. — Про себя я добавила, что ему это должно быть прекрасно известно. Мистер Майер нанял специальных сотрудников службы безопасности, чтобы держать нас с Илоной под постоянным наблюдением.

— Я хочу сказать — надеюсь, вы понимаете, что, если вы будете со мной полюбезнее, такая возможность может представиться значительно раньше. Собственно говоря, у меня уже есть роль, которую

я мог бы вам предложить, — сказал он и протянул руку, пытаясь под прикрытием ночной темноты погладить мое колено.

Выходит, я была права.

Еще не остыв после оскорбительного замечания того человека из *RKO* и с возмущением вспомнив высказывание Майера о том, что я ему принадлежу, я сказала:

— Ни один мужчина не может мной владеть, мистер Майер. И никогда не будет. Даже вы.

Его лицо вспыхнуло от негодования. Он хотел было ответить в мой адрес что-то язвительное, но тут мы оба услышали, как кто-то окликнул его по имени. У дальнего края бассейна возникла миссис Майер и направилась прямиком ко мне и к своему мужу.

— Хеди. — Она ласково обняла меня и уселась в шезлонг напротив. — Я и не знала, что вы здесь.

Она взглянула на мужа с явным подозрением.

— Что это ты Хеди по углам прячешь? Сам ведь вечно орешь на своих актеров и актрис, что они должны быть в гуще толпы на всех этих кошмарных вечеринках?

Несмотря на невеселое настроение, я невольно рассмеялась. Так значит, миссис Майер тоже считает эти вечеринки кошмарными? Она была женщиной яркой и волевой, и я могла представить, как эти сборища ей невыносимы. Само по себе это меня не удивляло, удивило скорее то, что она призналась в этом вслух. Оказывается, не я одна страдаю в эти долгие мучительные вечера. Это немного утешало.

Я решила использовать появление миссис Майер в своих интересах как возможность надавить на мистера Майера.

— У вашего мужа была веская причина выбрать этот тихий уголок, миссис Майер.

— Вот как? — Она уперла руку в бедро с видом человека, готового ринуться в бой.

— Да, он как раз рассказывал мне об одной роли в фильме, которую он хочет мне дать. Очевидно, это не для всяких ушей.

— Восхитительно, — сказала она и наклонилась ко мне, чтобы еще раз стиснуть меня в объятиях. Но тут же упрекнула мужа:

— Говорила я тебе — давно уже пора выпустить Хеди в игру. Сколько можно держать ее на скамейке запасных!

Этого выражения по-английски я не знала, но по смыслу догадалась, что это означает «сидеть без работы».

— Она здесь считаные месяцы, Маргарет. Ей в любом случае нужно было сначала отточить произношение. Нельзя же допустить, чтобы она гавкала на съемках с немецким акцентом. Что подумают зрители? Что мы тут фрицев нанимаем? Как-то не очень по-американски.

— Да, пожалуй. Но теперь-то ее английский уже достаточно хорош. Остался только легкий намек на европейское произношение. Ничего слишком характерного, как раз в твоем вкусе.

— Вот поэтому теперь я и предлагаю ей роль, — огрызнулся он, очевидно раздосадованный тем положением, в которое я его поставила.

— Не могли бы вы рассказать нам об этой роли, мистер Майер? — спросила я с самой почтительной улыбкой, как того требовало присутствие миссис Майер.

Шах и мат. Как он ни злился, но в присутствии жены вынужден был сдерживаться.

— Мне кажется, я нашел тот самый материал, который позволит использовать и вашу киногеничность, и ваши особенности... вашу неординарность максимально выигрышно. Вы будете Габи, французской туристкой, приехавшей осматривать Касбу — старинную крепость в исторической части Алжира. В фильме — он будет называться «Алжир» — ваша героиня случайно встречает знаменитого французского вора, похитителя драгоценностей Пепе ле Мокко, и это становится завязкой сюжета.

— Превосходно, — заметила я, и вполне искренне. — А кто будет играть Пепе?

— Французский актер по имени Шарль Буайе.

— Я знакома с его работами. Он великолепен.

— Значит, решено, — объявила миссис Майер. — Ты ведь проследишь, чтобы на съемочной площадке все было пристойно? Чтобы нашу Хеди никто не обижал? — Она приподняла бровь, выразительно глядя на мужа. Это означало, что ко мне никто не должен приставать, включая его самого.

— Само собой, Маргарет.

Она повернулась ко мне.

— Идемте, Хеди, я хочу вас познакомить с несколькими очаровательными женщинами.

Глава двадцать восьмая

4 марта 1938 года
Лос-Анджелес, Калифорния

— Вас ждут на съемочной площадке через пять минут, мисс Ламарр! — крикнул посыльный, заглянув в мою гримерную. Сьюзи заторопилась: ей нужно было еще закончить с моей подводкой и застегнуть на мне платье. Задерживать съемку было недопустимо: режиссер Джон Кромвель был известен своей пунктуальностью. Мне не хотелось рисковать ролью, с таким трудом отвоеванной у мистера Майера.

Закончив, Сьюзи глянула на мое отражение в зеркале над туалетным столиком, заставленным склянками с рубиново-красной помадой и лаком для ногтей, черной подводкой для глаз и светлой пудрой для лица. Эта живая и бойкая девушка, назначенная моей костюмершей, оказалась полной противоположностью чопорной фрау Люббиг из Венского театра, по чьей немногословности я иногда скучала. Сьюзи восторженно пискнула:

— Вы выглядите великолепно!

Я встала и оглядела себя в трехстворчатом зеркале в глубине гримерной. Многослойный грим

в ярком свете казался слишком кричащим, но я знала, что для камеры это то, что нужно. Мой костюм состоял из черного платья-футляра, дополненного роскошным белым шелковым жакетом, тускло переливающимся жемчужным ожерельем и сверкающими бриллиантовыми серьгами. Подделка, конечно, но блестят, как настоящие. Режиссер и художница по костюмам Ирен Гиббонс сочли это подходящим одеянием для состоятельной француженки, блуждающей по запутанному лабиринту обшарпанных улочек Касбы. Смешно было представить, что богатая туристка вообще поедет путешествовать по алжирскому захолустью, тем более в таком наряде, но Голливуд есть Голливуд.

Единственное решение, которое оказалось безусловно удачным, — это контрастные черно-белые тона моего костюма. Он неотразимо притягивал взгляд, совсем как мое свадебное платье от *Mainbocher*. Лаконичная цветовая гамма подчеркивала мои темные волосы и бледную кожу, ставшую еще бледнее от пудры, и я знала, что на пленке это будет выглядеть чрезвычайно эффектно. Бесчисленное множество кинолент, которые мы с Илоной пересмотрели, чтобы подтянуть свой английский, научили меня не только правильному произношению. Из американских фильмов я узнала все о законах света и тени.

Я оценивающе взглянула на себя в последний раз, и тут мне на плечо легла рука Сьюзи. Я чуть не подскочила от неожиданности. Американцы держались друг с другом ужасно фамильярно, причем едва ли не с момента первой встречи. Миссис Люббиг

и в голову бы не пришло дотронуться до меня, кроме как по необходимости — одеть для выхода на сцену, нанести макияж или уложить волосы. Но теперь я сама стремилась сделаться настоящей американкой и подавила свой австрийский порыв отстраниться от прикосновения Сьюзи.

— Нет, правда, мисс Ламарр, это чума, — хихикнула она. — В павильоне все просто окосеют, вот увидите.

Кто и почему окосеет и при чем здесь чума? По выражению ее лица я догадывалась, что это было что-то вроде комплиментов, но иногда ее манера выражаться ставила меня в тупик.

Я кивнула Сьюзи, чувствуя, что ее похвалы все-таки добавили мне немного, как она сказала бы, куража, и открыла дверь гримерной. Коридор, ведущий к звуковому павильону, показался мне нескончаемо длинным, и каблуки черных атласных туфель стучали как-то слишком громко. Или это просто так кажется от волнения?

Вскоре стук моих каблуков потонул в жужжании аппаратуры и низком гуле голосов. Мое появление на съемочной площадке не произвело никакого фурора. Вокруг кипела работа: плотники, рабочие сцены, реквизиторы, актеры и статисты с азартом делали свое дело — воссоздавали настоящий североафриканский город здесь, в павильоне, в Америке. Мне были не в новинку театральные декорации, но эта сложная конструкция была не похожа на те, с которыми я имела дело раньше в спектаклях и в кино. Она казалась огромной и очень реалистичной. И я растерялась.

С чего я взяла, что моего коротенького опыта в европейском кино будет достаточно, чтобы вписаться в Голливуд?

Когда никто так и не удостоил меня вниманием, я набралась смелости и направилась к седовласому, суровому на вид мужчине, вокруг которого, казалось, и кипел весь этот неугомонный улей. Может быть, он мне что-то подскажет. Он поднял глаза, оторвавшись от довольно жаркого спора с оператором, и уставился на меня. Наконец он воскликнул:

— А вы, должно быть, и есть наша Габи?

С облегчением от того, что меня узнали, я протянула ему руку. По его властной манере говорить я догадалась, кто он.

— Это я, сэр. А вы мистер Кромвель?

Мы пожали друг другу руки, и он сказал:

— Да, это я. Но, пожалуйста, зовите меня Джон.

— И вы, пожалуйста, зовите меня Хеди. Я рада, что мне выпала честь стать вашей Габи.

Мистер Кромвель оглядел меня с ног до головы.

— Вы действительно неотразимы, как и уверял Майер. И это хорошо, потому что мы имеем на вас большие планы в этой сцене.

Это заявление о «больших планах» на Габи меня порадовало и обнадежило. Сюжетная линия «Алжира» изобиловала приключениями и загадками, но моя героиня в самых интересных сценах даже не появлялась: она была всего лишь «запретным плодом» для главного героя, похитителя драгоценностей Пепе. Такой подход меня не удивил: женские роли в Голливуде были по большей части декоративными, но возможность добавить Габи фактуры

и живости была заманчивой, хоть и неожиданной. Я уже рисовала в своем воображении сцены, где она будет участвовать в поисках сокровищ, а не сидеть молча, лишь для того, чтобы украсить картину своим присутствием. Но, что бы ни вышло из моей роли, сам размер съемочной группы и количество подсобных рабочих напоминали о том, что следует быть благодарной за предоставленную возможность.

— Я очень рада это слышать, мистер Кромвель... то есть Джон. У меня есть свои идеи о том, как можно оживить образ Габи, и мне бы очень хотелось обсудить их с вами.

Брови Джона недоуменно сошлись над переносицей, но он ничего не ответил прямо на мое предложение.

— Ладно, вот что: давайте-ка познакомим вас с нашим кинооператором, Джеймсом Вонг Хоу. Он для вас задумал кое-что особенное.

Мы прошли через весь павильон в угол съемочной площадки, где уже был выстроен узкий переулок карликового размера, из искусственной глины. Невысокий китаец в берете и шейном платке отдавал распоряжения двум операторам по поводу расстановки оборудования и троим рабочим сцены, сидевшим на крышах глиняных домов, по поводу углов освещения.

— Джимми, а вот и наша Габи, — окликнул его Джон.

Мистер Хоу повернулся к нам.

— А, мисс Ламарр. Мы вас ждали. Сцена подготовлена для вашего первого эпизода.

— Ну, ты свое дело знаешь, Джимми. Оставляю ее в твоих надежных руках, — сказал Джон и ушел обратно в другой конец павильона.

— Вы готовы? — спросил мистер Хоу. Он не предложил называть его Джимми.

— Я знаю свой текст для этой сцены, мистер Хоу, но, к сожалению, у меня не было времени порепетировать с коллегами. И Джон упомянул, что у вас есть новые планы для этой сцены, но я не знаю какие.

— Пусть это вас не заботит, — ответил он успокаивающим тоном, словно говорил с оробевшим малышом. — Наши планы не потребуют от вас долгих репетиций.

— Ясно, — медленно проговорила я. Я все еще не очень понимала, чего мистер Хоу от меня ждет.

— Прежде чем снимать сцену со всеми статистами в кадре, нужно позаботиться о том, чтобы все камеры и освещение были установлены как следует. — Он взял меня за руку и поставил посреди переулка, на ступеньку, отмеченную лентой с буквой «Х». — Я придумал для вас специальное освещение: свет будет падать сверху и отбрасывать четкие тени на ваши симметричные черты. Я ношусь с этой идеей много лет, но у меня никогда не было актрисы с таким идеально правильным лицом, как у вас.

— Спасибо, мистер Хоу, — ответила я, хотя его замечание звучало не как комплимент, а как простая констатация факта. Он приподнял пальцем мой подбородок, чтобы рассмотреть лицо под разными углами.

Потом отступил назад и велел:

— Стойте неподвижно. И приоткройте рот — так, чтобы это выглядело соблазнительно, но чтобы зубы не были видны.

Я встала так, как он просил, замерла в неподвижности и стала ждать. Мистер Хоу приказал операторам и рабочим сцены слегка переставить оборудование, а затем оператор навел на меня объектив центральной камеры. Я не двигалась, и для меня было совершенно непостижимо, что можно найти интересного в такой сцене.

Минуты медленно ползли одна за другой, а я все думала, что же Габи будет делать дальше. Что это за «большие планы», о которых говорил режиссер? Не может же быть, чтобы весь мой эпизод сводился вот к этому.

— Может быть, стоит в общих чертах обговорить, что Габи будет делать дальше? — спросила я, когда прошло, по моим подсчетам, уже десять минут.

— О чем это вы, мисс Ламарр? — отозвался мистер Хоу из-за объектива.

— Джон Кромвель упомянул про «большие планы». Разве не нужно отрепетировать движения для этой сцены?

— Мисс Ламарр, имелся в виду этот длинный крупный план с тщательно продуманным освещением и операторской работой — вот о чем шла речь.

— Но я же ничего не делаю. — Я была совершенно обескуражена.

— Вам и не нужно ничего делать, — сказал мистер Хоу, и в голосе его слышалось явное

раздражение. Я почти слышала, как он думает: «И зачем эти идиотские вопросы? Почему она не может просто сделать как ей говорят?» — Замысел режиссера — представить вас, воплощение женственности, как шифр, как тайну, которую должен разгадать Пепе — и зрители вместе с ним. А вы наверняка и сами понимаете, что лучший способ для женщины вызвать желание разгадать тайну — это быть красивой и молчать.

Молчать. Снова молчать. Я рассталась с Фрицем и его миром не в последнюю очередь потому, что он хотел видеть во мне только немую, покорную оболочку. Хоть я и понимала, что мечтаю о чуде, я все же надеялась найти здесь что-то большее. Но оказалось, что Голливуду нужно то же самое.

Глава двадцать девятая

13 марта 1938 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Сьюзи помогала мне снимать черное вечернее платье и жемчужное ожерелье после пересъемки эпизода из «Алжира» — момента, когда Габи и Пепе впервые увидели друг друга. В этой сцене, как и во многих других, я должна была долго сидеть без движения перед камерой, не отрывающейся от моего лица. Я уже немного освоилась на съемочной площадке, меня смущали только эти длинные неловкие паузы, когда остальным актерам приходилось стоять в стороне и ждать, пока камера мистера Хоу отснимет меня. Все время, пока текли эти нескончаемые минуты, я пыталась ощутить тот прилив силы, который всегда чувствовала на сцене, чтобы сделать характер Габи фактурнее и интереснее, и надеялась, что это будет заметно на экране. Но волей-неволей я чувствовала, что меня низводят до роли манекена в магазине.

И тут в дверь забарабанили так, что тонкие стены моей гримерной заходили ходуном. Сьюзи приоткрыла дверь, и я поплотнее запахнула на себе шелковый халат. На съемках рабочие вопросы

решались без перерывов, в любое время, и после истории с «Экстазом» я знала, что в нескромном виде лучше никому не показываться.

В дверь заглянула моя бывшая соседка по квартире, Илона, и в руке у нее была свернутая в трубку газета. Пару недель назад мы обе решили, что пора искать отдельное жилье, и я сняла небольшой домик с шестью комнатами высоко на Голливудских холмах, с просторным внутренним двориком — можно будет завести каких-нибудь животных, чтобы не было так одиноко. Но с Илоной мы по-прежнему оставались близкими подругами, тем более что уже успели завести общих друзей из числа таких же, как мы, голливудских эмигрантов: среди них был режиссер Отто Премингер, мой бывший наставник Макс Рейнхардт и несколько евреев-американцев, в частности, продюсер Уолтер Вангер. Встречаясь иногда за ужином, мы обменивались новостями о тех событиях в Европе, которые не освещались в американских газетах. И хотя мужчина, с которым я начала встречаться, актер Реджи Гардинер, был англичанином, а не континентальным европейцем, как все мы, он тоже поставлял нам кое-какие сведения, добытые по своим каналам. Из всех моих поклонников я выбрала его за добродушный характер и мягкость в обращении. Хватит с меня Фрицев Мандлей.

По выражению лица Илоны и по газете в ее руке я поняла, что она хочет поговорить с глазу на глаз.

— Сьюзи, — сказала я, — вы не могли бы сходить в кафетерий и принести нам кофе?

— Конечно, мисс Ламарр, — с готовностью отозвалась она. К своеобразной английской речи

Сьюзи я уже привыкла, а вот к ее искрометному характеру — не совсем. Эта неумеренная живость так же действовала на нервы, как вечно сияющее калифорнийское солнце.

Едва Сьюзи закрыла за собой дверь, Илона протянула мне газету. Теперь, вблизи, я разглядела, что глаза у нее красные от слез. Не успела я взглянуть на газету, как она спросила:

— Ты уже видела?

— Нет, я весь день провела на съемочной площадке. Это касается?..

Мне не пришлось договаривать — она сразу поняла, о чем я спрашиваю.

— Да.

Мы ждали новостей о политических событиях в Австрии, о которых моя мама, судя по ее письмам, даже не подозревала, оставаясь в блаженном неведении. Зная ее характер — скорее всего, сознательно. Несколько дней назад, в ответ на массовые беспорядки, учиненные австрийскими нацистами, Германия настойчиво потребовала назначить Артура Зейсс-Инкварта министром общественной безопасности с неограниченными полномочиями. В свою очередь, канцлер Шушниг призвал к референдуму по вопросу объединения Австрии с Германией. В ответ Гитлер стал угрожать Шушнигу вторжением. Илона была не австрийкой, а венгеркой, но в действиях Гитлера она видела потенциальную угрозу и для Венгрии. Удастся ли Гитлеру и в самом деле захватить Австрию? Как отреагирует на такой шаг немцев мировое сообщество?

Илона не могла дожидаться, когда я прочту статью. Ей не терпелось поделиться новостью.

— Хеди, это немыслимо. Вчера немецкая армия пересекла границу с Австрией, как мы и боялись. И знаешь, что их там ждало?

— Нет, — ответила я, хотя тут же представила, как австрийские войска сражаются против гитлеровских сил в стратегических точках, там, где мы с Фрицем столько раз бывали в свое время. Интересно, подумала я, будет ли Фриц опять поставлять оружие обеим воюющим сторонам? Или его излюбленная тактика — подыгрывать обеим крайним позициям против центра — наконец провалилась и ему пришлось бежать из страны?

— Австрийцы приветственно размахивали нацистскими флагами, — и никакого вооруженного сопротивления. Ни малейшего. В голове не укладывается, но австрийское правительство приказало армии сложить оружие. Гитлер вошел в страну как к себе домой.

— Что?.. — Я была потрясена. Опустившись на стул у туалетного столика, чувствуя, как дрожат ноги, я спросила: — И никаких протестов? Ничего?

— Ничего. Похоже, за несколько дней до вторжения СС провела тайную облаву на тех, кто был против нацистского режима. И все равно, Гитлер даже сам удивился такому радушному приему. Он-то намеревался уничтожить австрийские вооруженные силы, сделать Австрию марионеточным государством с Зейсс-Инквартом во главе пронацистского правительства, но ему даже трудиться

не пришлось. Австрийцы проявили такую лояльность, что он просто включил Австрию в состав рейха.

— И Австрия стала частью Германии. Вот так просто. — Голос у меня дрожал.

— Вот так просто, — отозвалась Илона, и по ее голосу было ясно, что у нее самой это не укладывается в голове.

Аншлюс, вторжение и захват моего дома — все, чего мы с папой боялись и что побудило меня когда-то вступить в брак, — все это свершилось. Я понимала, что Илона говорит правду, да и мне ли не знать, что такое развитие событий было неизбежным, — и все-таки эта новость ошеломила меня. Я никогда до конца не верила, что этот день наступит, и молилась, чтобы он не наступил, хотя сама не знала, какому богу молюсь.

Еще за несколько дней до моего побега от Фрица я начала осознавать, что нацисты и в самом деле могут захватить Австрию. Я догадывалась, что нашим войскам, плохо вооруженным, под командованием нерешительного Шушнига, трудно будет противостоять военной мощи Гитлера и фанатизму его сторонников. Но я никак не ожидала, что австрийский народ примет этого безумца с распростертыми объятиями.

Где была мама, когда гитлеровские войска шагали по улицам Вены под приветственные крики толпы? Конечно, она-то не размахивала нацистским флагом. Наверное, сидела в своей гостиной и попивала чай, пока танки катились по улицам, и делала вид,

что не замечает, как дрожат стены дома. Что с ней сейчас?

Нужно срочно вывезти ее из Австрии, пока ее добровольная слепота ее не погубила. Но позволит ли она мне это сделать теперь, когда Австрия оказалась под властью Германии? А если и позволит, то как ее вытащить? Я даже не представляла, какие ограничения на эмиграцию могут ввести в Австрии при немцах, да и американских иммиграционных законов тоже не знала. Я сама въехала в страну благодаря покровительству Майера, и мне не пришлось барахтаться в липкой бумажной паутине документов и разрешений.

Я заплакала. Илона опустилась рядом на колени и обняла меня.

— Твоя мама там, да? — спросила она.

Я кивнула, но ничего не сказала о тех мыслях, что мучили меня. Что теперь будет с австрийскими евреями? Применят ли нюрнбергские законы к ним, к маме? Я слышала планы Гитлера из его собственных уст и знала ответ, хотя никогда не смогла бы выговорить эти слова вслух.

Произнести их было бы равносильно признанию, что я тоже еврейка и что я заранее знала о том, что произойдет.

А евреям в Голливуде места не было.

Глава тридцатая

14–15 января 1939 года
Лос-Анджелес, Калифорния

«Алжир» изменил все и одновременно ничего.

Слава, к которой я так стремилась, пришла ко мне. На премьерах фильма я ходила по красным дорожкам, поклонники выстраивались вдоль улиц и выкрикивали мое имя. Женщины повсюду перенимали то, что газеты называли «стилем Ламарр» — темные волосы, часто крашеные, с прямым пробором и каскадными волнами, симметрично изогнутые брови, бледную кожу и полные, блестящие губы. Стиль, который я считала таким американским и так старательно культивировала по настоянию мистера Майера, теперь стал ассоциироваться с «экзотической красотой Хеди Ламарр» — мы с Илоной от души посмеялись над этой иронией судьбы.

Со славой пришли и деньги. Не поддавшись на ухаживания мистера Майера (а он не оставлял своих попыток), я настояла на более крупном вознаграждении, чем то, о котором мы условились изначально. «Культ» Хеди Ламарр придал мне смелости и дал в руки рычаги влияния: теперь я могла

требовать повышения гонорара с учетом прибыли от кассовых сборов, которую, по общему мнению, должны были принести мои будущие фильмы.

Вскоре после выхода «Алжира» рассеялся наконец и мой страх перед Фрицем. Мне дали развод. Даже когда в ходе судебного разбирательства Фриц узнал мой адрес и от него стали приходить письма, тон у них был на удивление примирительным: теперь я была уже недосягаема для его власти, да и сила у него была уже не та. Из Австрии его изгнали, когда у нацистов отпала нужда в его услугах, и он осел в Южной Америке, куда еще во время нашего брака успел увести большую часть своих активов. От меня он, кажется, хотел лишь одного: отраженной славы бывшего мужа знаменитости, и не более, однако не получил и этого. Развод не только избавил меня от страха — теперь я вольна была встречаться, с кем захочу. Вновь проснувшаяся жажда любви бросала меня от мужчины к мужчине — я искала в их объятиях безопасного убежища, но никогда не поступалась своей независимостью. За Реджи Гардинером, добрым малым, но невозможным занудой, вскоре последовали новые кавалеры.

Но с кем бы я ни встречалась, безысходное одиночество всюду тащилось за мной, как приблудная собака, и стоило только смолкнуть шуму толпы или мужскому шепоту, как в тишине слышалось ее потявкивание. Иногда, в качестве целительного бальзама от одиночества, я отдавалась стремительному водовороту американской жизни. Тут все и всегда куда-то спешили, словно боялись, что, стоит сбавить скорость, история облепит их ракушечным

панцирем. Но воспоминания, от которых я пыталась убежать, неизбежно настигали меня, и мной овладевало чувство вины. Какое право я имею жить в роскоши, когда в Австрии люди ежедневно переживают такие ужасы и лишения? Когда евреи становятся жертвами жестоких уличных расправ от рук головорезов со свастиками, когда их лишили всех прав по нюрнбергским законам? Когда антисемитская истерия вылилась в ноябрьские погромы, когда еврейские магазины были варварски разграблены, а еврейские синагоги сожжены, в том числе и дёблингская? В общем, все те события, которые я и предвидела. На фоне этой сгущающейся тьмы моя американская жизнь казалась какой-то дикой блажью, и легкость, которой она требовала, давалась мне все труднее.

И я раскололась на две половинки. Днем я рисовала себе губы и брови, изображала загадочные взгляды для камеры — надевала маску Хеди Ламарр. Ночью я снова становилась Хедвиг Кислер и терзалась тревогой за своих соотечественников — и за австрийских немцев, и за евреев, хотя до того, как я покинула родину, даже не думала о себе как о еврейке. Я начала понимать, что, убежав из Австрии и не поделившись ни с кем информацией о гитлеровских планах, я невольно подставила под удар австрийцев, и особенно евреев. Но я не знала, как помочь хоть кому-нибудь. Разве что маме.

Тошно было думать о том, что я не постаралась как следует убедить ее уехать при нашей последней встрече. Тогда, за чаем, я разозлилась на ее слова

о папе и поддалась страху, что она расскажет о моих планах Фрицу. Эти эмоции оказались сильнее меня, и, когда мама отказалась покинуть Вену, я не сделала никакой попытки ее уговорить. А нужно было наступить на горло своим чувствам и рассказать ей то, что я узнала о планах Гитлера.

Тогда я слишком легко уступила, но теперь ни за что не сдамся. Я найду способ вытащить маму из Австрии.

Из последнего письма было ясно: теперь уже не придется тратить столько усилий, чтобы убедить маму оставить ее любимую Вену. Правда, впрямую она ничего не писала об ужасах, творящихся в городе: она не без оснований опасалась, что нацистские правительственные чиновники могут просматривать письма, отправляемые за границу, и тогда кары не миновать. Но ее страх перед этими событиями чувствовался в каждом уклончивом обороте фразы, в каждом слове, которое осталось ненаписанным.

Дорогая Хеди,
надеюсь, твоя новая жизнь в Голливуде по-прежнему благосклонна к тебе. Успех — это то, к чему ты всегда стремилась...

Читая эти строки, я глубоко вздохнула, но решила, что не позволю ее сомнительному комплименту меня задеть. По складу характера мама просто не умела хвалить. Например, боже упаси поздравить меня с удачно сыгранной ролью в «Алжире», вместо того чтобы рассуждать о том, как я «стремилась» к успеху в кино. Но эта привычная недоброжелательность

не должна изменить мои намерения. Я стала читать дальше.

Я часто вспоминаю о нашей беседе за чаем перед твоим отъездом. Теперь я понимаю, что нужно было прислушаться к твоему совету, Хеди. Но матери часто недооценивают рассудительность своих дочерей, и я не исключение. А теперь, может быть, уже поздно.

На тот случай, если это и вправду так, Хеди, я хочу разъяснить то недоразумение, что произошло между нами в тот день за чаем. Тогда ты сказала, что я будто бы обделяла тебя лаской и любовью назло или из-за того, что питала к тебе неприязнь. Большей неправды и представить себе невозможно. Я всего лишь стремилась как-то уравновесить неумеренную лесть и потворство твоего отца. Я тревожилась о том, что может ждать в будущем такую миловидную девочку, которую и так уже все вокруг готовы носить на руках за ее красоту, если еще и оба родителя будут в один голос твердить ей, что она совершенство. Мне нелегко было придерживаться своих правил, но, вопреки твоему убеждению, я делала это из любви.

По моему лицу потекли слезы: никогда еще в маминых словах, обращенных ко мне, не слышалось ничего столь похожего на нежность или просьбу о прощении. И еще одно мне стало почти совершенно ясно из этого ее письма. Мама готова и даже

более чем готова уехать из Вены. Оставалось только найти способ вывезти ее в Америку.

На следующий же день, вечером, случайный разговор подсказал мне, как это можно осуществить. На вечеринке на Голливудских холмах обе мои европейские подруги сбежали от меня, как только подвернулась возможность поговорить с режиссером, у которого они надеялись получить работу. Я осталась в компании какого-то довольно унылого и невзрачного парня, который до сих пор болтался рядом и лишь изредка вставлял реплики в разговор. Я уже готова была уйти, и даже без извинений, но тут вдруг вспомнила: он ведь говорил моей подруге, что работает адвокатом.

— Вы, кажется, упомянули, что вы юрист? — По тому, что его вообще пригласили на эту вечеринку, где собрались главным образом люди, связанные с кино, я догадывалась, что он вряд ли занимается иммиграционными делами. И все же я решила, что навести справки будет не лишним. Может быть, он хотя бы подскажет мне какого-нибудь адвоката, специализирующегося в этой области.

У него даже глаза вспыхнули, когда я перевела на него взгляд: как будто ему не верилось, что я с ним заговорила. Мне самой-то с трудом верилось. На секунду он замялся, а потом сказал:

— Д-д-да, юрист.

Я не видела смысла в пустой болтовне, а потому сразу перешла к делу:

— Вы что-нибудь понимаете в том, как можно перебраться в Америку из Европы?

— Н-немного, — проговорил он, все еще запинаясь. Это я его так нервирую, или у него вообще привычка такая? — Это не моя сфера, но в общем виде иммиграционные законы я знаю. Насколько я понимаю, вы спрашиваете о конкретном человеке?

Я кивнула.

— Откуда он... или она? — Он постепенно пришел в себя и заикался уже меньше.

— Из Австрии.

— Хм-м-м... — протянул он. — Ну, прежде всего, в Америке не существует политики приема беженцев — только иммиграционная политика. У нас действует строгая система квот, по которым ежегодно разрешение на въезд получает строго определенное количество людей из той или иной страны. Если квота уже исчерпана, заявки отклоняются — и не имеет значения, поданы они в начале или в конце года.

— А как мне узнать, принимает ли Америка людей из Австрии, или квота уже закончилась?

— Ну, думаю, Рузвельт уже ввел общую квоту для Австрии и Германии, поскольку теперь эти страны объединились...

Я чуть было не рявкнула на него: не они «объединились», а Германия насильственно присоединила к себе Австрию! Но адвокат продолжал говорить, и я должна была его дослушать.

— Как бы то ни было, — сказал он, — я наверняка смогу выяснить для вас размер квоты. Но имейте в виду: дело не сводится к вопросу, остались ли еще свободные места. Этот человек уже начал оформлять документы?

Я покачала головой: я еще не успела подумать о бюрократической стороне дела.

— В общем, процесс иммиграции в Америке достаточно запутан. Намеренно. Правительство использует сложности в процедуре подачи заявления как сдерживающий фактор.

— Зачем?

— Затем, чтобы в страну въехало поменьше эмигрантов, разумеется. — Он продолжал, даже не замечая, какую ужасную вещь только что сказал: — В общих чертах дело обстоит так. Вначале заявитель проходит регистрацию в американском консульстве и попадает в список людей, ожидающих американской визы. Пока он ждет своей очереди, ему нужно собрать длинный список необходимых документов: удостоверение личности, справку из полиции, разрешение на въезд и транзит, справку о доходах, чтобы доказать, что он в состоянии себя содержать. Хитрость с этими бумагами в том, что у них у всех ограниченный срок действия, поэтому нужно успеть их получить, дождаться своей очереди и подать до истечения этого срока. Иначе придется начинать все заново. А успеть подать эти документы вовремя настолько сложно — почти невозможно, — что их прозвали «бумажной стеной».

Я кивнула, лихорадочно обдумывая все требования, которые придется выполнить маме. Я даже не представляла, сколько времени может на это уйти. А если с ней что-то случится, пока мы будем ждать? Нет, рисковать я не могла.

— А нельзя ли как-то ускорить этот процесс?

— Скажем так — для этого нужно иметь весьма солидные знакомства. Вот если вы знаете людей, у которых имеются связи в федеральном правительстве, тогда, возможно, у вас будет шанс подвинуть кого-то вперед в списке ожидания или избавиться, частично или полностью, от необходимости собирать документы.

Теперь я знала, что делать. Не уточнив даже имени этого адвоката — и, хуже того, даже не поблагодарив за совет, — я растворилась в толпе. Я спешила к единственному человеку из всех, кого я знала, располагающему именно теми связями, которые были мне так нужны, — к мистеру Майеру.

Глава тридцать первая

28 января 1939 года
Лос-Анджелес, Калифорния

— Может, сбежим отсюда и поженимся? — послышался голос из тени у бассейна.

Я вздрогнула всем телом и едва не выронила сигарету. Я вышла на воздух, чтобы побыть в одиночестве, и мне казалось, что рядом ни души. Если бы я знала, что окажусь наедине с мужчиной, то не пошла бы сюда, а нашла бы другой укромный уголок, куда можно сбежать от этого кошмарного сборища.

Многолюдная вечеринка была как раз из тех голливудских суаре, которые я всей душой презирала, но мистер Майер настаивал, чтобы я пришла, а после того, как он согласился выручить меня в ситуации с мамой, я не решилась отказать. Это был праздник в честь премьеры какого-то унылого фильма, и все развлечения состояли по большей части из сплетен о последних голливудских контрактах, драк за роли в будущих фильмах и плотоядных взглядов пьяных кинодельцов и режиссеров. Я предпочла бы провести вечер в гостях у кого-нибудь из моих европейских друзей за разговорами

о политических и культурных событиях. Или в одиночестве, в своем новом доме — поиграла бы на пианино или повозилась с кое-какими изобретениями, вдохновленными памятью тех лет, когда сидела за обеденным столом Фрица и слушала, как мужчины обсуждают технические новинки. А вместо этого пришлось слушать, как мистер Майер, окруженный толпой «своих ребят» — подпевал, таскающихся за ним по пятам, нахваливает сам себя, даже когда речь идет вроде бы обо мне:

— Старик кое-что понимает в талантах, правда ведь, а? Я как увидел эту даму, так сразу и сказал себе: «Из этой девушки выйдет настоящая звезда». И я сделал из нее звезду, причем в рекордный срок.

В других обстоятельствах я бы просто сбежала: я старалась избегать разговоров с новыми людьми, тем более неизвестными. Но в звучании голоса этого джентльмена было что-то знакомое, даже притягательное. К тому же он, кажется, веселый. Этот его совершенно неуместный и довольно фамильярный вопрос заставил меня рассмеяться, что в эти дни случалось нечасто.

— А обручальное кольцо у вас с собой? — бросила я в темноту. Как-то этот шутник выкрутится?

— А как же. Надеюсь, вы любите бриллианты?

— Предпочитаю изумруды, но бриллианты тоже сойдут.

— Изумрудное ожерелье я думал приберечь для свадебного подарка после церемонии.

— Вы очень хорошо изучили свою невесту. — Я еле сдерживала смех.

— А как же иначе, дорогая, — его голос стал громче. — За столько-то лет.

Из тени террасы показалась мужская фигура. Когда незнакомец подошел ближе, я увидела, что он довольно высокого роста, пожалуй, около метра девяноста. Совсем как мой папа.

— Да уж, — негромко проговорила я с легкой опаской, не зная, кто сейчас предстанет передо мной.

До сих пор я не могла разглядеть его черты как следует, но теперь тусклый свет из окна, за которым продолжалась вечеринка, упал на его лицо, как, должно быть, и на мое.

— Ну и ну! Да вы же Хеди Ламарр. — Голос его звучал удивленно, но без робости. Мне это понравилось. Со времен «Алжира» мужчины в моем присутствии либо терялись, либо делались чрезмерно напористыми и развязными.

— Ну и ну! Это и вправду я, — откликнулась я с насмешливым удивлением и затянулась сигаретой. Пепел упал с кончика, и я поняла, что у меня дрожат пальцы от близости этого привлекательного мужчины, явно старше меня. Его тщательно уложенная прическа и безупречный костюм как-то не вязались с легкой улыбкой, теплыми глазами и мягкими манерами. Было такое чувство, будто мы с ним давно знакомы — ни с кем другим у меня такого не случалось с тех пор, как я приехала в Голливуд.

— Думаю, мне следует извиниться за самонадеянность, — проговорил он, но в его

голосе я не услышала никаких признаков раскаяния или смущения.

— Пожалуйста, не надо. Если вы это сделаете, мне придется отослать вас обратно в темный угол, чтобы можно было поговорить по-человечески.

Он рассмеялся — искренне, от души. Тоже совсем как папа.

— А что вы делаете в саду такой холодной январской ночью, когда в доме вовсю кипит веселье? — спросил он.

— Тоже мне холод! Я ведь из Австрии.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мне кажется, здесь разговоры интереснее, чем там.

Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Комплимент от самой мисс Ламарр? Я польщен.

— А кто сказал, что я говорю о вас? Может, я о себе.

Он вновь рассмеялся.

— Меня никто не предупредил, что ваше остроумие может соперничать с вашей красотой.

— Лестью вы добьетесь всего и ничего, мистер... — я умолкла на полуслове, вспомнив, что я даже не знаю, с кем говорю. Наверное, если уж его пригласили на эту вечеринку, он имеет какое-то отношение к кинобизнесу. Когда я это сообразила, он стал мне нравиться несколько меньше.

— Марки, Джин Марки.

Это имя было мне знакомо. Он был сценаристом, и я вспомнила, что он был женат на актрисе

Джоан Беннетт и у них подрастает маленькая дочь. Не то чтобы у него была репутация ловеласа, но и репутации не-ловеласа, насколько я знала, тоже не было. Это меня слегка настораживало.

Он с привычной легкостью вежливого собеседника прервал затянувшееся молчание:

— Не пора ли нам уйти с этой убогой вечеринки? Я знаю один небольшой бар прямо за углом — думаю, он нам как раз подойдет.

И я пошла с ним, хоть это и было против моих правил. Все-таки я совсем не знала этого человека, а хищников в Голливуде предостаточно. Но меня тянуло к нему. В виде исключения я отпустила поводья и решила рискнуть.

Кивнув, я взяла его под руку, и мы вместе вышли с террасы на улицу. Рядом с ним мне было неожиданно спокойно и надежно — ощущение, которого я не испытывала со дня смерти папы. Может, я наконец встретила мужчину, с которым не нужно играть роль?

Глава тридцать вторая

10 июля 1939 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Держа в руке корзинку с полевыми цветами, я открыла заднюю дверь нашего одноэтажного белого фермерского домика на Бенедикт-Каньон драйв, который мы прозвали фермой «За шпалерами». Это была настоящая обитель тишины и покоя, с белыми стенами, белой мебелью и редкими пятнами цвета — коврами, картинами и цветами. Я вошла в гостиную. Джин крепко спал, растянувшись на белом диване, страницы его сценария рассыпались по красному ковру. Доннер, наш датский дог, постарался уместить свое огромное тело на крошечном свободном кусочке диванной подушки у ног хозяина. От этих двоих веяло умиротворением, глубоким, прочным счастьем, в которое я только теперь потихоньку начинала верить. Хотя бы в те минуты, когда мои внутренние демоны спали.

Я прокралась на кухню — потихоньку, чтобы их не тревожить. Достала из шкафа простую белую фарфоровую вазу, налила воды. Обрезав концы стеблей, поставила мелкие цветочки-капельки в вазу и начала составлять из них букет.

Вдруг руки Джина подхватили меня и закружили в воздухе. Пышные юбки летели по кругу вслед за мной, и я заливалась смехом. Наконец он поставил меня на ноги и сказал:

— Как тебе идет твой домашний наряд, моя маленькая хаусфрау.

— Благодарю вас, добрый господин. — Я сделала книксен, и он крепко обнял меня.

Кто мог подумать, что не пройдет и двух месяцев и наша случайная встреча на чужой террасе обернется свадьбой. Наверное, от того, что Джин показался мне таким знакомым и уютным с самого начала, я с такой легкостью приняла это решение. Но сейчас, в разгар европейской войны, из которой мне только-только удалось вытащить маму, я не могла не думать о том, чем же я заслужила этот кусочек счастья. Останься я в Австрии, меня окружала бы совсем другая жизнь.

— О чем это ты задумалась? — спросил Джин, но мне не хотелось говорить. Я никогда не делилась с Джином ни тайной моего еврейского происхождения, ни тем, что мой бывший муж продавал оружие Муссолини и Гитлеру. Конечно, он знал, что я уже была замужем, но и только. Я не осмеливалась раскрывать ему секреты, которые хранила глубоко в себе.

— Вспомнила день нашей свадьбы, — ответила я, чтобы не говорить правду.

Мы доедали вкуснейший ужин из морепродуктов в нашем любимом пляжном ресторанчике. Было начало марта, пятница, и оба мы были уставшие.

Я весь день репетировала для «Леди из тропиков», а Джин работал над редактурой сценария. Обоих в понедельник с утра снова ждала работа, и я радовалась предстоящей редкой передышке. Мои режиссеры частенько требовали, чтобы я работала и по выходным.

— А давай завтра поженимся, — сказал Джин, взял меня за руку и поцеловал в ладонь.

Я рассмеялась. Остроумный собеседник и большой любитель розыгрышей, Джин то и дело смешил меня. Совсем как папа — тот любил загадать мне какую-нибудь дурацкую загадку или оставить на тумбочке фарфоровую фигурку, завернутую в бумагу для пущей таинственности.

Джин был на двадцать лет старше меня и до нашей с ним встречи прожил уже не одну жизнь: во время Первой мировой войны был морским офицером, потом писателем, и с ним, таким опытным и невозмутимым, я чувствовала себя спокойно и надежно.

Темные глаза Джина глядели серьезно.

— Я не шучу, Хеди. Я хочу, чтобы мы были вместе, и не хочу ждать.

Я перестала смеяться.

— Это что, предложение?

Он словно бы сам себе удивился.

— Думаю, да.

Я была ошеломлена. Правда, такого чувства близости и защищенности, как с Джином, я не испытывала еще ни с одним мужчиной, даже с Фрицем в наши самые первые дни, — но ведь мы встречаемся меньше двух месяцев. И я дала себе

слово, что никогда не позволю ни одному мужчине владеть мной, как владел когда-то Фриц. Но ведь, наверное, брак с Джином будет совсем не таким, как с Фрицем? Я не могла себе представить, чтобы этот простой, приветливый человек, как никто, умеющий вызвать у меня чувство уверенности и безопасности, стал обращаться со мной так же, как мой бывший муж.. Но меня беспокоило, не бросаюсь ли я в новый брак только ради того, чтобы найти хоть какую-то опору в этом мире, где до сих пор чувствовала себя не в своей тарелке.

Пытаясь выиграть время, я отшутилась:

— То есть ты наконец созрел для того, чтобы подарить мне кольцо с бриллиантом? Ты ведь обещал в тот вечер, когда мы познакомились.

Джин, в свою очередь, рассмеялся.

— А я-то надеялся, ты забудешь.

Я вытянула руку с голыми пальцами.

— Какая же я жена без кольца.

Он улыбнулся:

— Это значит «да»?

Да или нет? Я не могла представить, как обмениваюсь клятвами с Джином — да и с кем бы то ни было, если на то пошло, — но и «нет» выговорить не могла. Только с ним моя жизнь в Голливуде стала настоящей, а не какой-то фантастической декорацией, в которой мне приходилось играть. Так неужели я и вправду скажу «нет» только из страха сказать «да»?

Наперекор всему, наперекор собственному здравому смыслу, я сказала:

— Думаю, да.

В тот же вечер мы отправились в Нижнюю Калифорнию, северный мексиканский штат, единственное место, где можно было пожениться в двадцать четыре часа. На следующий день Джин уже ждал меня на верхней ступеньке губернаторского дворца в Мехикали. В руках у него был букет фиолетовых цветов — для меня. В лучах предвечернего солнца дворец словно светился изнутри каким-то неземным светом.

Я вышла из лимузина (мы решили приехать по отдельности, чтобы соблюсти традиции) и стала подниматься по лестнице к дворцу. Оказавшись на последней ступеньке, я кивнула, взяла у Джина букет, а свободной рукой взяла его за руку, переплетя наши пальцы. Все это без единого слова. Нам сказали — мексиканские обычаи требуют, чтобы жених и невеста не разговаривали друг с другом до окончания церемонии, и нам не хотелось накликать беду, как, по слухам, случалось с парами, нарушившими это правило.

Мы предстали перед Аполонием Нуньес, мексиканским судьей по гражданским делам, а рядом с нами стояли три непременных свидетеля: Густаво Падрес, заместитель консула, Рауль Матеус из центрального полицейского управления и Джимми Альварес, управляющий местной таверны. Я чувствовала себя как на сцене, пока синьор Нуньес не заговорил. Ни я, ни Джин не понимали испанских клятв, но в звучании незнакомых слов чувствовалось что-то удивительно благородное.

Я подняла взгляд на своего жениха, такого красивого в своем простом сером деловом костюме.

Он подобрал его к моему темно-сливовому платью, которое сшил для меня близкий друг, модельер Адриан, хоть и не специально для этого случая. Церемония требовала внешней благопристойности, но Джин все время улыбался, и я тоже не могла сдержать улыбку. Как же не похожа была эта моя вторая свадьба на первую!

— Хеди? — услышала я и вынырнула из своей глубокой задумчивости.

— Не пора ли нам собираться? — спросил Джин.

— Куда собираться? — искренне удивилась я. Мы ведь, кажется, договорились, что приготовим сегодня традиционный австрийский ужин, а остаток вечера проведем за чтением у камина.

— Как куда? На вечеринку в «Трокадеро». Я слышал, форма одежды для мужчин — смокинг с галстуком, так что тебе лучше подыскать какое-нибудь вечернее платье.

На самом деле я помнила про «Трокадеро», но уж очень не хотелось идти. Я сделала вид, что забыла, чтобы подольше побыть вместе... вдвоем.

Я подошла к нему поближе и прошептала:

— А я-то думала, мы проведем чудесный вечер дома. — Я легонько поцеловала его в шею: знала, что он это любит. Джин был опытным, страстным любовником и обычно очень легко поддавался на мои уловки. Он обнял меня и крепко поцеловал в ответ. Я стала водить пальцами по его спине, выписывая замысловатые круги, пока он не застонал тихонько. Тогда я сказала:

— Значит, решено.

Высвободившись из объятий, я взяла его под руку и потянула в спальню. Джин отстранился.

— Нет, Хеди, давай все-таки пойдем. Мы ведь на этой неделе уже два раза дома ужинали.

— А не дома — целых пять. — В моем голосе проскользнуло раздражение. И как только ему не надоедают эти несносные вечеринки чуть ли не каждый вечер? Я так полюбила проводить свободное время дома с Джином, играть на пианино или возиться с идеями своих технических разработок — делать чертежи или макеты из глины и проволоки, — пока он читал или работал над сценариями. Разве не чудо — иметь мужа, с которым так радостно дома вдвоем, хоть у камина, хоть в постели? С Фрицем я была этого лишена.

— Брось, Хеди, ты же знаешь, какие в этой игре правила. Чтобы пробиться в кино — будь ты актриса, сценарист, продюсер, кто угодно, — нужно иметь вес. Чтобы иметь вес, нужны связи. А чтобы завязывать и поддерживать связи, хочешь не хочешь, нужно ходить на вечеринки.

Все эти разглагольствования о том, как поставлено дело в Голливуде, — как будто я сама этого не знала, — были лишь дымовой завесой, за которой скрывался настоящий повод для тревоги. Он работал сейчас как режиссер над новым фильмом с Лилиан Рассел, и у него возникли кое-какие трения с коллегами на студии *20th Century Fox*. Похоже, он рассчитывал, что за светскими беседами сумеет сгладить все шероховатости. А еще — что мое появление в «Трокадеро» в полном блеске поставит точку

в нерешенном споре с мистером Майером о деньгах за фильм, в котором я сейчас снималась — «Я беру эту женщину» со Спенсером Трейси. Я жестко отстаивала свою позицию по поводу процентов с прибыли, которые, по моему мнению, мне причитались. При всей своей искушенности, Джин иногда бывал поразительно наивен. Тут одним вечером в «Трокадеро» было никак не отделаться.

Я посмотрела в умоляющие глаза мужа и подумала — за кого же я вышла замуж? И кем он считает свою жену?

Глава тридцать третья

4 сентября 1939 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Шли дожди, и сырость окутала город, словно одеяло, и на сердце от нее ложилась тяжесть. На потолке крутились вентиляторы, солнце уже скрылось за вечерней лиловой вуалью, и все равно одежда влажно липла к коже. Я с тоской вспоминала обледенелые венские леса, но понимала, что домой возврата нет. Пока нет — а может быть, и никогда не будет.

Столик в отдельном зале «Коричневого дерби», весь во влажных круглых следах от донышек запотевших бокалов, был завален газетами. Газеты были из самых дальних концов света, и многие из них было не так-то просто достать. На всех языках буквы на первых полосах сочились кровью, складываясь в чудовищную новость. В Европе началась война.

Мы с моими европейскими друзьями собрались не затем, чтобы залить горе вином, а чтобы обменяться новостями. Мы знали, что в газеты попадает далеко не вся правда. Разумеется, там во всех подробностях описывалось вторжение нацистов

в Польшу, цитировались ультиматумы, выдвинутые Германии Великобританией и Францией. Но, как я не раз напоминала другим, — когда Гитлер вторгся в Австрию и ввел в действие нюрнбергские законы, об этом не сообщила ни одна газета. Только от друзей и родственников, которые оставались в Европе, мы узнавали о том, что происходит на самом деле. Что дома и магазины австрийских евреев разграблены; что их больше не принимают в школы и университеты и закрывают доступ к профессиям. Евреев избивают на улицах везде, где заблагорассудится нацистам; и, что особенно пугало некоторых моих тщеславных подруг, — что еврейские актрисы вынуждены мыть уборные. Внимания журналистов удостоился только самый вопиющий акт насилия — «Хрустальная ночь» в ноябре 1938 года. В заголовки газет не попадали ни нацистские грабежи еврейских предприятий, домов, больниц и школ, ни сожжение более тысячи синагог, ни убийства и заключение более тридцати тысяч евреев в недавно построенные концлагеря. Всеобщее возмущение, которое вызвала в мире «Хрустальная ночь», обнадежило нас: мы думали, что теперь-то антисемитскому безумию Гитлера положат конец, но вскоре и об этом перестали вспоминать. У нас вновь остались только собственные источники, особенно когда дело касалось вестей о еврейских гражданах из Европы.

Слова правды передавались из уст в уста, словно мы вернулись в доисторические времена, до изобретения письменности. Когда стали распространяться слухи об организованной программе выселения всех евреев в специальные городские кварталы, так

называемые гетто, где их изолировали от остального населения, наша общая тревога еще усилилась. А когда начались разговоры о том, что, при всех кошмарах гетто, это был лишь первый шаг немыслимого по своей чудовищности плана, предполагавшего истребление всех евреев в концентрационных лагерях, мы пришли в такой ужас, что едва могли его скрыть. Мои друзья все еще сомневались — неужели нацисты способны на такое бесчеловечное варварство, но у меня сомнений не было. Я-то своими ушами слышала, как Гитлер говорил об «эндлёзунге».

Теперь мне стала очевидна вся тяжесть моего преступления. Это по моей вине окончательный план Гитлера до сих пор оставался тайной, да и теперь далеко не всем известен. Мое молчание, мой эгоизм позволили ему действовать беспрепятственно, но что же я могу сделать теперь, чтобы хоть что-то исправить?

Питер Лорре, мой друг-актер, родом из Венгрии, спросил:

— Кто-нибудь что-нибудь слышал от своих родственников о том, что там происходит?

Мы уже знали, что самая точная и подробная информация — из первых рук.

Первой ответила Илона:

— Мне прислали телеграмму, что все хорошо. Но ведь Венгрии все это пока не коснулось.

Отто Премингер, режиссер и актер, тоже из Венгрии, согласно кивнул.

— Как многие из вас знают, прошлой весной мне удалось вывезти свою мать из Вены в Лондон, так что от нее у меня теперь нет никаких

новостей, — вставила я, умолчав о том, что переезд удалось организовать так быстро благодаря связям мистера Майера. Чтобы заручиться его помощью, мне пришлось пойти на некоторые уступки относительно гонораров, а также дать клятву, что больше я не стану просить его о помощи каким бы то ни было беженцам. — А от дальних родственников из Австрии давно уже ничего не слышно. С братьями и сестрами моих родителей мы никогда не были особенно близки.

Теперь, после «Блица», когда на Лондон полетели бомбы, я думала, не попытаться ли переправить маму в какое-нибудь другое место, например, в Америку. Оказалось, что организовать срочный переезд в Англию намного проще. Я не знала, разрешат ли мне привезти ее сюда, даже при всей моей известности и при поддержке студии, тем более после случая с «Сент-Луисом». Почти три месяца назад, в мае, пароход «Сент-Луис» отплыл из Германии с почти тысячей людей на борту. Все они отчаянно пытались спастись от нацистов и наконец причалили к Кубе, где пассажиры попросили об убежище в Соединенных Штатах. Американское правительство ответило отказом, и беженцам пришлось вернуться в Европу, где им грозила гибель. Так с чего я взяла, что моей маме повезет больше или что она достойна лучшей участи, чем эти девятьсот с лишним человек?

Джозеф Шильдкраут, австрийский американец, с которым мы когда-то вместе играли в «Леди из тропиков», повторил за мной:

— Почти все мои близкие родственники здесь, а от дальних ничего не слышно.

Остальные только головами покачали. Ни у кого не было родни ни в Германии, ни в Польше, откуда, вероятно, можно было бы получить самые важные известия. Глядя на страницы газет и на удрученные лица сидящих вокруг европейцев (Джин сегодня со мной не пошел — он все чаще и чаще предпочитал голливудские вечеринки любым другим планам на вечер), я в миллионный раз подумала — какой же я была эгоисткой. Увезла все, что знала о грядущем аншлюсе и о планах Гитлера по истреблению евреев, с собой в Америку, утаила от всех. Словно ящик Пандоры, я хранила в себе темную, страшную тайну: страх за себя, страх выдать себя этим признанием пересилил желание помочь жертвам Гитлера. Сколько жизней я могла бы спасти, если бы сразу открыла этот ящик и поделилась своей ужасной тайной со всем миром? Или меня обвинили бы в том, что я знала о готовящемся преступлении и ничего не сделала?

Питер поставил пустой стакан на заваленный газетами стол.

— Ненавижу свою беспомощность. Если бы мы могли хоть что-то сделать!

Он сказал именно то, что я чувствовала.

— А что отсюда можно сделать? Пойти в армию? Собирать деньги на военные нужды? Америка не станет вмешиваться, — ответила Илона на это по большей части риторическое восклицание. — И вернуться в Европу тоже немыслимо.

— Я слышал, Канада может скоро выступить против Германии, — сказал Джозеф, чтобы хоть что-то сказать.

— А нам-то что от этого? — раздраженно спросил Питер.

— Может быть, это подтолкнет американцев тоже объявить войну? — неуверенно предположил Джозеф.

В комнате стало тихо: все погрузились в свои размышления о войне и о том, что она может принести их родным и друзьям. Дым наших сигарет поднимался до потолка и клубился вокруг вращающихся лопастей вентилятора. Из-за закрытой двери доносился негромкий гул голосов посетителей «Коричневого дерби», экстравагантного ресторана, где бывали в основном люди, связанные с кино. За этими стенами они не замечали беды, не чувствовали ужаса, который вот-вот обрушится на их народ, если планы Гитлера осуществятся. Намеренная слепота, дымовая завеса развлечений — вот язык, на котором они говорили.

— Я могу подсказать, что кто-то из вас — и, может быть, не один — способен сделать, — проговорила какая-то женщина. Я знала ее только в лицо — запомнила на ужине у кого-то из этой пестрой вереницы друзей, переходивших из дома в дом, как с одной съемочной площадки на другую. Кажется, она пришла вместе с Джозефом Шильдкраутом, но спрашивать ее имя теперь было бы уже невежливо.

— Да? — переспросил Питер и тут же затянулся сигаретой. Даже не пытаясь скрыть недоверие в голосе, добавил: — И что же?

— Усыновить ребенка.

— Что вы имеете в виду? — спросила я. Такого предложения я никак не ожидала. — Какое это имеет отношение к войне?

— Самое прямое. — Она обвела глазами комнату. — Три женщины — Сесилия Разовская и Фрэнсис Перкинс в Америке и Кейт Розенхайм в нацистской Германии — тайно вывозят детей, которым грозит опасность, из стран, захваченных нацистами, сюда, к нам. Миссис Разовская — председатель Консультативного комитета при министре труда, миссис Перкинс — по вопросу реформы иммиграционного законодательства. Она держит министра в курсе ситуации с беженцами во всем мире, и вместе они пытаются повлиять на политику администрации. Если это не удается, а чаще всего так и происходит, они направляют свои усилия на помощь конкретным людям. Миссис Разовская работает в контакте с миссис Розенхайм, главой департамента детской эмиграции в Германии, и та с большим риском для себя выявляет детей, находящихся в опасности, а затем миссис Разовская и миссис Перкинс стараются получить для них визы и связываются с частными организациями, которые оплачивают переезд детей в Америку.

— Одних, без родителей? — спросила Илона.

— Их родители не могут выехать или уже убиты, — ответила женщина. Ей не нужно было больше ничего говорить, мы и так понимали, что это значит: речь шла о еврейских детях или детях участников антинацистского сопротивления. Иначе им не пришлось бы уезжать одним.

В комнате повисла гнетущая тишина. Эта женщина бросила в пустоту такой отчаянный призыв, что я не понимала, как он может оставить кого-то, даже этих пресыщенных жизнью лицедеев, равнодушным.

— Кто-нибудь возьмет ребенка? — умоляюще проговорила она и положила сложенный вдвое листок бумаги на свободный краешек стола. — Мы почти ничего о нем не знаем, кроме того, что его родители депортированы с первой волной. Пожалуйста, поймите — это все неофициально, потому что американцы не хотят пачкать руки на этой войне. Во всяком случае, пока, как здесь уже было сказано. Но мы найдем способ оформить законное усыновление. Прошу вас.

Мои друзья отводили глаза и делали вид, что совершенно поглощены своими сигаретами и напитками. Никто не протянул руку к сложенному вдвое листку бумаги. Никто, кроме меня.

Глава тридцать четвертая

8 июля 1940 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Может быть, это мои тайны встали между мной и Джином? Или между нами и не было настоящей близости? Ведь мы поженились, почти не зная друг друга. И в семейной жизни искали разного.

Сначала тот порядок, что я установила с первых дней нашего брака, действовал замечательно. Свободная и вольная, как птица, я каждое утро отправлялась в мир Голливуда, а Джин дома работал над сценариями. Потом я возвращалась домой, предвкушая тихий совместный вечер. Но вскоре оказалось, что тихие вечера на мирной ферме «За шпалерами» нужны как воздух только мне одной, а Джин обожает ходить по вечеринкам и ночным клубам — заводить новые связи и собирать материал для сценариев. Ему приятно было появляться там с красивой женой-кинозвездой, и поначалу я не спорила.

Но со временем мне расхотелось выступать в роли «знаменитой Хеди Ламарр» каждый раз, когда этого хотел Джин. Меня огорчало, что эта фальшивая публичная маска ему дороже, чем настоящая Хеди.

Он начал уходить раньше, чем я возвращалась домой со съемочной площадки. Теперь я все чаще целыми вечерами сидела дома одна, а когда хотелось поговорить с мужем, оставляла ему записки или отправлялась на голливудскую вечеринку в надежде застать его там. Дома мы проводили вечера только тогда, когда принимали у себя кого-нибудь, чаще всего близких друзей — Артура Хорнблоу-младшего и Мирну Лой. А наедине мы теперь совсем не бывали.

Иногда я задумывалась: может быть, если я поделюсь с ним своими секретами, это сделает нас ближе друг к другу? А может быть, он сразу сбежит. Я боялась рисковать, и расстояние между нами превращалось в пропасть.

— Готова? — спросил Джин.

— Готова, — ответила я, хотя никакой готовности не чувствовала.

Мы обменялись листами писчей бумаги с выгравированными на ней нашими изящно переплетенными инициалами — монограмма, которую мы с таким тщанием вырисовывали в первые дни после свадьбы. При одном взгляде на листок, протянутый мне Джином, у меня все сжалось внутри. Что я увижу в его списке? Зачем я вообще согласилась на это упражнение, предложенное нам подругой-актрисой, хоть она и клялась, что оно помогло ей спасти ее собственный брак?

Но я знала, почему мне захотелось перечислить те качества, которые я больше всего ценила в Джине, а потом — то, что вызывает самые серьезные

проблемы в наших отношениях. И дать ему сделать то же самое. Это была последняя попытка предотвратить неизбежное. Конец нашего брака.

Я не стала читать сразу — вначале покачала спящего в колыбели Джеймси, чтобы он не проснулся. Взглянула на Джина, а затем опять на пухлого малыша. Когда я решила усыновить ребенка-беженца, эта идея не привела Джина в восторг. Да и меня тоже, если уж быть честной перед самой собой. Я просто чувствовала, что должна взять этот листок бумаги со стола в «Коричневом дерби». Этот порыв был вызван не тоской по материнству — сама я в детстве не видела примера нежной заботливой матери, — а чувством вины за то, что я знала об «эндлёзунге» заранее и ничего не сделала. Может быть, думала я про себя, если я спасу этого ребенка, это искупит мою вину перед остальными, теми, кого я не спасла.

Я ничего не говорила Джину ни о вероятном происхождении Джеймси, ни об обстоятельствах его усыновления — ведь он даже не знал о том, что я сама еврейка. Может быть, если бы я сказала правду, это укрепило бы его привязанность ко мне? Или к Джеймси? Одно он, конечно, понимал: это усыновление — попытка стать ближе друг к другу. Уже одна его готовность пойти в этом мне навстречу (хотя у него самого уже была дочь) вызвала у меня теплые чувства. Я держала Джеймси на руках, смотрела на Джина, и мне казалось, что теперь у нас есть все, чего недоставало прежде. Но и с появлением ребенка в доме мы не стали дружной семьей,

как я надеялась — мы по-прежнему жили каждый своей жизнью, и стало ясно, что разрыв неизбежен.

Я начала читать то, что написал Джин. Меня немного подбодрил список качеств, которые его во мне восхищали: мой европейский шарм, красота, умение быть хорошей матерью и хозяйкой и, наконец, ум. Я взглянула на Джина и чуть улыбнулась ему, но он этого не видел. Он внимательно изучал то, что написала о нем я.

Я приготовилась читать про свои недостатки. Но этот список был пуст.

Я сдвинула брови, подняла глаза от бумаги и встретилась взглядом с Джином.

— Ты ничего не написал о проблемах.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это не твои проблемы, Хеди. Не твои недостатки. Мои.

— Как это понимать?

Глаза у Джина стали мягкими, почти грустными.

— Ты выходила за меня замуж с совершенно понятными ожиданиями. Муж, дом, семья. Но я не могу дать тебе то, чего ты хочешь. Не могу быть отцом еще одному ребенку. Во всяком случае, сейчас.

Я кивнула. Теперь я поняла. Ничего в этом браке уже не поправить, не улучшить. Все кончено.

Джин решился наконец прервать молчание и сказал то, что мы оба думали, но никто не хотел сказать первым.

— Пора идти к адвокату?

Я кивнула. Ничего другого и вправду не оставалось.

— А как же Джеймси? — спросил Джин, мотнув головой в сторону спящего ребенка.

Что он имеет в виду? Кто из нас получит опеку? Или он спрашивает о другом, немыслимом? Не отдать ли его обратно?

Я взяла сына из колыбели и прижала к себе. Джеймси тихонько хныкнул, но не проснулся.

— Он останется со мной, — сказала я, понимая, что миссис Бертон, няня Джеймси, будет проводить с ним гораздо больше времени, чем я — с моей работой иначе невозможно. И все же я считала, что его жизнь здесь, в Америке, будет намного лучше, чем та судьба, что ожидала его в Европе.

Джин кивнул и ласково погладил меня по руке.

— Мне бы все-таки хотелось видеться с ним иногда.

— Конечно, Джин. Ты же его отец. Тебе решать, какую роль ты будешь играть в его жизни.

Я ухватилась за Джина как за безопасное убежище, как за нового отца, которым он не мог для меня стать, а он женился на гламурной кинозвезде, которая все вечера проводила бы на светских приемах. Но я была просто Хедвиг Кислер, а он — голливудским бонвиваном. У меня на душе лежала мрачная тайна, которую я должна была искупить, а Джин любил свет, и малейший намек на тьму его отпугивал. Мы были противоположностями друг друга. Чужими людьми.

Глава тридцать пятая

19 сентября 1940 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Я качала Джеймси на руках, а Сьюзи читала вслух газету. Как я любила, когда мой маленький херувимчик был со мной в гримерной во время перерывов. Хотя я постоянно сомневалась, что успею стать ему настоящей матерью за те несколько коротеньких часов, которые мне удавалось уделять ему каждый день, разрываясь между двумя съемками — в «Живи со мной» с добродушным Джимми Стюартом и в «Товарище Иксе» с веселым и компанейским Кларком Гейблом. Как бы то ни было, Джеймси — всё, что осталось мне от недолгого брака с Джином — был для меня как бодрый золотистый лучик солнца во взрослом мире, полном забот и тревог.

— Торпедами... с плюшевыми мишками в обнимку... — прошептала Сьюзи со слезами на глазах.

— О чем это ты? — Видимо, я что-то не так расслышала сквозь умилительное воркование Джеймси. С чего бы ей упоминать торпеды и мишек в одной фразе? Может, мой английский меня подвел. Или это Сьюзи опять со своим жаргоном.

Девушка не ответила на мой вопрос — совсем необычно для нее. Она не отрывала глаз от газеты. Слезы уже текли по ее лицу.

— Что случилось, Сьюзи?

Но она не отвечала. Миссис Бертон, которая сидела в углу и вязала чепчик для Джеймси, встала со стула и заглянула через плечо Сьюзи в газету. И, не сдержавшись, громко ахнула.

С извивающимся Джеймси на руках я подошла к ним и тоже стала читать.

«Нацисты расстреляли торпедами корабль милосердия, погибли дети», — прочла я вслух чудовищный заголовок.

После усилившихся воздушных атак Германии и угрозы вторжения на сушу канадские семьи добровольно вызвались предоставить убежище для британских детей и детей-беженцев, — шепотом читала Сьюзи отрывки из ужасной статьи. — *Двенадцатого сентября тысяча девятьсот сорокового года пароход «Бенарес» взял на борт сто девяносто семь пассажиров, из них девяносто детей, плюс двести человек экипажа, и направился в Канаду, чтобы спасти людей от «Блица» и грозящего немецкого вторжения. Семнадцатого сентября тысяча девятьсот сорокового года пароход, идущий из Ливерпуля в Канаду, был обстрелян немецкими торпедами в шестистах милях от суши. «Бенарес» затонул, унеся жизни ста тридцати четырех пассажиров и ста тридцати одного члена*

экипажа, в том числе восьмидесяти трех из девяноста детей, которых родители отправили в Канаду ради их безопасности.

— Нет! — вскрикнула я. Как такое могло произойти? Ведь не станут же даже нацисты намеренно стрелять по кораблю с детьми на борту?

Сьюзи стала читать дальше — о детях с «Бенареса». Они были из семей британцев, переживших «Блиц», и из семей еврейских беженцев, опасавшихся за жизнь детей в случае, если Гитлеру удастся вторгнуться в Англию. Правда, чтобы догадаться об этом, мне пришлось читать между строк: в газете на еврейское происхождение детей намекали лишь туманные эвфемизмы. Но кем бы ни были эти люди по рождению, все они искали для своих детей одного — безопасности. Того, что отняли у них нацисты.

Я долго-долго смотрела в глаза своего полуторагодовалого сына. Если бы не случай, не какое-то неизвестное обстоятельство, которое помогло в этот раз миссис Розенхайм, миссис Перкинс и миссис Разовской, Джеймси тоже мог бы оказаться на этом пароходе. Лишь по воле случая он отправился на корабле в Америку в октябре прошлого года, а не в Канаду сейчас. Я едва не лишилась сына благодаря стараниям службы охраны детства, когда мы с Джином расстались в июле — американская судебная система, казалось, была не в состоянии представить, что разведенная мать может вырастить усыновленного ребенка в одиночку, — и страх потери все еще был невыносимо острым. Я чувствовала

сердцем всю боль скорбящих родителей, чьи дети погибли на «Бенаресе».

В дверь постучал посыльный.

— Пора, мисс Ламарр.

Миссис Бертон протянула руки и сказала:

— Я отвезу его домой и уложу, мэм.

С неохотой я передала ей малыша. Она бережно уложила его в коляску и выкатила из гримерной. Бедняжка Джеймси, подумала я: он, наверное, считает своей настоящей матерью миссис Бертон. Вместо матери у него вечно занятая женщина, а вместо отца пустое место: связь между ним и Джином после развода стала такой тонюсенькой, что готова была вот-вот порваться.

Выпустив любимого сына из рук, я словно лишилась опоры, и страшная тяжесть потери обрушилась на меня. Прямо в бальном платье, надетом для следующей сцены, я рухнула на пол и скорчилась, будто скомканный листок бумаги, изнемогая от горя и вины. Могла ли я как-то предотвратить эту трагедию? Если бы я рассказала американскому или, допустим, английскому правительству о военных планах Гитлера и об «эндлёзунге», может быть, этим детям не пришлось бы отправляться в роковое путешествие? Может быть, противники нацистов могли бы сорвать хоть какие-то из ужасных гитлеровских планов, и родителям не пришлось бы расставаться со своими дорогими детьми, отправлять их одних в плавание через весь огромный, грозный Атлантический океан? Поверил бы мне хоть кто-нибудь? Может быть, я приписываю себе слишком большую роль? Все эти чувства давили

на меня такой тяжестью, что просто необходимо было их куда-то выплеснуть.

— Ну будет, мисс Ламарр. — Сьюзи обняла меня и осторожно попыталась приподнять с пола. Мое тело было как мертвое, она не могла даже сдвинуть меня с места. Наконец, сдавшись, она опустилась на пол рядом со мной, и мы долго сидели молча. В первый раз бойкой Сьюзи нечего было сказать. Язык горя до сих пор был ей неведом.

Посыльный постучал снова. Должно быть, меня уже ждут на съемочной площадке. Не дождавшись ответа, он приоткрыл дверь.

— Мисс Ламарр? — Он чуть не подпрыгнул, увидев, что мы с Сьюзи сидим на полу, прислонившись к стене. Придя в себя, он подбежал к нам и спросил:

— Позвать доктора, мэм?

Я взглянула в голубые глаза мальчишки — он и правда был еще совсем мальчишкой, которого привела сюда надежда вскарабкаться по голливудской лестнице, — и поняла: вот он, момент, который все изменит. Моя биография, каждый поворот пути, выбранный мной когда-то, — из всего этого складывалось мое настоящее. Это направляло мои мысли и поступки, словно невидимый штурвал корабля. Но ничто еще так резко не меняло мой курс в настоящем, как пароход «Бенарес».

Хватит упиваться виной и горем, пора уже сделать хоть что-то, чтобы искупить свои грехи. Я использую все, что знаю об этом зле, которое зовется Гитлером, и выкую из себя клинок. А потом возьму этот клинок и всажу в Третий рейх по самую рукоять.

Глава тридцать шестая

30 сентября 1940 года
Лос-Анджелес, Калифорния

— За Робина Гейнора Адриана! — поднял бокал за своего новорожденного сына Гилберт Адриан, больше известный просто как Адриан.

Только такой праздник — рождение ребенка у моих дорогих друзей, Адрианов, — мог заставить меня выйти из дома в эти дни после гибели «Бенареса». Как я могла пропустить вечеринку в честь рождения здорового ребенка, когда только что столько детей погибло? Я чокнулась бокалом шампанского с соседом справа, затем с соседом слева и тут поняла, что с этим человеком, невысоким блондином с большими детскими голубыми глазами, нас никто толком друг другу не представил.

Сейчас, впрочем, эти церемонии меня мало волновали — слишком мрачно было у меня на душе, и слишком много душевных сил отнимала работа. После известия об ужасной трагедии «Бенареса» я стала жить по одному и тому же графику. Возвращалась домой со съемок своего дурацкого фильма (он назывался «Шумный город»), занималась

с Джеймси, пока он не уснет. А после этого до ночи старательно перебирала в памяти все званые обеды, на которых присутствовала когда-то как фрау Мандль, вспоминала все обсуждавшиеся там военные вопросы и бешено строчила в тетради. Этими записями я надеялась проложить себе путь к искуплению, найти способ использовать доступную мне секретную информацию, чтобы помочь людям, которых я бросила в беде.

Когда после аншлюса нацисты жгли еврейские и просто «слишком умные» книги, в воздухе еще несколько дней кружились обугленные клочки страниц — так мне рассказывали. Должно быть, венцы находили разрозненные слова Альберта Эйнштейна, Зигмунда Фрейда, Франца Кафки и даже Эрнста Хемингуэя то тут, то там — на тротуаре, на рукаве пальто. Может быть, они потом целые вечера просиживали над этими фрагментами, старались соединить их в нечто целое или уловить смысл. Пытаясь собрать и проанализировать свои воспоминания о подслушанных разговорах тех времен, когда я сидела во главе стола в гостиной Мандля, я чувствовала внутреннее родство с моими соотечественниками после аншлюса: я тоже соединяла разрозненные кусочки пазла. Пыталась вычленить смысл из хаоса.

Я составила длинные списки военных планов и недостатков оружия, на которые сетовал Фриц. Из всех боеприпасов, орудий и их компонентов, которые он производил, самые серьезные проблемы возникали с торпедами. Трудно было добиться точной наводки и снизить вероятность перехвата

сигнала с вражеских кораблей. Помимо всех подслушанных разговоров о торпедах я записала все кусочки информации, выхваченные из короткой беседы с нацистским специалистом по торпедам Хельмутом Вальтером на фабрике Фрица в Хиртенбергере, перед самым моим побегом. Мне казалось, это мой самый верный шанс подорвать боеспособность Третьего рейха (и гарантировать, что немецкая подлодка или корабль никогда больше не потопит пароход с детьми-беженцами) — каким-то образом использовать свои знания, извлечь выгоду из этой слабости немецких торпедных систем.

Как повысить точность наведения торпед противников нацистов и сделать так, чтобы гитлеровцы не могли их перехватить? Решение этой проблемы было где-то совсем рядом, может быть, даже прямо у меня в голове. Обрывки ответов дразнили меня в полусне, преследовали в кошмарах и не оставляли в покое даже в часы бодрствования. Я старалась отточить свое оружие против Гитлера, но озарение никак не снисходило.

Голос Адриана вернул меня в реальность. Он еще не закончил свой тост.

— Робин у нас давно назревал, — он сделал паузу, зная, что эти слова встретят смехом. Большинство друзей Адриана, модельера и костюмера, и его жены, актрисы Джанет Гейнор, подозревали, что у них «лавандовый брак»: что, хотя Джанет и Адриан по-настоящему нежно привязаны друг к другу, романтической любви они ищут с партнерами своего пола. Но это никак не мешало ни крепости

их нерушимого союза, ни счастью стать родителями. Только в гостях у этой яркой, утонченной пары мне удавалось иногда по-настоящему насладиться голливудской вечеринкой.

Взглянув на жену, Адриан добавил:

— Мы благодарим вас всех, дорогие друзья, за то, что поддерживали нас в этом решении и пришли праздновать с нами теперь.

Джанет подняла бокал за четырнадцать друзей, собравшихся за столом. На всех женщинах были великолепные платья работы Адриана. На мне тоже.

Адриан взял жену за руку, закружил и объявил:

— А теперь — танцуем!

Большинство гостей с готовностью вскочили, чтобы потанцевать под граммофонную пластинку, выбранную Адрианом и Джанет, а я осталась сидеть: не было настроения. Не встал из-за стола и мой сосед.

Вскоре он, заикаясь, проговорил:

— Я должен извиниться за то, что не представился. Я, конечно, знаю, кто вы, и оцепенел от волнения, когда понял, что придется представляться знаменитой Хеди Ламарр. Даже еда в горло не лезла, — показал он на свою нетронутую тарелку с устрицами.

Я рассмеялась над этим признанием. А как было не смеяться? Большинство незнакомых людей при первой встрече, судя по всему, чувствовали то же, что и он, только у них не хватало смелости сказать об этом прямо, особенно у мужчин. Такая честность меня приятно позабавила.

Я протянула руку для пожатия и сказала:

— Это я должна извиниться. Боюсь, в последнее время я не слишком общительна, и это плохо отражается на моих манерах.

У него сделалось встревоженное лицо:

— Что-нибудь случилось, мисс Ламарр?

— Пожалуйста, называйте меня Хеди, — сказала я и, пока думала, как ответить на его вопрос, закурила сигарету. — Это все война, понимаете. На ее фоне вся наша жизнь в Америке кажется какой-то... — я не сразу подобрала слово, — пошлостью. Мне не хочется выходить в свет. Дико штамповать фильмы и деньги здесь, в Голливуде, когда во всем остальном мире творится такое... — Я умолкла, спохватившись, что американец все равно ничего не поймет из этой моей речи, и сама удивилась, зачем это мне вздумалось выбалтывать такие личные мысли этому незнакомцу.

Он прервал молчание.

— Я понимаю. Моя жена тоже из Европы, и ей эта война видится гораздо более реальной и неотвратимой, чем мне. Хотя и мой брат Генри погиб в июне, в американском посольстве в Финляндии, после той короткой войны финнов против СССР.

Я невольно прикрыла рот ладонью.

— Мне очень жаль.

— Спасибо. Это тяжелая потеря. Но и времена сейчас ужасные, пусть даже из Голливуда этого не видно. — Он бросил многозначительный взгляд на веселящихся танцоров.

— Вы и в самом деле понимаете.

Это было огромное облегчение — встретить единомышленника вместо обычного банального светского собеседника. Какое-то время мы сидели в согласном задумчивом молчании и смотрели на танцующих, а затем он спросил:

— Вот я сижу рядом с Хеди Ламарр — и все еще не пригласил вас на танец. Не хотите ли?

— А если откажусь, вы не обидитесь?

— Честно говоря, вздохну с облегчением. Никогда не был хорошим танцором. Я скорее музыкант.

— Музыкант? Как замечательно. У меня мама бывшая пианистка. Вы тоже на фортепиано играете?

— Да, хотя сейчас не выступаю, а пишу музыку.

— Так вы композитор, — проговорила я, уже заинтригованная. — Простите, я, кажется, так и не знаю вашего имени.

— Джордж Антейл.

— Так это вы написали «Механический балет»?

В юности, во время одной из наших семейных поездок во Францию, я слышала об этой скандально известной симфонии, где, в частности, звучала синхронная игра чуть ли не дюжины пианол, — если верить слухам, это была мешанина беспорядочных ритмов и аккордов в самом радикальном духе. Слышала и о бешеном успехе, который она имела в Париже и в нью-йоркском Карнеги-холле после первых исполнений более десяти лет назад. Мистер Антейл был довольно известным композитором и исполнителем современного музыкального авангарда,

а также автором серьезных журнальных и газетных статей о войне в Европе и политических режимах, стоящих за ней. Словом, он был человеком, которого я меньше всего ожидала встретить в насквозь пропитанном жаждой наживы Голливуде.

— Вы слышали о нем? — Его голос звучал удивленно.

— Ну конечно, слышала. Так значит, вы тот самый композитор?

— Тот самый.

— И что же привело вас в Голливуд?

Он рассмеялся.

— Я пишу музыку для нескольких фильмов.

— Это довольно далеко от вашей прежней работы.

— Ну что же делать, иногда приходится и деньги зарабатывать. «Механическим балетом» за квартиру не заплатишь, — ответил он без особого энтузиазма.

— Вы должны гордиться своим произведением. Я слышала, оно весьма оригинально. Мне бы очень хотелось послушать, как вы его играете.

— Правда?

— Конечно, иначе я не стала бы говорить. — Я показала на свободное пианино.

Мы встали, и, пока шли к пианино, я заметила, что Джордж ростом намного ниже меня. Пожалуй, метр шестьдесят с небольшим, а во мне метр семьдесят. Но это стало неважно, когда мы уселись за инструмент — он даже как будто сделался выше, как только заиграл.

«Механический балет» и правда оказался очень необычным, как о нем и говорили, но он был живой — такой живой музыки я не слышала уже целую вечность. Меня захватили эти дисгармоничные аккорды, и я разочарованно вздохнула, когда они смолкли.

— Думаю, вы, как дочь пианистки, и сами неплохо играете, мисс Ламарр, — заметил Джордж.

— Хеди. Да, я играю, хотя не сказала бы, что хорошо. Уж мама-то точно не сказала бы. — Я могла себе представить, в какой ужас пришла бы мама, если бы услышала, что знаменитый композитор Джордж Антейл спрашивает о моей игре на фортепиано. Она бы первой раскритиковала перед ним мою технику.

— Не хотите ли сыграть со мной в четыре руки?

— Если вас не смущает мое сомнительное мастерство.

Он улыбнулся озорной улыбкой и заиграл. Мелодия показалась мне знакомой, я только не могла вспомнить откуда. Я подхватила: мелодия была довольно простая, но он вскоре перешел на другую. Так мы перескакивали от одной песни к другой, без труда попадая в лад — благодаря его мастерству, конечно, не моему, — и каждый раз смеялись.

Вдруг меня осенила идея. Я пыталась ухватить ее уже давно, когда размышляла о том, как наладить секретную связь между торпедой и кораблем или подлодкой. Я сняла пальцы с клавиш и повернулась к Джорджу.

— У меня к вам очень странная просьба.

— Сочту за честь выполнить любую вашу просьбу, Хеди Ламарр.

С умоляющими глазами я проговорила:

— Вы согласны поработать со мной над одним проектом? Над таким, который поможет быстрее закончить войну?

Глава тридцать седьмая

30 сентября 1940 года
Лос-Анджелес, Калифорния

— Так вот как выглядит гостиная кинозвезды? — задумчиво проговорил Джордж, бродя по белой комнате, совершенно пустой и чистой, не считая разбросанных рабочих материалов. — Признаюсь, я думал, тут все будет завалено склянками с косметикой, украшениями и платьями, а не досками с чертежами и... — он взял со стола мой том Б. Ф. Мисснера «Радиодинамика: беспроводное управление торпедами и другими механизмами», — непонятными книгами.

Я рассмеялась и обвела вокруг рукой:

— Научный беспорядок — вот на что похожа гостиная этой кинозвезды.

— Ну теперь я понимаю, почему в эти дни вас почти не встретишь нигде, кроме съемочной площадки.

— А вы меня искали? — Я сама не знала, чувствовать себя польщенной или раздосадованной.

— Я всегда готовлюсь к делу заранее. — Он сделал паузу для эффекта. — Особенно если мне

предстоит важная работа военного назначения с упомянутой кинозвездой.

Я предпочла чувствовать себя польщенной.

— Приятно слышать, что вы знаете толк в подготовительной работе, тем более что теперь у вас ее будет много.

— Так значит, для меня настало время наконец узнать, над чем мы будем работать?

— Да, думаю, настало. — Я жестом пригласила его сесть напротив.

Я вздохнула поглубже и начала рассказ о своей жизни в то время, когда я была фрау Мандль. Конечно, без всяких мрачных подробностей — только о тех бесчисленных разговорах о боеприпасах и оружии, которые велись при мне, и, что было особенно важно для наших целей, — о торпедах. В общих чертах я объяснила ему недостатки проводного управления торпедами и рассказала, что хочу создать для союзников радиоуправляемую торпедную систему — такую, чтобы она точно наводила торпеду на цель и работала на таких частотах, на которых ее невозможно было бы перехватить.

Вид у Джорджа был ошеломленный. Он негромко присвистнул и сказал:

— Я поражен тем, как досконально вы разбираетесь в этой технологии, и тем, что вы владеете, насколько я понимаю, секретной информацией о вооружении Третьего рейха. Я никак не думал, что мы будем сегодня обсуждать такие вещи, Хеди, и даже не знаю, с чего начать расспросы.

— Спрашивайте что хотите, — ответила я с полной искренностью. Это было освобождение — честно говорить с Джорджем о моем прошлом и моих амбициях, напрямую, а не от имени кинозвезды Хеди Ламарр, которую я изображала большую часть дня. В его голосе я не услышала ни осуждения, ни разочарования от встречи с этой Хеди, — в первый раз за все время со дня приезда в Голливуд я чувствовала, что меня понимают. И принимают.

— Почему именно торпеды? Очевидно, у вас был доступ к самой разной информации о военных планах и вооружении, а вы говорите только о торпедах.

— Сначала я не думала о торпедных системах. Я записывала все, что могла вспомнить, все подслушанные разговоры о военной стратегии и оружии, искала точку, куда выгоднее всего бить, и тут случилось несчастье с «Бенаресом». И я поклялась, что использую свои знания, чтобы помочь союзникам потопить все немецкие подводные лодки и корабли в океане. Я не хочу читать в газетах о новой трагедии. — Это была, конечно, не единственная причина. Настоящий мотив коренился в моей подавленной вине. Как ни легко мне было с Джорджем, я пока не могла довериться ему настолько, чтобы рассказать, как узнала заранее о гитлеровском «окончательном решении». Если бы я могла! Даже наедине с собой я с огромным трудом могла себя заставить думать об «эндлёзунге».

— Тогда понятно. «Бенарес» был ужасной потерей. — Он покачал головой. — Бедные дети.

— Да. — Усилием воли я сдержала слезы и продолжала: — К тому же мне однажды выпал уникальный случай — провести около часа с гениальным немецким конструктором торпед Хельмутом Вальтером. Мы начали с разговора о том, как ему удалось решить проблему с двигателями подводных лодок при помощи перекиси водорода, а потом перешли к опытам с дистанционным управлением торпедами, которые он проводил со своей группой. Тогда, да и сейчас, военные в основном предпочитали иметь дело с проводными торпедами, которые соединяются с подводной лодкой или кораблем при помощи тонкого изолированного провода. Подводник или моряк вручную замыкает электрическую цепь и наводит торпеду на цель. Вальтер же разрабатывал дистанционное управление. Он изучал систему радиоуправления, которую используют крылатые бомбы — их сбрасывают с самолетов, и каждому бомбардировщику и каждой бомбе назначается одна из восемнадцати радиочастот для связи. Опыты Вальтера не увенчались большим успехом: чтобы перехватить связь между бомбардировщиком и бомбой, противнику было достаточно обнаружить, на какой частоте они обмениваются сигналами. Но я подумала — а что, если применить эту концепцию крылатых бомб к торпедам немного иначе?..

Я сделала паузу, чтобы узнать, не будет ли у Джорджа каких-нибудь замечаний или вопросов. Его брови сошлись над переносицей в выражении полной растерянности.

— Вижу, у вас есть вопросы, — сказала я.

— Тысячи, — ответил он со смехом. — Но чего я совсем не понимаю — почему я? Почему вы вдруг решили, что композитор, не имеющий никакой научной подготовки, может помочь вам решить проблему, которую, по всей видимости, не смогли решить лучшие военные умы? Конечно, это не значит, что я не хочу помочь.

— Ну, у вас есть все качества, которые мне нужны от научного партнера в этом проекте. Вы превосходно чувствуете механические инструменты, и вы гений. У вас широкий взгляд на любую проблему, да и на мир в целом, в отличие от большинства изобретателей и мыслителей, которые на все смотрят со своей узко специализированной точки зрения, а потому вы лучше подходите для этой работы, чем любой ученый. И еще вы... — Я умолкла на полуслове.

— Что? — переспросил он.

— Источник вдохновения. Когда мы с вами вчера у Адрианов играли вместе на пианино, я нашла ответ — как сконструировать торпеду с защищенным от перехвата дистанционным управлением. — Я улыбнулась, вспомнив этот момент озарения, когда вдруг поняла, что знаю ответ. — По крайней мере, в общих чертах. И я очень ясно увидела, как вы можете мне в этом помочь.

— И все это сделал наш дуэт? — Вид у него был недоверчивый.

— Именно так. — Я умолкла, чтобы закурить сигарету, а другую протянула Джорджу, но он отказался.

— Но как?

— Как я уже упоминала, основная проблема использования торпед с дистанционным управлением (а оно позволило бы повысить точность, так как отпала бы необходимость в проводе) заключается в том, что противник может легко перехватить радиочастоту, на которую настроена подводная лодка или корабль и сама торпеда. И, как я тоже упоминала, даже великий специалист по торпедам Вальтер не сумел решить эту проблему.

— Это-то я понял. Но при чем же здесь наша с вами игра на пианино?

— Когда мы с вами играли в четыре руки, мы вторили друг другу, переходя от одной мелодии к другой. Вы начинаете мелодию — я подхватываю. В каком-то смысле вы были передатчиком сигнала — как подводник или моряк, — а я приемником — как торпеда. И вот я подумала — а что, если они будут постоянно перескакивать с одной частоты на другую, как мы с вами — от мелодии к мелодии? Это сделало бы передачу сигнала почти неуловимой для врага, верно? Вы могли бы помочь мне создать инструмент, который это сделает.

Джордж опустился на стул и долго молчал: обдумывал мою теорию.

— Это гениально, Хеди, — тихо сказал он.

В дверь гостиной постучали.

— Входите, миссис Бертон, — сказала я, так как знала, что больше никого из домашнего персонала в доме нет.

Няня в форменном платье открыла дверь и протянула мне Джеймси в голубой пижамке-комбинезоне.

— Маленькому джентльмену пора спать, — объявила она.

Я вскочила и взяла его на руки.

— Поцелуй маму на ночь, — умоляюще проговорила я, щекоча его пухленькие пяточки.

Мы с Джеймсом обменялись поцелуями, затем я уткнулась носом в изгиб его шейки, вдыхая младенческий запах мыла и талька.

— Спокойной ночи, милый, — прошептала я и с неохотой передала его обратно миссис Бертон.

Закрыв за ними дверь, я снова уселась в кресло напротив Джорджа.

— Итак, на чем мы остановились?

— У вас есть сын? — Он, кажется, был потрясен.

— Да, мы с Джином Марки усыновили его, когда еще были женаты. В октябре 1939 года, когда он пришел в нашу семью, ему было восемь месяцев.

— А теперь, когда вы развелись?

— Теперь он только мой. — Я на секунду умолкла, раздумывая, можно ли доверить Джорджу мою тайну и тайну Джеймси. Решила открыться ему, но не до конца. Я рассказала только историю Джеймси.

— Понимаете, у него ведь больше никого нет. Он беженец из Европы.

— Ага. — Морщины у него на лбу разгладились: теперь он, как ему казалось, все понял. — Тогда понятно. Ребенок-беженец, «Бенарес», торпеды.

Я кивнула: пусть Джордж думает, будто толчком для моего изобретения были только Джеймси и «Бенарес». Но я-то знала: этот ребенок был только одной из многих жертв Третьего рейха, которым я должна была помочь. Я чувствовала, что теперь, после того как сбежала из Австрии, бросив там будущих мучеников «эндлёзунга», я обязана спасти еще многих и многих.

Глава тридцать восьмая

19 октября 1940 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Эта работа изменила меня и телесно, и душевно. Я больше не чувствовала себя разбитой.

— Хеди, ты тут вообще когда-нибудь порядок наведешь? — с порога громко спросил Джордж, входя в мою гостиную, где на полу валялись бумаги, оставшиеся еще с наших предыдущих встреч. Мы с ним очень сдружились и иногда беззлобно подтрунивали друг над другом — совсем как брат и сестра, думала я. Это было ново и приятно по контрасту с обычным поведением мужчин. Те, что мечтали попасть в кавалеры, обычно старались угодить — чрезмерно, навязчиво и почти всегда невпопад, а киношники равнодушно отдавали приказы — для них я была всего лишь неодушевленным объектом, реквизитом к фильму.

Джордж знал, что кричать можно сколько угодно: по субботам после обеда миссис Бертон обычно увозила Джеймси на прогулку в парк, так что можно не бояться его разбудить. Съемки нового фильма, «Девушки Зигфельда», съедали огромное количество времени, так что для встреч с Джорджем

оставались только выходные. Раньше мы встречались по будням после работы: в выходные, если не приходилось идти на съемки, я предпочитала побыть с Джеймси. Джордж говорил, что он не против: его жена и сын все равно надолго уехали в гости к родственникам, на Восточное побережье, но я все-таки опасалась, что мешаю его личной жизни.

— Давай сегодня поработаем в патио. Погода замечательная, — крикнула я из кухни, где расставляла на подносе чашки с кофе. Топливом для наших жарких споров за работой над механизмом, который позволил бы подводной лодке и торпеде синхронизировать переключение радиочастот, служил кофе в больших количествах. Я всегда любила варить кофе сама. Прислуга все равно никогда не приготовит хороший крепкий кофе в австрийском стиле: здесь все предпочитали американский, слабый и водянистый.

Поскольку мы все-таки жили в Калифорнии, октябрьский полдень был, конечно, теплым, и все же сквозь жар беспрерывно палящего солнца я чувствовала дуновение легкого ветерка. Этот намек на прохладу напомнил мне свежую, разноцветную венскую осень, и меня вдруг охватила тоска по дому, по Дёблингу и папе. Мысль о папе вызвала непрошеную слезу, и мне подумалось — может быть, он сейчас гордился бы той работой, которую я делаю. Ведь это он в те памятные воскресные дни терпеливо объяснял мне техническое устройство мира, заложил фундамент моих знаний, благодаря чему я могла теперь уверенно взяться за работу

над нашим с Джорджем проектом. Эти часы во многом сформировали меня — я только теперь начинала это понимать. Одно я знала точно: тем, сколько сил я приложила, чтобы благополучно перевезти маму в Канаду из-под лондонских бомбежек, папа наверняка гордился бы.

Вытерев слезу, я взяла тяжелый поднос и вышла в патио. Джордж уже установил чертежную доску с большим перекидным блокнотом на рейке, на листах которого мы набросали основную схему нашего изобретения. На это ушло несколько недель, но в конце концов мы сформулировали три связанные между собой задачи и приступили к их решению. Мы перечислили их в таком порядке: (1) создать радиоуправление торпедами для повышения точности наведения, (2) создать систему для обмена радиосигналами между подводной лодкой или кораблем и торпедой и (3) сконструировать механизм для синхронизации перескоков радиочастот, чтобы противник не мог перехватить и заглушить сигнал.

Я налила нам по дымящейся чашке кофе. Медленно потягивая его и глядя на доску, мы сидели в тени под зонтиком и слушали, как ветер шуршит листьями фиговых деревьев, дубов и платанов. Звук был успокаивающий, чистый, как серебро.

— Я смотрю, съемки в «Девушках Зигфельда» оставляют мало времени для нормальной жизни, — заметил Джордж.

Я взглянула на свои мятые льняные брюки, пригладила растрепавшиеся волосы и чуть не сказала, что по моей одежде можно судить, насколько свободно и комфортно я себя чувствую с Джорджем. Это

следовало понимать как комплимент, и к тому же так оно и было. Но я понимала, что многочасовые съемки мюзикла о трех подающих надежды актрисах, вместе с Джуди Гарлэнд, Ланой Тернер, Тони Мартином и Джимми Стюартом, очевидно, требовали жертв — в виде красных глаз и темных кругов под ними. Джимми оказался чудным человеком, удивительно добрым, а вот между мной, Ланой и Джуди ощущалось постоянное напряжение: женщины всегда соперничали, стараясь отвоевать себе побольше экранного времени и текста. И все же такая цена не казалась мне слишком высокой: легкий, воздушный мюзикл добавил легкомысленных ноток в мое актерское резюме. К тому же мы с моим дорогим другом Адрианом проводили целые часы вместе, когда он готовил мои костюмы: настоящие шедевры, включая фантастическую шляпку в виде павлиньего пера. Трудно было предсказать, как зрители примут фильм, но его беззаботная атмосфера была мне очень по душе.

— Может быть, именно так я и выгляжу на самом деле, под всей мишурой. Может быть, это то мое «я», которое я показываю очень немногим, — сказала я как будто в шутку, хотя это была чистая правда. Я так привыкла смотреть на себя чужими глазами, теряя за этими взглядами саму себя, что с Джорджем мне теперь было неожиданно легко: с ним не нужно было никакого притворства. Здесь, в моем патио и в моей гостиной, рядом с ним, я чувствовала себя в безопасности и могла сбросить искусственную кожу, хотя вопрос, заслуживаю ли я этого, по-прежнему мучил меня. Я ведь уже

получила однажды возможность начать жизнь заново и теперь не знала, имею ли право еще на один такой шанс.

— Я польщен, — отозвался Джордж, и я знала, что он говорит искренне. — Но в это все равно никто не поверит, если я кому расскажу, да я и рассказывать не буду.

Я засмеялась: конечно, он был прав. С неохотой заставив себя подняться с удобного садового кресла, я встала перед доской. Что касается двух первых целей, тут мы уже продвинулись довольно далеко, но теперь, прежде чем двигаться дальше, предстояло решить третью.

— Ну что, мы готовы к следующему этапу? — спросила я.

— Надеюсь, — ответил он, бодро потирая руки, словно хотел размяться, перед тем как приступать к работе.

Я перелистнула страницы блокнота и остановилась на той, где мы записывали все свои идеи по поводу механизма синхронного переключения передатчика и приемника с одной частоты на другую. Иногда, когда мы с Джорджем переходили на немецкий (а это случалось нередко: родители Джорджа, эмигранты, с детства учили его этому языку), мы называли это *Frequenzsprungverfahren*: «технология прыгающих частот».

На данном этапе наш план выглядел так: после того, как корабль или подводная лодка выпустит торпеду, сверху, с самолета, подаются сигналы о корректировке курса, корабль или подводная лодка передают их на торпеду, и для каждого короткого

сигнала частота меняется вручную с интервалом в минуту. Идея переключения частот для защиты от перехвата и помех сама по себе была новой (она осенила меня, когда мы с Джорджем впервые играли в четыре руки), но нам хотелось создать более совершенную систему, такую, чтобы не приходилось целиком полагаться на ручную смену частот. Людям свойственно ошибаться, а тут каждая секунда имела значение.

Но как должна выглядеть такая система? Какой механизм способен выполнить такую задачу? Мы снова и снова задавались этим вопросом и ходили по кругу, что и отразилось на страницах блокнота. Нужно было начать все сначала. Я перевернула новую страницу и записала цель: «Устройство для синхронизированной смены радиочастот».

С чашкой кофе в руке я начала расхаживать по патио, размышляя над устройством, которое могло бы передавать информацию о последовательности радиочастот и переключать их. Покончив с кофе, я закурила и продолжала ходить. Ни на дне кофейной чашки, ни в сигаретном дыме вдохновения не обнаружилось, и, взглянув на Джорджа, я увидела, что он тоже не нашел там толчка для творческой мысли. Может быть, я поставила перед нами невыполнимую задачу. В конце концов, если самые блестящие, получившие специальное образование научные умы не решили эту проблему, с чего я взяла, что она по силам актрисе и музыканту? Я чувствовала себя круглой дурой.

Я снова стала вспоминать наш дуэт. Тогда я была совершенно уверена, что мы с Джорджем — иде-

альные партнеры для этого проекта, хотя наша научно-техническая подготовка и была, мягко говоря, нестандартной. Дело было не только в том, что наша игра подсказала мне идею синхронизации. Я верила, что необычный интеллект Джорджа и его опыт в работе с механизмами — пусть и музыкальными — как нельзя лучше подойдут для этого проекта.

Я замедлила шаги. Идея понемногу складывалась в голове, дразняще скользила по краешку сознания, но еще не до конца оформилась. А если еще подумать про машины Джорджа? Например, про ленты пианол, которые он использовал для синхронизации звука в «Механическом балете»? На них была перфорация, в которой и были закодированы сигналы для смены клавиш пианолы. Если взглянуть на это немного под другим углом... а нельзя ли такие ленты — или что-то подобное — использовать для передачи синхронизированных сигналов об изменениях радиочастот между кораблем или подводной лодкой и торпедой?

Я взяла со стола красную ручку и подошла к доске с блокнотом. Жирными заглавными буквами на почти чистом листе бумаги, над нашей схемой, выписала слово «лента».

Джордж посмотрел на меня.

— Что еще за лента? Только, пожалуйста, не говори мне, что речь идет о ленточках для волос.

Я была в таком восторге от своей богатой идеи, что даже не разозлилась на его оскорбительное замечание. Я рассмеялась.

— Нет, глупенький. Я подумала о перфорированной ленте для пианолы. Можно же сделать

какое-то устройство вроде этой ленты для корабля или подводной лодки и для торпеды, тоже с отверстиями, как на валике пианолы, — с последовательностью радиочастот и командами для смены частоты? Одна лента будет работать как передатчик, а другая — как приемник.

Джордж вскочил.

— Боже мой, ну конечно! И как это мне раньше в голову не пришло? Можно же взять два одинаковых валика с бумажными лентами, как для пианолы, и прорезями нанести на них код изменений частоты.

— Но как именно они будут управлять изменениями радиосигнала?

Он выхватил у меня красную ручку и стал чертить в блокноте.

— Гляди, Хеди. — Он показал на свой торопливый чертеж. — Если перфорированные ленты намотать на головку канала управления, они смогут запускать специальный механизм для нажатия на нужные переключатели, соединенные с генератором, который и производит радиосигнал.

— И таким образом мы устраним человеческий фактор при смене сигнала.

— Да.

— Это позволит переключать частоты по всему спектру, а не только в ограниченном диапазоне. Перехватить такой сигнал будет почти невозможно.

— Именно так, как ты и рассчитывала.

— Неуловимый код, — почти шепотом проговорила я, словно мантру. Или молитву.

Мы добились своего. Мы изобрели свое устройство, хотя еще несколько минут назад я сомневалась, что это в наших силах. Вне себя от восторга и гордости, каких никогда не испытывала за годы своей актерской карьеры, я в порыве чувств бросилась обнимать Джорджа.

Его руки обвились вокруг меня, и он стиснул меня в объятиях. Я улыбнулась ему сверху вниз — он ведь был гораздо ниже меня. Но он не улыбнулся в ответ — вместо этого он вытянул шею и поцеловал меня в губы.

Я в ярости оттолкнула его. Меня возмутила не вольность, а предательство нашей дружбы.

— Как ты мог!

Его лицо вспыхнуло, сделавшись ярко-красным, и он зажал рот ладонью.

— Что я наделал! Хеди, пожалуйста, прости.

— Джордж, я привыкла к тому, что мужчины относятся ко мне так, как ты сейчас, — как к игрушке для удовлетворения своих желаний, — но от тебя я такого не ожидала. У меня никогда не было раньше такой дружбы и такого сотрудничества, как у нас с тобой, и это значит для меня больше, чем любой роман. Понимаешь?

Багровый румянец на его щеках сменился бледно-розовым. Он кивнул.

— Понимаю. Ты когда-нибудь сможешь меня простить?

Мне случалось прощать куда более страшные посягательства на мое тело, но мало кто так больно ранил меня душевно. Но, вглядевшись в его лицо,

я увидела на нем искреннее раскаяние. Я хорошо знала это выражение — оно каждый день смотрело на меня в зеркале. Как же я могла отказать ему в возможности оправдаться, о какой мечтала для себя? Разве не в надежде на искупление и прощение все это и было затеяно?

— Конечно, Джордж, — серьезно сказала я. А потом дала ему шутливого тычка, чтобы разрядить атмосферу. — Только гляди, чтобы этого больше не было.

Глава тридцать девятая

26 октября 1940 года
Лос-Анджелес, Калифорния

— А это что еще за каракули? — спросил Джордж, щурясь и указывая на фразу рядом со словом «лента». — Ей-богу, тебя в этой хваленой швейцарской школе ни грамматике, ни чистописанию не научили.

Я рассмеялась. Убожество моего престижного образования, особенно по сравнению с объемом технической и научной информации, которую я потом усвоила сама, было между нами частым предметом для шуток. Почему-то в разговоре с Джорджем такие темы меня не задевали и не заставляли ощетиниваться в ответ, как с другими. Например, с мамой.

Несколько дней между нами ощущалась неловкость и натянутость, а потом мне опять стало с Джорджем легко, как с братом, о котором я часто мечтала, но которого у меня никогда не было. Я поняла, что его поступок был всего лишь «коленным рефлексом», как любила говорить Сьюзи, — ведь именно к такому поведению общество приучило большинство мужчин. И я простила его.

— Прекрасно ты все понимаешь. «Пульт дистанционного управления „Филко"» — вот что тут написано, — шутя огрызнулась я.

Внизу под этим названием я приписала: «прибор управления торпедой». Эта идея, вдохновленная недавно выпущенной радиосистемой «Филко», которая позволяла переключать радиоканалы на расстоянии, относилась к нашей предварительной конструкции электронного механизма, отвечающего за адресацию радиосигналов и преобразование их в управляющий сигнал торпеды. Вначале это был всего лишь обрывок идеи, которую нам предстояло довести до законченной, полномасштабной концепции. Мы улыбнулись друг другу, молчаливо подтвердив, что и эта часть нашего замысла тоже оказалась работоспособной. Приблизительный набросок обрел плоть и кровь. Вскоре, думали мы, можно представить его в Национальный совет изобретателей — это был первый шаг для любой новой технологии на пути к одобрению военных чинов. В конце концов, как мы надеялись, флот примет нашу идею на вооружение.

Хлопнула входная дверь: я оставила ее открытой, чтобы комнату продуло сквозняком.

— Миссис Бертон! — крикнула я. — Не могли бы вы принести ко мне Джеймси перед сном?

Мне так хотелось пощекотать мягкий животик сына. Прикосновения к его нежной коже немного облегчали вечное чувство вины за то, что я так мало бываю с ним.

По мраморному полу прихожей простучали шаги, но миссис Бертон с Джеймси не появлялись. Может быть, няня меня не услышала?

— Миссис Бертон? — вновь позвала я.

Шаги становились все громче, но, когда дверь в патио распахнулась, за ней стояла вовсе не миссис Бертон с Джеймси. Невысокая женщина, красивая тихой, неброской красотой, с темными волосами и широкими славянскими скулами перешагнула через порог на вымощенный камнем дворик. Кто она и что делает в моем доме?

Я уже готова была закричать, что в дом проникли посторонние, но тут Джордж спросил:

— Боски, что ты тут делаешь?

Боски — это была жена Джорджа. А я-то думала, что его жена и сын гостят у родственников на Восточном побережье. По крайней мере, так он сказал мне во время нашей первой встречи, и он ничего не говорил о том, что они вернулись, только иногда рассказывал забавные истории про своего сына, о которых Боски писала ему.

Только тут я увидела, что под ее внешним спокойствием скрывается дикая ярость. Она закричала на Джорджа:

— Что я здесь делаю? А ты что делаешь? Твоей жены с сыном два месяца дома не было, потому что кто-то должен был поддержать твоих родителей после смерти твоего брата, и вот они наконец-то возвращаются домой, а ты тут проводишь субботний вечер с кинозвездой? Я должна была своими глазами убедиться, что ты мне изменяешь.

Джордж, заикаясь от негодования, что-то забормотал в ответ, но я подняла руку, чтобы он замолчал. Я понимала эту женщину. Я сама была этой

женщиной. Скомканные объяснения мужа — это не то, что ей сейчас нужно.

Я подошла к миссис Антейл и взяла ее за обе руки. Она попыталась было их отнять, но в конце концов уступила.

— Миссис Антейл, уверяю вас, между мной и вашим мужем ничего дурного нет. — Я не стала объяснять, что Джордж для меня как брат, тем более после его выходки не далее как неделю назад. Не хотелось рассказывать и о том, что за время нашего с Джорджем сотрудничества я успела развестись с Джином Марки. И начала встречаться с актером Джоном Говардом, потом с плейбоем Джоком Уитни, потом с магнатом Говардом Хьюзом. Последний даже предложил мне пару своих химиков в помощь и лабораторию для работы над моими невоенными изобретениями — например, кубиками, похожими на бульонные, которые превращали воду в газировку вроде кока-колы. Я никогда не думала о Джордже в романтическом ключе, как о ком-то из этих мужчин, хотя во многих отношениях он был для меня гораздо важнее тех, с кем я ходила на свидания. Я уже знала — от Фрица, от Джина и от всех тех, кто был после, — что растворяться в другом человеке не выход, что это не защитит меня от самой себя и от моей вины. Я должна была спасти себя, и Джордж был мне в этом помощником.

Я сказала:

— Мы с вашим мужем работаем над проектом, который, как мы оба надеемся, может быть полезен для нужд фронта. Как ни странно это прозвучит, мы разрабатываем новую торпедную систему.

Миссис Антейл уставилась на меня, рот у нее слегка приоткрылся. Затем она разразилась истерическим смехом. По-английски, правда, с акцентом, даже более сильным, чем у меня, она сказала:

— И вы думаете, я поверю в эту чушь, мисс Ламарр? Ради бога. Я все-таки не такая дура. Мой муж — музыкант, а не ученый, а вы ... — она запнулась, но в конце концов дала волю праведному гневу, который до сих пор копился внутри: — Хорошенькое личико, и ничего больше.

Это высказывание меня задело: оно всколыхнуло мой тайный страх, что Национальный совет изобретателей и флот могут отклонить нашу разработку, потому что я участвовала в ее создании. Однако я не стала огрызаться. Голос у меня был ровный, слова звучали спокойно. Я не могла допустить, чтобы мое партнерство с Джорджем оказалось под угрозой. А вдруг она запретит ему со мной работать? Теперь, когда мы были в шаге от успеха, я не вынесла бы, если бы нам не дали закончить.

— Вот именно потому, что ваш муж музыкант, я его и выбрала. Его симфония, «Механический балет», вся построена на синхронизации механических инструментов. А это именно то, что нужно для той торпедной системы, которую я задумала. Позвольте, я покажу вам нашу работу?

Я провела ее через патио в гостиную, мимо наших чертежных досок, заметок, моделей, математических расчетов и книг по физике, торпедным системам и радиочастотам. Она нахмурилась, сложила руки на груди, пока я объясняла ей ход нашей мысли, почти не смотрела на своего мужа. Ее суровые,

умные глаза внимательно вглядывались в наши работы.

Наконец ее лицо смягчилось, когда я сказала:

— Приношу вам свои извинения за то, что похитила вашего мужа в выходной. Обещаю, что с этого момента выходные дни будут священны и неприкосновенны. Как и любые проекты, которые приносят деньги в вашу семью. И в любой день, когда Джордж приходит ко мне домой, вы можете тоже приходить с ним. Наши сыновья могли бы вместе поплавать в бассейне.

— У вас есть сын? — удивленно переспросила она.

— Да, ему полтора года.

Несколько неохотно она проговорила:

— Спасибо, мисс Ламарр.

— Пожалуйста, зовите меня Хеди. Вы тоже из Европы. Из Венгрии, кажется?

Она кивнула.

— Вот и я тоже. Я из Австрии. Война сделала многих бывших друзей врагами. Так давайте не позволим ей помешать нашей с вами дружбе.

— Ладно, — неуверенно отозвалась она.

Я взяла ее за руку и повела в ту часть гостиной, где мы выложили грубую модель нашей системы из спичек.

— Давайте я вам покажу, как мы с вашим мужем поможем выиграть войну.

Глава сороковая

4 сентября 1941 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Я сидела перед зеркалом, наблюдая, как Сьюзи преображает мое лицо, и тут дверь без единого стука распахнулась. В гримерную, сжимая в руке листок бумаги, ворвался Джордж.

— Хеди! — закричал он. — Хеди, ты не поверишь!

Сьюзи даже подскочила от такого бесцеремонного вторжения. Она только что застегнула молнию на спине стильного, но без излишеств, платья, в котором я должна была появиться в сегодняшнем эпизоде моего нового фильма, «Г. М. Пульхэм, эсквайр»: это была первая встреча моей героини с ее будущим возлюбленным в исполнении Роберта Янга. Съемки только начались, но я уже была в восторге от этого фильма, как ни от одного другого, если не считать «Алжир».

Взглянув на красного запыхавшегося визитера, который до сих пор еще никогда не появлялся на съемках, Сьюзи сделала разумный вывод:

что человек он тут посторонний, хоть и не опасный, учитывая его небольшой рост и вымотанный вид.

— Может быть, вызвать охрану, мисс Ламарр?

— Нет-нет, Сьюзи, не надо, хотя спасибо. Мистер Джордж Антейл, — я сделала паузу и выразительно выгнула бровь, — мой хороший друг, который иногда от избытка чувств забывает о необходимых приличиях.

— Если вы так уверены, мэм, — с сомнением в голосе проговорила Сьюзи.

— Уверена, — ответила я. — Не могли бы вы, пока я беседую с мистером Антейлом, узнать, во сколько мне нужно быть на съемочной площадке? Не хотелось бы заставлять мистера Видора ждать.

Кингу Видору, режиссеру и этого фильма, и «Товарища Икса», я была многим обязана. После весьма неожиданного перерыва в съемках Видор предложил мне роль рекламного агента Марвин Майлз в своем новом фильме — «Г. М. Пульхэм, эсквайр». Я долго не могла начать работу: сначала случился приступ пневмонии у меня, а потом приступ жадности у мистера Майера, не желавшего отдавать меня в аренду другим студиям. Мой «владелец» вначале никак не соглашался, но я все же отвоевала эту необычную роль, а Видор приберег ее для меня и дожидался, пока все сложности не были улажены. Вместо экзотической красотки или прекрасной ледяной статуи он предложил мне сыграть героиню, в которой главное — не красота, а ум и амбиции. Видор сумел

разглядеть во мне что-то большее, чем внешность, подсознательно уловил, что именно такой женщиной я тайно для всех становлюсь, когда схожу с экрана, и ему хотелось, чтобы я как следует вжилась в этот образ.

Сьюзи бросила на посетителя еще один подозрительный взгляд, но послушалась.

— Хорошо, мэм, я выясню, — сказала она и тихонько закрыла за собой дверь.

— Неужели нельзя было до вечера подождать? — недовольно спросила я. — Этот фильм очень важен для меня.

Мы с Джорджем собирались после ужина встретиться у меня, к великому разочарованию Джона Говарда, к которому я опять вернулась после того, как попробовала встречаться с другими. И хотя Джон понимал, что мои отношения с этим мужчиной профессиональные и чисто платонические, он все же чувствовал, что с Джорджем я оживаю так, как никогда не оживаю с ним. А он терпеть не мог быть на вторых ролях и не желал мириться с этим, даже когда я объяснила, что мы работаем над новым военным изобретением. На сей раз это был зенитный снаряд, который должен был автоматически взрываться не только при столкновении с самолетом, а еще при приближении к нему. Думаю, в глубине души Джон не верил мне, но в конце концов я убедила его, что его обиды мелочны и не имеют под собой почвы. Если бы мне это не удалось, я бы все равно не стала отменять наши встречи с Джорджем, скорее уж Джона сменила бы

на кого-то другого. Я не позволила бы ничему встать между мной и этой работой.

От работы над торпедными системами мы с Джорджем пока отошли: ждали ответа на свою заявку. В декабре прошлого года мы, как и собирались, представили подробное описание нашей торпедной и коммуникационной системы в Национальный совет изобретателей. Поначалу мы ждали, что ответ будет благоприятный: не только потому, что верили в наше изобретение, но и потому, что у нас с Советом были общие мотивы. Нас, как было сказано, подтолкнула к этой работе ужасная трагедия «Бенареса», а сам Совет был сформирован во время Первой мировой войны после того, как пассажирский корабль под названием «Лузитания» был расстрелян торпедами, когда шел через Атлантику из Нью-Йорка в Ливерпуль. Но с тех пор, как мы обратились со своим предложением, прошел уже не один месяц. Мы старались не терять оптимизма и в июне, по предложению члена Совета Лоуренса Лангера, подали заявку на патент. Лангер встретился с нами, чтобы выразить свою поддержку нашему предложению, и даже помог нам связаться с профессором Калифорнийского технологического института Сэмюэлем Маккоуэном и юридическим агентством *Lyon & Lyon*, которое могло бы помочь нам в этом процессе. Но наконец мы начали уже терять надежду.

Эскалация войны на всех фронтах тоже приводила нас в отчаяние. Каждый день мы читали ужасающие новости. Гитлер продвигался все дальше

на восток Европы и на юг, в Грецию. Все более ожесточенные бои велись по всей Африке, включая те регионы, для захвата которых Фриц когда-то снабжал Муссолини оружием. Продолжались воздушные налеты на Англию, Шотландию, Ирландию и Уэльс. Во Франции нацисты учредили правительство Виши. Наконец, в Атлантике участились атаки немецких подводных лодок. Однако в газетах ничего не писали о нарастающей волне насилия по отношению к евреям, о том, как их загоняют в гетто и концентрационные лагеря, — об этом мы узнавали только от друзей и родни. Хотя Америка пока еще не ввязалась в драку, было ощущение, что мы уже в осаде, и мне хотелось, чтобы, когда войну объявят, наша торпедная система была уже наготове.

Единственным светлым пятном среди всех этих ужасных новостей было известие о том, что моя мама скоро сможет переехать из Канады ко мне. Несколько месяцев мне не удавалось пробить стену, выстроенную вокруг Штатов от беженцев. То, что мама сейчас жила в Канаде, то есть в относительной безопасности, было аргументом против ее переезда, хоть она и не создавала «экономического бремени» для страны — это было препятствие, которое оказывалось непреодолимым для многих эмигрантов. Но в конце концов, после консультаций с юристами и давления на мистера Майера, я получила неофициальное уведомление о том, что теперь ее ходатайство почти наверняка примут.

— Нет, Хеди, ждать было нельзя. Мы и так уже столько месяцев ждали ответа — и вот он наконец.

Я вскочила со стула.

— Решение Совета?

— А что же еще? — Он держал бумагу у самой груди, и на губах у него появилась загадочная улыбка.

Я попыталась выхватить листок, но он не давал.

— Позволь, я прочитаю тебе самое важное, — дразнящим тоном проговорил он.

— Только побыстрее, пожалуйста, мне скоро на площадку, а ждать больше сил нет.

— Письмо адресовано военно-морскому флоту США, но Национальный совет изобретателей прислал нам ротапринтную копию. Потом разберем ее по словечку, а сейчас позволь мне сразу перейти к главному. — Он сделал паузу и взглянул на меня, не в силах сдержать мальчишескую улыбку, игравшую на его вечно юном лице. — Да, вот. «После двухуровневого рассмотрения Советом и самого тщательного изучения, Национальный совет изобретателей рекомендует Военно-морскому флоту США рассмотреть вопрос об использовании проекта миссис Хедвиг Кислер-Марки и мистера Джорджа Антейла в военных целях».

Я нарочно не стала подписываться «Хеди Ламарр». Я опасалась, как бы моя известность не повлияла негативно на решение Совета.

Я взвизгнула от восторга и хотела уже засыпать Джорджа вопросами, но тут он прибавил:

— А главное, Хеди, эту рекомендацию нам дал не кто иной, как Чарльз Кеттеринг.

— Тот самый Чарльз Кеттеринг?

Это был известный изобретатель, глава Национального совета изобретателей. Он даже был на обложке *Time* несколько лет назад.

— Тот самый. И он считает наше изобретение достаточно перспективным, чтобы рекомендовать его флоту.

Решусь ли я высказать вслух мысль, что пронеслась у меня в голове? Не слишком ли большая дерзость — питать такие надежды?

— Если Кеттеринг считает, что у проекта такой большой потенциал, что остается флотским чинам, кроме как принять его?

Круглые, голубые, совсем ребячьи глаза Джорджа так и сияли.

— Вот и я об этом подумал.

— Теперь осталось только дождаться ответа.

— Да, опять тактика выжидания.

— Но ведь это наверняка простая формальность, — предположила я.

— Нам остается только надеяться, Хеди.

Мы улыбались друг другу, как сумасшедшие, и меня охватил дикий восторг: это было первое публичное признание того, что во мне есть какая-то иная ценность, помимо внешности. Хотелось немедленно начать праздновать, но я знала, что меня вот-вот позовут на съемочную площадку. Но нельзя же было совсем не отметить такое важное событие. Я налила нам обоим по стакану бренди, и мы выпили за наше изобретение.

Неужели и правда, создавая оружие для борьбы против Третьего рейха, я искуплю свои грехи?

И спасенные жизни тех, кто сейчас гибнет в боях на море, лягут на другую чашу весов и перевесят жизни тех, кого я бросила в беде в Австрии? И неужели благодаря этому я, может быть, стану известна не только из-за своей внешности?

Ну нет, мысленно одернула я себя и поставила на стол стакан с таким стуком, что Джордж вздрогнул. Я была зла на себя. Как я посмела ожидать награды за то, что должно быть только искуплением? Если наше изобретение поможет быстрее закончить войну, одного этого уже будет достаточно.

Глава сорок первая

7 декабря 1941 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Было воскресенье, но весь актерский состав и съемочная группа собрались на площадке, где снимали «Тортилья Флэт». Над этой экранизацией романа Джона Стейнбека мы работали без выходных и уже привыкли к такому графику. Наш режиссер, Виктор Флеминг, к самому себе был еще требовательнее, чем к актерам, поэтому мы не жаловались, в том числе и я, хотя мне приходилось то и дело отменять планы на субботние и воскресные свидания с моим новым кавалером — актером Джорджем Монтгомери, высоким красавцем из Монтаны. Хотя мне все-таки было ужасно жаль этих упущенных вечеров с моим «Джорджем номер два», моим романтичным Джорджем, с которым всегда можно было вместе посмеяться, отчего меня особенно тянуло к нему в эти мрачные времена.

Договорившись с миссис Бертон, что она позаботится о Джеймси, хоть это и был ее законный выходной, я вернулась на съемочную площадку. Солнце пылало в вышине над Голливудскими холмами.

Мы со Сьюзи молча занялись делом — она стала помогать мне одеться в простой костюм. Фильм «Тортилья Флэт» был о семье калифорнийцев латиноамериканского происхождения, и моя героиня, Долорес, работала на консервном заводе. Для сегодняшней сцены мне нужна была фабричная униформа и, в отличие от большинства моих ролей, лишь самый минимум косметики. Мне ужасно нравилась та свобода движений, которую давала простая одежда и простая прическа.

Я допила последний глоток крепкого австрийского кофе, который приготовила тут же, в гардеробной, и двинулась по длинному коридору к огромному звуковому павильону, где разместились три акра фермерского ландшафта и полный набор сельскохозяйственных животных. Стук моих каблуков отдавался эхом в полупустом здании. Подходя к павильону, я рассчитывала услышать обычные звуки — голоса съемочной группы и жужжание аппаратуры, но неожиданно услышала душераздирающий вопль.

Я бросилась на площадку бегом, решив, что кто-то ранен — это была не редкость на съемках. Когда снимали другой фильм Флеминга, «Волшебник страны Оз», одна актриса сильно пострадала от огня: какой-то люк открылся с опозданием, и она успела обгореть и наглотаться дыма. Но, прибежав, я поняла, что на этот раз случилась катастрофа другого рода. Какая-то женщина рыдала, а все остальные актеры и обслуживающий персонал застыли в молчании. Они слушали радио, включенное на полную громкость.

Я подбежала к своим коллегам, Спенсеру Трэйси и Джону Гарфилду — они стояли так же неподвижно, как и остальные.

— Что случилось? — спросила я Джона: с ним мне как-то легче было заговорить, чем со Спенсером, с которым мы когда-то вместе снимались в картине «Я беру эту женщину». Даже после совместной работы в двух фильмах он держался со мной отчужденно. Да и я с ним, пожалуй.

Джон не успел ответить: Спенсер сердито оглянулся на меня и прижал палец к губам.

— Тс-с-с, — прошипел он.

Джон (он играл возлюбленного моей героини Долорес) подошел ближе и прошептал мне на ухо:

— Пёрл-Харбор разбомбили.

Я ничего не понимала. Что такое Пёрл-Харбор? Где это? Я начала было расспрашивать его, но тут низкий голос репортера из радиоприемника снова загремел на всю съемочную площадку:

...это начало настоящей войны. Радиостанция KGU ведет репортаж из Гонолулу, Гавайи. Я говорю с крыши здания Advertiser Publishing Company. Сегодня утром мы явились свидетелями жестокой атаки на Пёрл-Харбор самолетов противника — без сомнения, японских. Город Гонолулу также подвергся атаке, ему нанесен значительный ущерб. Бой продолжался почти три часа. Одна из бомб упала на расстоянии менее пятидесяти футов от башни KGU. Жителям Гонолулу рекомендуется не выходить

из дома и ждать сообщений от армии и флота. В воздухе и на море шли ожесточенные бои. Мы пока не можем оценить нанесенный урон, но атака была очень серьезной. Однако теперь наша армия и флот, судя по всему, снова взяли под контроль и морские, и воздушные подступы к Гавайям.

Я не могла поверить, что это не шутка. Угроза, идущая из Европы, — да, об этом уже давно говорили. Все следили за сообщениями о лондонском «Блице» и строили предположения о том, каков будет ответ с нашей стороны, если и наши берега станут мишенью для такой же бомбардировки. Но Япония? Об атаках со стороны Азии не упоминали ни газеты, ни политики, ни даже мои европейские друзья, которые знали о войне гораздо больше, чем можно было почерпнуть из газет и радиопередач.

Я оглянулась. Мои коллеги-актеры, съемочная группа и режиссер стояли вокруг с таким же ошеломленным видом, как и я. Мы замерли неподвижно, когда репортер начал перечислять пугающие факты, и я машинально ухватилась за руку Джона, чтобы не потерять равновесие. Больше трехсот японских бомбардировщиков и истребителей совершили налет на нашу военно-морскую базу в Оаху, на Гавайях. Пострадало множество кораблей тихоокеанского флота, сильнее всего — линкор «Аризона». Число погибших пока невозможно было установить даже приблизительно. Мы знали: не пройдет и дня, как Америка объявит войну.

Репортер стал повторять уже известные новости, актеры и рабочие сцены начали переговариваться, а я потихоньку отошла в темный угол съемочной площадки, за искусственный фасад, изображавший фермерский дом, и заплакала. Я-то лучше всех здесь присутствующих понимала, с каким страшным врагом теперь столкнется Америка. Для всех остальных эта темная сила была безликой и немой. Но я-то смотрела их вождям в глаза, вслушивалась в их речи и знала, какой ужас они собираются принести в наш мир.

Глава сорок вторая

30 января 1942 года
Лос-Анджелес, Калифорния

Я мерила шагами мраморный пол своей прихожей в ожидании Джорджа. Джорджа Антейла, не Монтгомери (хотя и тот по-прежнему присутствовал в моей жизни, во всяком случае, пока). Он прислал мне записку прямо на съемочную площадку *MGM*, где мы с Уильямом Пауэллом работали над эпизодом из «Перекрестка», моего нового фильма в жанре нуар, и мы условились встретиться поздно вечером у меня дома. Мучаясь томительным ожиданием, я взяла в руки сценарий и стала делать вид, будто учу роль, но в действительности не могла думать ни о чем, кроме того, какие известия принесет мой друг.

Все эти семь недель, с тех пор, как американская военная машина начала со скрипом разворачивать орудия в сторону не только Японии, но и Европы, моя тревога росла с каждым днем. Наша страна готовилась отправлять своих солдат на восток и на запад, на ту самую европейскую землю, с которой я бежала, на тот океан, по которому приплыла сюда. Стали приходить официальные сообщения

о сбитых самолетах и потопленных кораблях, а европейские друзья потихоньку говорили о том, что американские торпеды, выпущенные по японским судам, часто летят мимо цели или взрываются раньше времени. Ну конечно, думала я, теперь военно-морской флот непременно примет на вооружение нашу систему, и она поможет устранить эти промахи. Ведь не могут же военные мириться с поражениями, когда мы с Джорджем предлагаем им лучший способ.

Тревога дошла до крайней точки, когда слухи о том, что «эндлёзунг» перешел к завершающему этапу, поползли по голливудским кулуарам и достигли ушей моих европейских друзей. Мы собирались в темных барах и кофейнях, пересказывали друг другу известия, в которые было просто невозможно поверить: о еврейских гетто, газенвагенах и концлагерях. Рядом с этим кричаще яркая фантастическая жизнь Голливуда казалась невыносимой. Никто, кроме нас, словно бы и не подозревал об этом кошмаре. А может быть, из тех, до кого доходили эти слухи, только мы одни верили в то, что это правда.

Страдания австрийских евреев занимали мои мысли целиком. Многие из этих людей, так же как я когда-то, считали себя венцами. Но сколько бы они ни старались со всем тевтонским пылом стереть с себя пятно своего происхождения после прихода нацистов, все их усилия оказались тщетными. Где они сейчас? В гетто, в лагерях? Или еще хуже? Скольким я могла бы помочь? Поверил бы мне хоть кто-нибудь?

Я ждала прихода Джорджа, надеясь получить знак, что пора действовать. Вот уже несколько месяцев мы ждали сообщения от ВМФ о нашей торпедной системе. И торчать дальше без дела на съемочных площадках — в ярких нарядах, украшенных драгоценностями — и мучиться чувством вины я уже просто не могла.

В дверь позвонили, и я вздрогнула, хотя все это время нетерпеливо ждала звонка. Моя экономка Бланш вышла в прихожую, чтобы открыть дверь, но я жестом велела ей уйти. С Джорджем церемонии были ни к чему, да я, наверное, и не выдержала бы этих нескольких минут, потраченных на светские любезности, — мне нужно было узнать все сейчас же.

Я набросилась на него с расспросами, не успел он еще снять шляпу и пальто.

— Какие новости?

— Погоди минутку, пожалуйста. Всему свое время.

Он снял шляпу и отряхнул ее от дождя.

Я честно старалась выполнить его просьбу, но от одного вопроса не удержалась:

— Ты читал о проблемах с нашими торпедами?

— Читал, — ответил он, вытаскивая руку из рукава пальто.

— Это же должно убедить флот принять нашу систему, правда? А как иначе, если с действующими торпедами все так плохо.

— Твоя мама уже приехала? — спросил он, вешая плащ на вешалку. Почему он вдруг сменил тему?

Правда, Джорджу уже не один месяц приходилось слушать о том, как я беспокоюсь за маму. Вместе со мной он пережил весь этот ад, пока я старалась вывезти ее из Лондона в Канаду. И о том, как я использовала все связи в киностудии, чтобы перевезти ее наконец в Америку, он тоже был прекрасно осведомлен. Уж он-то заслуживал того, чтобы узнать новости.

— Она уже едет на поезде в Калифорнию. Из Канады до нас три дня езды, так что я жду ее второго февраля.

— Для тебя это, должно быть, большое облегчение, — сказал Джордж и прошел следом за мной в гостиную, где я уже укрепила на доске чистый перекидной блокнот для нового проекта.

— Да, — согласилась я, хотя в действительности меня одолевали сомнения. Я столько сил положила, чтобы перевезти ее в Калифорнию, а теперь, когда она должна была на несколько дней остановиться у меня, мне было не по себе. Как-то мы поладим, когда мама, с ее безумно тяжелым характером, войдет в мой новый мир? Может быть, те трогательные признания, которыми она поделилась со мной в письме (о том, что ее сдержанность и критичность проистекали только из желания уравновесить папино баловство), изменят наши отношения к лучшему? Сумею ли я поверить ее словам о любви? Я решила думать только о хорошем. Как бы то ни было, мама будет здесь, со мной, живая и здоровая, и это уже много значит сейчас, когда столько наших венских друзей, соседей и родственников остались под властью нацистов.

— Где же она будет жить? Здесь, с тобой и Джеймси?

Не отвечая, я пристально вгляделась в лицо своего друга и коллеги. Собрата по оружию. Почему он не рассказывает свои важные новости? Почему вдруг так заинтересовался моей мамой, хотя раньше разговоры о ней терпел только из вежливости? Я никогда не замечала за ним склонности к уверткам; напротив, иногда мне приходилось обуздывать его чрезмерную прямоту.

Внезапно я угадала ответ, но услышать его из уст Джорджа было бы невыносимо. Я шагала взад-вперед по выскобленным добела половицам гостиной, иногда упираясь взглядом в небо за окном, и терпеливо отвечала на его бесконечные вопросы о маме. Дождь уже стих, небо прояснилось, но тени облаков все так же лежали на яркой зелени двора, и на душе у меня было сумрачно.

— Флот нам отказал? — решилась я наконец спросить. Я знала, что он изо всех сил пытается набраться смелости и рассказать мне эту ужасную новость.

— Да, — со вздохом признался Джордж.

Не говоря ни слова — у меня пока не было сил говорить об отказе, — я подошла к буфету и налила нам обоим по большому стакану скотча. Показала Джорджу на одно из двух шоколадно-коричневых кожаных кресел, и мы уселись рядом. На этот раз мы не перебрасывались в радостном возбуждении идеями новых изобретений. Мы пили молча.

— Чем объясняют? — спросила наконец я. Я почти боялась услышать ответ.

— Ну, насчет современных торпед ты была права. Я слышал, больше шестидесяти процентов запущенных торпед не смогли поразить цель. Это никуда не годится. — На мгновение он умолк, затем глотнул еще янтарного напитка и продолжал: — Но, как ты уже догадалась, это ни на что не повлияло. Я тоже думал, что эти неудачи сыграют в пользу нашего предложения. Но на флоте решили, что будут совершенствовать старые торпеды, а не разрабатывать новые, со сложной системой наведения.

— Но ведь наша система лучше? — Мне не хотелось верить.

— И тем не менее. — Он помолчал, словно ему было тяжело рассказывать дальше. — Конечно, флотские чины открыто не признаются в том, как плохи у них дела с торпедами. Из своих источников я узнал, что они решили отклонить нашу заявку на том основании, что наша система слишком тяжелая.

— Что? Джордж, но это же полная чепуха.

— Знаю. Они говорят, что наш механизм слишком велик для средней торпеды.

— Что? — Я не могла поверить в то, что он только что сказал. Какая чепуха! — Это самое смешное обоснование для отказа, какое только можно придумать. Наш механизм может поместиться в наручных часах. Об этом четко сказано в документах, которые мы представили в Национальный совет изобретателей и в Военно-морской флот.

— Да, и Совет одобрил наши проекты. По правде сказать, Хеди, я даже не уверен, что они дочитали нашу заявку до конца. Думаю, они просто увидели

аналогию с пианолой и сделали абсурдный вывод, который и использовали как отговорку, чтобы не признавать истинную причину. А правда в том, что им уже не первый десяток лет урезают финансирование разработок, и вот результат — система устаревшая, неэффективная, а переделывать ее полностью — слишком дорого.

Джордж проговорил все это с видом побежденного. Зато меня обуяла ярость. Я развернулась к нему и выкрикнула:

— Но как можно отвергнуть изобретение, которое не только способно направить все торпеды точно в цель, но еще и неуязвимо для противника, и оставить устаревшую систему, которая никогда толком не работала!

— Не знаю, — уныло ответил Джордж, и в голосе у него не было ни злости, ни боевого задора. Да Джордж ли это?

Я попыталась встряхнуть его:

— Нужно снова писать в ВМФ и в Национальный совет изобретателей, чтобы рассказать, как неверно они истолковали суть нашего проекта. Объяснить, какими маленькими можно сделать наши устройства.

— Вряд ли из этого выйдет какой-то толк, Хеди. Не думаю, что они изменят свое мнение.

Откуда в нем эта странная покорность? Должно быть, такое долгое ожидание вконец измотало обычно оптимистично настроенного композитора... нет — изобретателя.

Я встала со своего кожаного кресла. Голос ко мне вернулся и даже окреп.

— Мы поедем в Вашингтон и будем лично отстаивать свое изобретение. — Я собрала в кулак всю свою силу, как перед выходом на сцену, и добавила: — Джордж, хорошо это или плохо, но я знаю одно. Если кто-то может заставить мужчин изменить свое мнение, то это не Хеди Ламарр — изобретательница, а Хеди Ламарр — актриса.

Глава сорок третья

20 апреля 1942 года
Вашингтон, округ Колумбия

В Вашингтоне приближение войны чувствовалось сильнее. Из окна нашего арендованного автомобиля я видела собравшихся на учения солдат, флаги, развевающиеся у каждого дома, и усиленную охрану у главных правительственных зданий. От граждан физически ощутимо веяло силой и гордостью, и это воодушевляло и меня на борьбу против Третьего рейха.

Водитель высадил нас с Джорджем перед «новым военным ведомством», как его все называли, на углу Двадцать первой улицы и Вирджиния-авеню. Мы поднялись на массивное крыльцо здания, выстроенного из песчаника, в котором находились служебные кабинеты отделов военного министерства, в том числе военно-морских сил. Офицер пропустил нас сквозь вращающиеся медные двери, и мы подошли к двум ошеломленным охранникам — они должны были сопровождать гражданских лиц, допущенных в здание, полное военных. Они узнали меня и проводили нас до линии оцепления, а потом — за стену в пятьдесят футов высотой, которая,

как они сказали нам, получила название «защиты американских свобод».

— У нас назначена встреча в час, — сказала я секретарше, сидевшей за несколькими дверями, через которые мы прошли с сопровождением. Эту встречу с высшими чинами военно-морского флота нам организовал тот самый «источник» Джорджа, его друг из правительственных кругов, который все это время держал нас в курсе событий.

Молодая женщина в военной форме, накрашенная и причесанная «в стиле Ламарр», только блондинка, уставилась на меня. Она даже начала заикаться.

— Вы... вы... Хеди... Хеди... — Она умолкла и осталась сидеть с приоткрытым ртом.

— Ламарр, — договорила я за нее с мягкой улыбкой. — Да, я Хеди Ламарр, а это мистер Джордж Антейл. И у нас назначена встреча.

Она вскочила.

— Да, мисс Ламарр, прошу прощения. Пожалуйста, позвольте мне проводить вас в кабинет полковника Смита.

Ведя нас через коридор, секретарша то и дело оглядывалась на нас, словно не могла поверить, что в их ведомстве объявилась живая кинозвезда. Она провела нас дальше по лабиринту военно-морского отдела, пока мы наконец не добрались до огромного кабинета, занимающего целый угол здания. Не успела она постучать, как из дверей вышел какой-то мужчина и поздоровался с нами.

— Буллит! — тут же отозвался Джордж, уже протягивая руку.

Мужчины обменялись рукопожатием и похлопали друг друга по спинам. Должно быть, это и есть «источник» Джорджа, догадалась я. Уильям К. Буллит был сейчас высокопоставленным сотрудником Государственного департамента, а раньше, когда Джордж и его жена впервые встретили его в Париже в 1925 году, — журналистом и дипломатом. И хоть он был в натянутых отношениях с президентом Рузвельтом из-за открытой неприязни к заместителю госсекретаря Самнеру Уэллсу, рузвельтовскому фавориту, Буллит был достаточно близок к коридорам власти, чтобы предоставить нам с Джорджем достоверную служебную информацию. Он сам организовал эту встречу и вызвался присутствовать на ней вместе с нами.

Мужчины покончили с приветствиями и повернулись ко мне. Джордж представил мне своего друга, тот протянул руку и сказал:

— Зовите меня Буллит. Так значит, вы и есть знаменитая Хеди Ламарр, — проговорил он с некоторым удивлением, хотя и ожидал увидеть меня. — Когда Джордж сказал, что работает над изобретением вместе с вами, я подумал, что это какой-то розыгрыш.

Мне не понравился тон этого человека, хоть он и был близким другом Джорджа.

— Потому что не могли себе представить, что женщина может работать в военной и технической области?

У Буллита удивленно округлились глаза.

— Нет, конечно, не потому. Просто я не мог себе представить, что красавица кинозвезда захочет

работать с этим парнем, — сказал он и в шутку ткнул Джорджа кулаком в плечо. Мужчины рассмеялись. Наверное, я и в самом деле неправильно поняла его. Слишком натянуты у меня были нервы в ожидании этой встречи.

Повернувшись к двери, Буллит бросил нам через плечо:

— Ну что, ребята, готовы?

— Целиком и полностью, — отозвался Джордж.

Я схватила и крепко стиснула его руку. Я волновалась так, как никогда не волновалась перед выходом на сцену или на съемочную площадку: ведь сейчас это была уже не игра.

Буллит придержал перед нами дверь, и мы вошли в просторный кабинет, где нас ожидали двое мужчин в форме и один джентльмен в гражданском. Буллит представил их: полковник Л. Б. Лент, главный инженер Национального совета изобретателей, полковник Смит, заместитель главного уполномоченного по закупкам для Военно-морского флота, и мистер Робсон, чье звание и должность так и остались загадкой.

После обычного обмена любезностями я встала перед мужчинами, радуясь, что догадалась надеть свой самый консервативный темно-синий костюм. По возможности уверенным голосом я начала:

— Добрый день, господа. Спасибо, что нашли время встретиться с нами, особенно сейчас, в военное время, когда у вас наверняка много забот. Как мы с мистером Антейлом поняли, вы отказались включить предложенную нами торпедную систему в план вооружений, поскольку вас обеспокоили ее

размеры. Сегодня мы хотели бы занять несколько минут вашего времени, чтобы объяснить, насколько она мала. Мы хотели бы начать с описания, приложенного к нашей заявке, которую в настоящее время рассматривает Патентное ведомство США.

Мужчины удивленно переглянулись. Разве им никто не сказал, что, несмотря на их отказ, мы все-таки подали заявку на патент? Или эти изумленные взгляды — просто игра? Я продолжала свою тщательно подготовленную речь, показывала чертежи торпедной системы и модели, наглядно демонстрирующие ее размер. В условленный момент штурвал у меня перехватил Джордж. В заключение мы подчеркнули точность наводки нашей системы и предложили джентльменам задавать вопросы.

Мистер Робсон откашлялся.

— Эта речь пролила свет на все вопросы, мистер Антейл и мисс Ламарр. Думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что теперь мы в гораздо большей мере смогли оценить вашу торпедную систему и, в частности, ее размер. Да, это явно не то гигантское чудовище, которое мы себе представляли. Вы создали интереснейшее и оригинальное изобретение.

Мы с Джорджем обменялись взглядами, полными надежды.

Он продолжал:

— И тем не менее мы должны остаться при своем первоначальном решении — отказаться от принятия вашей системы. Мы решили обойтись существующей торпедной системой, разумеется, с обновлениями и изменениями.

Я ничего не понимала. Джордж бросил на меня недоумевающий взгляд.

— Позвольте узнать почему? — спросила я, стараясь говорить ровным голосом. — Мы ведь уже развеяли ваши опасения по поводу размера нашего устройства.

— Да, вы с мистером Антейлом исчерпывающе все разъяснили. — Мужчины украдкой переглянулись, и мистер Робсон, поколебавшись, добавил: — Мисс Ламарр, разрешите мне говорить откровенно?

Я кивнула.

— Я в восторге от вашей работы и могу сказать от имени всех нас, что мы ценим те невероятные усилия, которые вы и мистер Антейл к ней приложили. Но мой вам совет — продолжайте играть в кино. Ваши фильмы помогают поднять людям настроение. А если уж вы непременно хотите помочь фронту, мы считаем, что вам лучше распространять военные облигации, чем конструировать торпеды. Бросайте вы все эти дела с оружием — почему бы вам вместо этого не помочь нам собрать деньги, чтобы скорее разбить япошек и фрицев?

Мне было прекрасно известно, что мир, в котором я живу, пропитан сексизмом насквозь, до последней клеточки, и все же теперь я не верила своим ушам. Эти люди отказывались от системы, которая позволила бы хоть кораблю, хоть самолету выпускать по вражеским судам сколько угодно торпед с идеальной точностью, не давая врагу никакого шанса перехватить и заглушить радиосигналы. Неужели военные скорее допустят, чтобы

их солдаты и матросы проигрывали бои на море и гибли в огромных количествах, чем примут на вооружение систему, разработанную женщиной?

Мой голос звучал совершенно спокойно, хотя внутри я кипела от ярости.

— Верно ли я вас поняла? Вы отказываетесь от изобретения, которое сделало бы наш флот непобедимым, только потому, что я женщина? Да еще известная женщина, которой, по-вашему, больше пристало собирать деньги за облигации, чем конструировать боеспособные системы оружия? Знаете, я ведь могу делать и то и другое — и облигации продавать, и помочь вам решить проблемы с торпедами, если уж на то пошло.

Мистер Робсон ответил:

— Это не единственная причина, по которой мы решили отклонить вашу заявку, мисс Ламарр. Но, раз уж вы об этом заговорили, я должен признать: нам будет трудно убедить наших военных принять на вооружение систему, созданную женщиной. И мы не станем даже пытаться.

Я не могла сдвинуться с места. Не могла говорить. Его слова ошеломили меня до полной немоты и неподвижности. Мы с Джорджем были в шаге от победы — и оказались в тупике из-за каких-то предрассудков. Увидев выражение моего лица, Джордж бросился на помощь, отчаянно пытаясь остановить кровь, хлещущую из раны: он как мог отстаивал мою честь изобретательницы и мое право на это «неженское» занятие, превозносил мои знания и интеллект, благодаря которым родилась на свет

эта неуязвимая торпедная система. Но рана была смертельной.

Пока он бился, перечисляя достоинства нашей системы и доказывая, что пол ее создателя не должен иметь никакого значения, я затихла в объятиях мягкого кресла. Кажется, это было единственное утешение, доступное мне сейчас.

Вся ярость, бушевавшая во мне, испарилась — от меня словно осталась лишь пустая, хоть и красивая, оболочка. Может быть, ничего, кроме этой оболочки, миру от меня и не нужно. И, может быть, этот мир никогда не даст мне возможности искупить свои грехи.

Глава сорок четвертая

4 сентября 1942 года
Филадельфия, Пенсильвания

Рев толпы доносился до меня из-за алого бархатного занавеса. И цветом, и фактурой он был так похож на занавес Венского театра, что на мгновение я перенеслась обратно в Вену, в день своего триумфального дебюта на сцене в роли прославленной баварской императрицы Елизаветы. Как давно это было, и какой наивной была та девушка. Так странно, что когда-то я была свободна от чувства вины, которое теперь пронизывало меня насквозь.

Я много думала о том, как измерить мою вину. Можно ли подвести ей итог, подсчитав все жизни, которые я могла бы спасти, если бы решилась действовать, когда узнала об «эндлёзунге»? Помогут ли те усилия, что я вложила в создание своего изобретения, пусть и отвергнутого военными, хоть немного склонить чашу весов в мою пользу? Флотские чины так и не изменили своего мнения, даже когда Патентное ведомство США удовлетворило нашу заявку, выдав на нее патент под номером 2292387, хотя такое решение неопровержимо

доказывало перспективность нашей конструкции. Можно ли рассчитывать хоть на какое-то снисхождение за тот вклад, который я вношу в победу сейчас, пытаясь остановить нацизм единственным оставшимся мне способом? «Вам лучше распространять военные облигации, чем конструировать торпеды», как нелюбезно заявил мистер Робсон. И я последовала его совету, хотя он вряд ли всерьез от меня этого ожидал.

Сквозь шум публики слышались звуки скрипки и духовых. Но вот они постепенно смолкли, сменившись вежливой тишиной: первое отделение закончилось. Баритон ведущего объявил следующий номер концерта в Музыкальной академии Филадельфии, и я приготовилась к представлению. Потому что это и было настоящее представление.

Занавес поднялся, открыв передо мной великолепный зал, шедевр архитектурного искусства, сверкающий золотом, хрусталем и пурпуром, совсем как в Вене в дни моей юности. Знать бы, что же осталось теперь от красот моего родного города и что пришлось вынести его жителям. Остался ли хоть кто-то из моих бывших соседей жить в этих причудливых коттеджах, выстроившихся вдоль улиц Дёблинга, в том числе и вдоль Петер-Йорденштрассе, где жила когда-то моя семья? Или их всех уже отправили на северо-восток, в Польшу, а потом в лагеря? Слеза уже готова была выкатиться и побежать по щеке, но я сморгнула ее.

Вынырнув из своих воспоминаний, я услышала, как ахнули зрители в ответ на мое блистательное появление. В ярко-красном платье с блестками,

которое должно было отражать весь свет, падающий на сцену, я стояла неподвижно, чтобы дать зрителям вдоволь налюбоваться на себя. Затем я шагнула вперед, навстречу публике, и протянула к ним руки, показывая, что жду пожертвований. Я сама была сейчас и товаром, и зазывалой.

— Добро пожаловать на концерт в честь будущей победы Соединенных Штатов! — объявила я, стараясь как можно убедительнее изобразить американский выговор: я понимала, что мой немецкий акцент сейчас не вызовет теплых чувств. Я подняла руку, расставив пальцы буквой «V» — всем известный теперь знак «victory», «победа», — и зрители повторили его за мной.

Театр взорвался аплодисментами.

— Меня зовут Хеди Ламарр, и я сегодня здесь для того, чтобы собрать денег для дяди Сэма. Я здесь, чтобы помочь выиграть войну, а вы, полагаю, для того, чтобы посмотреть, как выглядит скандально известная Хеди Ламарр, — проговорила я комическим тоном, кокетливо уперев руку в бедро. Я старалась как могла копировать манеру хохотушки Сьюзи.

По залу пробежал смех, как я и рассчитывала. Затем я понизила голос, чтобы глубже донести свою главную мысль.

— У нас с вами должна быть одна и та же цель. Как выглядит Хеди Ламарр — не так уж важно по сравнению с тем, что творят Хирохито с Гитлером. Каждый раз, когда вы роетесь в своих кошельках, вы говорите этим двум мерзавцам: «Держитесь,

янки идут!» Так давайте поможем поскорее закончить войну! Покупайте военные облигации!

Аплодисменты загремели снова, на этот раз оглушительно. Ожидая, пока они стихнут, я перебирала в памяти события этого дня. Сегодня я произносила эту речь, с некоторыми вариациями, уже в третий раз. Свой день я начала на Брод-стрит в соседнем Ньюарке — там проводилась продажа военных облигаций в Военном парке, и я выступала перед двадцатитысячной толпой. Затем был обед для бизнесменов, профсоюзных и общественных деятелей в Филадельфии, где мне нужно было собрать на продаже облигаций не менее пяти тысяч долларов, а я собрала больше четырех миллионов. Рекорд! Удастся ли мне побить его сегодня вечером? Я скрупулезно подсчитывала каждый доллар, словно они приближали завершение моего сизифова труда — искупления.

Приложив руку козырьком к глазам, я взглянула на зрителей и спросила:

— Итак, есть у нас сегодня в зале военные?

Организаторы тура специально раздали билеты группе офицеров армии и флота, и в их числе одному моряку, которому предстояло сегодня нечто особенное. Он сам вызвался на эту роль, и мы отрепетировали ее с ним заранее. Военные, сидевшие слева в первых рядах, закричали и стали тянуть руки.

— Мы же выиграем эту войну, ребята?

На этот раз согласными криками отозвался весь зал, хотя военные орали громче всех. Затем, как было условлено, тот самый моряк выкрикнул:

— А как насчет поцелуя на дорожку, перед фронтом?

Притворившись, что шокирована вопросом, я приоткрыла рот и перевела взгляд на молодого человека.

— Это вы хотели поцелуя?

— Да, мэм, — крикнул он в ответ.

Я обратилась к публике:

— Что скажете? Хотите, чтобы я поцеловала этого храброго молодого моряка?

Толпа оглушительно закричала: «Да!»

— Эти добрые американцы считают, что я должна удовлетворить вашу просьбу. Что ж, идите сюда.

Юноша в безупречно отглаженной, белоснежной парадной морской форме, в фуражке и при галстуке, выбежал на сцену. Он шагал бойко и смело, пока не ступил на широкий помост. Тут на его лице внезапно отразилось смущение. До сих пор ему никогда не приходилось стоять перед многотысячной толпой. Это был его первый выход на сцену и первое выступление в этой роли, хотя обмана в ней не было: он не просто изображал моряка, уходящего на фронт. Его действительно уже ждал корабль, бескрайний Тихий океан и вражеские эскадры.

Чтобы успокоить юношу, я приветствовала его дружеским рукопожатием и попросила представиться публике. Эдди Роудс — это было его настоящее имя. Затем я снова обратилась к залу.

— Я предлагаю вам сделку, ребята. Я подарю нашему храброму воину Эдди Роудсу самый горячий поцелуй, если вы пообещаете — прямо сейчас — собрать не меньше пятисот тысяч долларов.

В каждом проходе, в конце, стоят девушки, которые запишут ваши имена и суммы пожертвований.

Девушки, тоже одетые в военную форму, стали передавать списки по длинным рядам, а мы с Эдди ждали. Страх сцены у Эдди, кажется, уже прошел, и мы с ним немного поговорили о его родных, оставшихся дома, под патриотическую музыку оркестра. Но когда он сказал, как рад своему назначению на корабль, уходящий в Тихий океан, у меня едва не выступили слезы. Как же я жалела, что на флоте не приняли нашу торпедную систему. Ведь тогда у этого бедного молодого человека было бы куда больше шансов остаться в живых. Я отвернулась, чтобы он не видел моего лица.

Рядом со сценой начали выстраиваться в ряд девушки, уже выполнившие свою работу.

— Ну как, мы набрали нужную сумму? — спросила я у гастрольного директора. Но тот был занят: записывал новые суммы пожертвований. Я видела, как он оживленно переговаривается о чем-то с ведущим, но на мой вопрос так никто и не ответил. Неужели мы не достигли цели — не собрали пятисот тысяч долларов? Может быть, мы слишком широко замахнулись? Перед этим мы очень долго спорили о том, какую цифру назвать сегодня.

Мы с Эдди переглянулись: эта задержка все сильнее тревожила нас обоих. Наконец ведущий поднялся по ступенькам на сцену. Когда он подошел к нам, я спросила в микрофон:

— Ну как, заслужил наш моряк свой поцелуй?

— Что ж, мисс Ламарр, у меня есть новости. Мы запросили с нашей публики огромную сумму.

Вы же понимаете, пятьсот тысяч долларов — это целое состояние.

— Да, конечно, — с напускной беззаботностью проговорила я, но внутренне приготовилась к неизбежному поражению.

— Нет, пятисот тысяч долларов мы с вами сегодня не собрали, — добавил он под разочарованный и насмешливый свист из зала.

— Мне очень жаль, — сказала я Эдди. Вид у него был удрученный.

— О нет, не жалейте, мисс Ламарр. И вам, Эдди, тоже не о чем жалеть. Потому что сегодня мы собрали два миллиона двести пятьдесят тысяч долларов! — почти прокричал он — иначе его голос потонул бы в какофонии криков и рева толпы.

Я был ошеломлена. Ни одна кампания по продаже военных облигаций никогда еще не приносила и пятиста тысяч долларов, не говоря уже о двух миллионах. Правда, перед этим на обеде я собрала рекордные четыре миллиона, но это было специальное мероприятие, рассчитанное на серьезных благотворителей, с назначенной минимальной суммой взноса. А тут самый обычный сбор!

— По-це-луй, по-це-луй! — начала скандировать публика, и я очнулась от своих мыслей. — По-це-луй, по-це-луй!

Я повернулась к Эдди. Да, он заслужил этот поцелуй, и зрители тоже. На мгновение софиты вновь ослепили меня, и я опять вернулась в день своей торжественной премьеры в Венском театре. Время изогнулось и сомкнулось в кольцо, вернув меня обратно в тот вечер, который изменил все. В тот

вечер я встала на путь, по которому иду сегодня, — путь невыносимо тяжкой вины, жажды искупления и редких, неожиданных радостей.

Сколько же масок я сменила, пока шла по этому пути, думала я, не в силах сдержать бегущие по лицу слезы. Слезы, которые и Эдди Роудсу, и гастрольному директору, и, наверное, публике казались слезами радости от такого оглушительного успеха. Снимала ли я хоть раз маску после смерти папы, решалась ли открыть незащищенную кожу? Ближе всего к этому я была во время работы с Джорджем — работы, которая, как мне сказали, была возмутительно «неженской». Я больше не возвращалась к ней после отказа военно-морских чинов, сколько бы Джордж меня ни упрашивал: я просто не могла еще раз оказаться в таком уязвимом положении. Все остальное время я, сама себе дитя и сама себе акушерка, бесконечно, раз за разом перерождалась в новую личность, каждый раз надевая новую маску, — только затем, чтобы снова и снова возвращаться к своему первоначальному облику. Даже сегодня. Особенно сегодня.

Превратилась ли я в конце концов в ту, кем меня всегда считали? Для всех я была Хеди Ламарр — красивое лицо, стройное тело и больше ничего. Никто не видел во мне Хедвиг Кислер — ни подающую надежды изобретательницу, ни пытливую мыслительницу, ни еврейку. Никто не видел меня саму за теми бесчисленными ролями, которые я играла и на съемочной площадке, и вне ее.

А может быть, я просто пряталась за чужим представлением обо мне, как за дымовой завесой,

чтобы под этим прикрытием незаметно добиваться своих целей? Может быть, с помощью этой личины я и выковала из себя наконец оружие против Третьего рейха, хоть и не совсем такое, какое задумала вначале? Не все ли равно, чем или кем меня считают, если я все-таки сумела отомстить поработителям Европы, когда собрала сегодня деньги для союзников, и, может быть, это и есть мое долгожданное искупление.

Я всегда была одна под своей маской — одна в мужской компании.

Оглавление

ЧАСТЬ I

Глава первая
17 мая 1933 года. Вена, Австрия 5

Глава вторая
17 мая 1933 года. Вена, Австрия 9

Глава третья
26 мая 1933 года. Вена, Австрия 14

Глава четвертая
26 мая 1933 года. Вена, Австрия 20

Глава пятая
28 мая 1933 года. Вена, Австрия 31

Глава шестая
28 мая 1933 года. Вена, Австрия 37

Глава седьмая
16 июля 1933 года. Вена, Австрия 44

Глава восьмая
16 июля 1933 года. Вена, Австрия 52

Глава девятая
18 июля 1933 года. Вена, Австрия 62

Глава десятая
10 августа 1933 года. Вена, Австрия 69

Глава одиннадцатая
14 августа 1933 года. Венеция, Италия 82

Глава двенадцатая
14 августа 1933 года. Венеция, Италия 89

Глава тринадцатая
28 сентября 1933 года. Шварцау, Австрия 95

Глава четырнадцатая
24 ноября 1933 года. Шварценау, Австрия 101

Глава пятнадцатая
17 февраля 1934 года. Вена, Австрия..... 109

Глава шестнадцатая
25–26 июля 1934 года. Вена, Австрия..... 116

Глава семнадцатая
4–5 октября 1934 года. Вена, Австрия 124

Глава восемнадцатая
12 февраля 1935 года. Вена, Австрия..... 134

Глава девятнадцатая
28 апреля 1935 года. Шварцау, Австрия 144

Глава двадцатая
20 июня 1935 года. Вена и Шварценау, Австрия 149

Глава двадцать первая
21 мая 1936 года. Шварцау, Австрия 161

Глава двадцать вторая
28 ноября 1936 года. Вена, Австрия..... 170

Глава двадцать третья
12 июля 1937 года. Вена, Австрия 180

Глава двадцать четвертая
24 августа 1937 года. Вена, Австрия..... 189

Глава двадцать пятая
25 августа 1937 года. Вена, Австрия..... 194

ЧАСТЬ II

Глава двадцать шестая
24–30 сентября 1937 года. Лондон, Англия — «Нормандия»... 203

Глава двадцать седьмая
20 февраля 1938 года. Лос-Анджелес, Калифорния..... 214

Глава двадцать восьмая
4 марта 1938 года. Лос-Анджелес, Калифорния 224

Глава двадцать девятая
13 марта 1938 года. Лос-Анджелес, Калифорния 232

Глава тридцатая
14–15 января 1939 года. Лос-Анджелес, Калифорния 238

Глава тридцать первая
28 января 1939 года. Лос-Анджелес, Калифорния 247

Глава тридцать вторая
10 июля 1939 года. Лос-Анджелес, Калифорния 252

Глава тридцать третья
4 сентября 1939 года. Лос-Анджелес, Калифорния 260

Глава тридцать четвертая
8 июля 1940 года. Лос-Анджелес, Калифорния 268

Глава тридцать пятая
19 сентября 1940 года. Лос-Анджелес, Калифорния 273

Глава тридцать шестая
30 сентября 1940 года. Лос-Анджелес, Калифорния 278

Глава тридцать седьмая
30 сентября 1940 года. Лос-Анджелес, Калифорния 287

Глава тридцать восьмая
19 октября 1940 года. Лос-Анджелес, Калифорния 295

Глава тридцать девятая
26 октября 1940 года. Лос-Анджелес, Калифорния 305

Глава сороковая
4 сентября 1941 года. Лос-Анджелес, Калифорния 311

Глава сорок первая
7 декабря 1941 года. Лос-Анджелес, Калифорния 319

Глава сорок вторая
30 января 1942 года. Лос-Анджелес, Калифорния 324

Глава сорок третья
20 апреля 1942 года. Вашингтон, округ Колумбия 332

Глава сорок четвертая
4 сентября 1942 года. Филадельфия, Пенсильвания 340

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Мари Бенедикт
ОДНА В МУЖСКОЙ КОМПАНИИ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Пётр Щёголев*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 05.03.2020.
Формат издания 84×108 1/32. Печ. л. 11,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 01.04.2020. Заказ № 2004290.

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства, обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

16+
ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ